

*Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова,
Л.М. Комиссарова и др.*

ТЕОРИЯ ТЕКСТА

Учебное пособие

ФЛИНТА • НАУКА

Юлия Николаевна

Земская, Ирина

Юрьевна Качесова,

Людмила

Михайловна

Комиссарова,

Наталья

Владимировна

**Панченко, Алексей
Андреевич Чувакин
Теория текста**

Из предисловия к первому изданию

В содержании подготовки филологов в классических университетах России отчетливо выделяется функциональная составляющая. Она зафиксирована в Государственных образовательных стандартах по специальности и направлению «Филология», в образовательно-профессиональных программах и учебных пособиях.

Функциональная составляющая представлена циклом самостоятельных учебных дисциплин, объектом которых является текст – теорией текста, или лингвистикой текста, стилистикой, языком художественной (и других видов) литературы, интерпретацией текста, риторикой и др., а также специальными и элективными курсами. Вместе с тем текст, естественно, продолжает изучаться и находит более глубокие интерпретации в традиционных учебных дисциплинах – как лингвистических, так и литературоведческих.

И это не случайно.

«Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей», по справедливой оценке С.С. Аверинцева, является исходной реальностью филологии. В конце XX в. в системе филологического знания активизировалась одна из самых сильных связей текста – его связь с коммуникативной деятельностью Ното Лоцепа как двуединства Говорящий-Слушающий. Начала существенно меняться и языковая коммуникация: она становится все более открытой и незавершенной,

жанрово многосложной, обусловленной электронными и техническими средствами, взаимодействием сознательного и бессознательного (при усилении роли последнего), рационального и эмоционального (опять-таки при усилении роли последнего), языкового и неязыкового etc. Она все более тесно взаимодействует с другими системами коммуникации (социальной, политической, рекламной и др.). Соответственно изменяется и облик текста – атрибута коммуникации.

Все это способствовало появлению разнообразия учебных пособий, посвященных проблемам текста. Эти книги различаются адресатом, аспектом рассмотрения текста и другими параметрами. Предлагаемое учебное пособие освещает вопросы теории текста в русле идей коммуникативного подхода к исследованию языка. Оно адресовано студентам-филологам, находящимся на завершающей ступени обучения, – тем, кто уже выбирает или корректирует темы выпускных квалификационных работ: дипломных – специалисты, диссертационных – магистранты, кто уже уточняет, шлифует свои профессиональные интересы. Такое видение адресата предлагаемого учебного пособия определило, что в изложении материала авторы стремились не только представить в книге определенные сведения из теории текста, «остановленной» для этих целей, но и эксплицировать движение мысли по пути построения предмета исследования, по пути его постижения, выделить базовые категории и понятия теории текста, сложившиеся в науке, и выявить нерешенные проблемы и очередные задачи научного осмысления текста. Тем более что статус теории текста в науке (в лингвистике? в филологии?) все еще не стабилизировался, что во многом объясняется фактически междисциплинарным

характером знаний о тексте. Внимательный читатель сможет обнаружить в пособии некоторые (умышленные!) повторы и (даже!) противоречащие друг другу суждения, увидит вопросы, оставшиеся без ответа (часть из них сформулирована впервые именно в нашей книге). Это отражает сложность и противоречивость самого объекта и процесса его научного описания, хотя бы и в учебных целях. Мы очень надеемся, что читатель сможет использовать принятый нами способ подачи материала во благо себе, например, чтобы зафиксировать на этой основе «белое пятно» в науке, найти свой «уголок» в исследовании текста... Словом, читатель получает в руки реальный текст о теории текста!

Данная книга подготовлена на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации при участии преподавателей кафедры связей с общественностью Алтайского государственного университета (г. Барнаул). В ее основу положены лекции, прочитанные авторами студентам русского отделения филологического факультета, магистрантам и аспирантам, а также некоторые результаты научных изысканий, проведенных самостоятельно и совместно со студентами и магистрантами – участниками специальных семинаров кафедры. От имени авторского коллектива выражаю всем студентам кафедры глубокую признательность.

Разделы написаны: «Текст как объект и предмет лингвистики» – доктором филол. наук А.А. Чувакиным; «Текст в его отношении к участникам коммуникации» – канд. филол. наук Ю.Н. Земской при участии канд. филол. наук И.Ю. Качесовой и канд. филол. наук Н.В. Панченко; «Знаковый характер текста» – канд. филол. наук Н.В. Панченко; «Текст в его отношении к

действительности и текстам» – доктором филол. наук А.А. Чувакиным (4.1; 4.3), канд. филол. наук И.Ю. Качесовой (4.2), «Вместо заключения» – канд. филол. наук Л.М. Комисаровой.

А.А. Чувакин

Предисловие ко второму изданию

Во втором издании учебного пособия произведен ряд изменений. Их смысл – более активно помочь читателю приблизиться к постижению «жизни» текста. И еще одно изменение, на первый взгляд, внешнее: из названия книги исчезло слово «основы». Это изменение определяется не только существенностью внесенных авторами дополнений и изменений, но и новой ситуацией в высшем профессиональном образовании по направлению подготовки «Филология». Разработка Федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения по направлению подготовки «Филология» для бакалавриата и магистратуры потребовала дифференциации не только перечней и содержания учебных дисциплин в бакалавриате и магистратуре, но и наименований дисциплин. Линия разграничения в этом, последнем, случае оказалась следующей: если в бакалавриате изучаются основы теории (текста и др.), введение в теорию (коммуникации и др.), то в магистратуре – уже теория. Так при сохранении основного адресата предлагаемого учебного пособия (это студенты магистратуры) пришлось внести изменение в его название.

А.А. Чувакин

Глава 1

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Становление и развитие теории текста в лингвистике

Риторика и филология как колыбель теории текста. Возникновение лингвистической теории текста обычно датируется 50–70 гг. XX в. Учение о тексте восходит к двум древним областям знания – риторике и филологии. Поэтому можно считать, что лингвистическая теория текста своими корнями уходит в риторику и филологию. Именно риторике и филологии было суждено сыграть едва ли не ключевую роль в складывании теории текста в середине XX в.

Риторика как теория и практика ораторского искусства, или искусства красноречия, широко развивается в эпоху античности. Ставя своей задачей научить человека ораторскому искусству, риторика имеет дело, как мы бы сказали теперь, в новейшее время, с порождением речи, на первых порах только устной. Для решения этой задачи античные риторики разработали элементы речи, составившие риторический канон; это: изобретение, расположение, выражение, память, произнесение. Стало быть, текст здесь выступает прежде всего в процессе своего движения – от замысла к произнесению, движения, которое осуществляется в коммуникативной ситуации во имя слушающего. Он-то,

по замечанию Аристотеля, «и есть конечная цель всего». Поэтому в классический период риторики (середина 1 тысячелетия до н. э. – сер. XVIII–XIX в. н. э.) текст не выделился в ее самостоятельный объект. Более того, как отмечает С.И. Гиндин, риторика «никогда *не нуждалась в общем... понятии текста*» [Гиндин 1996, с. 35]: риторика имела дело с типом, видом, жанром – словом, с разновидностями! – текста и с конкретными текстами и достигла небывалых высот в изучении некоторых из них.

Филология, возникшая в эпоху поздней античности как деятельность по собиранию и установлению письменных памятников, всегда имела дело с текстом, точнее письменным текстом. Анализ условий возникновения текста, его вхождения в культуру, закономерности понимания и истолкования текста – таковы задачи филологии, в частности при ее возникновении и в т. н. донаучный период [Рождественский 1979]. Получается, что филология имеет дело с текстом и рассматривает его в условиях его существования – в среде. При этом понятие среды толкуется здесь иначе, чем в риторике: если для риторики среда – это ситуация, в которой произносится речь, то для филологии среда – это условия существования текста. Риторика и филология имеют разные цели и аспекты изучения текста: если цель первой состоит в убеждении слушателя, что и выдвигает на первый план аспект текстопорождения, то вторая ставит своей целью обеспечение понимания текста, потому в ее центре находится аспект текстопонимания.

Итак, филология и риторика, в классический период их развития, создали, говоря современным языком, основы двух методологий изучения текста (хотя и не реализовали в более или менее полном виде ни одну из

них) – как убеждающей речи (риторика) и как исходной реальности (филология).

Учение о тексте в середине XIX – середине XX вв. Упадок риторики и процесс дифференциации филологического знания и филологических наук, исторически совпавшие по времени (1 половина – середина XIX в.), затормозили становление теории текста как самостоятельной области филологии (лингвистики). Середина XIX – середина XX вв. представляет собой в интересующем нас плане период накопления эмпирических фактов и теоретических сведений о тексте, выдвижения в языкознании и других гуманитарных науках ряда фундаментальных идей, стимулировавших складывание к концу периода лингвистической теории текста.

Языкознание. Русское языкознание в этот период не выделяет текст как особую единицу языка, но постоянно обращается к тексту, что имеет место в разных познавательных ситуациях.

Прежде всего это спорные ситуации, возникающие при решении ряда вопросов *синтаксического* описания языка. Так, нельзя остаться в рамках предложения при разграничении полных и неполных предложений. Это заметил уже Н.И. Греч, писавший в своей «Практической русской грамматике: «...на вопрос: *кто основал Санкт-Петербург?* отвечают предложением: *Петр Великий*, в коем опущены связка и сказуемое (*основал Санкт-Петербург*). Такие предложения именуют *неполными*, в противоположность *полным*» [Греч 1827, с. 243]. Как видим из иллюстрации, в анализ материала вовлекается предложение, сопутствующее рассматриваемому (первое предложение воображаемого

диалога). Так обнаруживается проблема соотношения предложения и сочетания предложений (текста).

Еще одну, тоже синтаксическую ситуацию составляет анализ построений, выходящих за рамки предложения. Таковы, например, период (уже в Русской грамматике М.В. Ломоносова), конструкции с чужой речью (у М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева и др.), сложное целое и абзац (у А.М. Пешковского). Перечисленные построения явно не укладывались в представления о предложении, поэтому рассуждения о них значимы для вызревания учения о тексте как попытки выйти за пределы предложения для решения собственно синтаксических задач и в то же время вовлечь текст в орбиту синтаксиса.

Без обращения к тексту не обходится описание *языка художественной литературы и стилистика*. Так, исследование, например, В.В. Виноградовым стиля художественного произведения сквозь призму образа автора определило обращение к узкому или широкому контексту (фрагменту текста), выделяемому горизонтально или вертикально, к целому тексту или его отдельным категориям – повествованию, диалогу и др. И это позволило В.В. Виноградову поставить ряд важнейших исследовательских задач. Приведем лишь одно из положений ученого: «В «образе автора», в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетания словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразие синтаксического движения. Так открывается самый глубокий пласт в

стилистическом исследовании художественной литературы» [Виноградов 1971, с. 181–182].

Исследование текстов художественной литературы сыграло фундаментальную роль в становлении теории текста, в сопряжении идей филологии и риторики и продвижении их в теорию текста. Так, в программе исследования поэтического языка, обоснованной Г.О. Винокуром в статье 1946 г., конечной целью изучения поэтического языка по текстовым материалам обозначена «личность художника, его идейный и художественный замысел, поэтика произведения или собрания произведений» [Винокур 1991, с. 61].

Методология лингвопоэтических и стилистических исследований, разработанная В.В. Виноградовым и Г.О. Винокуром, реализована ими в конкретном анализе не только текстовых фрагментов, но и целых текстов, например, повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (В.В. Виноградовым) и трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (Г.О. Винокуром).

Особая роль в складывании лингвистического учения о тексте принадлежит стилистике. Имеются в виду такие ее разделы, как стилистика речи (в понимании В.В. Виноградова), организация высказывания. Так, чешский филолог В. Скаличка утверждал, что высказывание может быть представлено одним, двумя или несколькими предложениями, а также, например, выступлением, лекцией, письмом, романом [Skalicka 1960, s. 241].

Ситуация *общелингвистическая*. Она связана с необходимостью определить место текста в системе языковых явлений. В первой половине XX в. это сделал Л.В. Щерба. В статье «О тройном аспекте языковых

явлений и об эксперименте в языкознании» Щерба отвел текстам, на первый взгляд, служебную роль, отождествив их с языковым материалом, сущность которого состоит в том, что из него «могут выводиться» «все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике» [Щерба 1974, с. 26]. Однако решение ученого вполне правомерно: в нем фиксируется статус текста как исходной реальности лингвистических исследований. Тексты, по Л.В. Щербе, – это «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 1974, с. 26]. Важны и характеристики текстов и принципов их исследования: тексты суть и процессы и материал (рассматриваются как процессно-предметное единство); две стороны текста – говорение и понимание, – вопреки традиции, выдвигавшей в центр внимания говорение, признаются одинаково существенными для лингвистики (см.: «языковой материал вне процессов понимания будет мертвым» [Щерба 1974, с. 26]); тексты не могут быть лишены «обстановки» (принципиальная идея об изучении текстов в единстве со средой их существования) [Щерба 1974, с. 26]; наконец на область текстов распространяется и положение о лингвистическом эксперименте в языкознании.

Еще одна ситуация, из области *обучения русскому языку*. И.А. Фигуровский, в целях совершенствования работы по развитию речи учащихся, проанализировал отношения между законченными предложениями в целом тексте. Им выделены и описаны типы этих отношений: однородные и неоднородные, выявлены средства связи – синтаксические и несинтаксические. На этой основе исследователь пришел к выводу о том, что предложения

объединяются в компоненты, а последние – в целый текст.

Рубежное значение в складывании теории текста в отечественной науке сыграли исследования Н.С. Пospelова, проведенные в 40 —50-е годы XX в. и представленные в цикле статей и монографии «Синтаксический строй стихотворных произведений А.С. Пушкина» (М., 1960). В зарубежной лингвистике в это время развиваются идеи «содружества предложения» (К. Боост), дискурса (З. Харрис), высказывания (В. Скаличка) и под.

Н.С. Пospelов, исследуя синтаксический строй поэмы Пушкина «Медный всадник» и других стихотворных произведений поэта, выдвинул тезис о том, что «действительной» синтаксической единицей связной монологической речи является не предложение, а сложное синтаксическое целое (ССЦ). ССЦ и при изъятии из текста сохраняет свою синтаксическую самостоятельность, замкнутость структуры и выражает законченную мысль [Пospelов 1990, с. 117]. Исследователем установлены признаки ССЦ: прерывистость их строения и разнородность их состава. Применительно к ССЦ выдвинут тезис о том, что оно представляет собой законченную коммуникативную единицу.

Исследования И.С. Пospelова, проведенные в русле синтаксиса, в сущности, синтаксис перешагнули: они фактически доказали, что в тексте есть нечто «сверхпредложенческое» (= сверхфразовое). Поэтому теоретические результаты, полученные И.С. Пospelовым, во многом определили понимание текста и многие из

направлений его исследования текста в 60 —70-е годы XX в.

Другие гуманитарные науки. В рассматриваемый период текст был (и остается в настоящее время) в «ближнем круге» интересов гуманитарных наук – не только как форма репрезентации гуманитарнонаучного знания, но – и как объект (не предмет!) исследования. Признаётся, что возникновение (и развитие) теории текста во многом стимулировано гуманитарными науками. В гуманитарных науках выделяется несколько направлений исследования текста, а также положений и идей, важных для становления теории текста. Приведем важнейшие факты такого рода.

Прежде всего это идеи и положения философско-филологического толка, сформулированные *М.М. Бахтиным* в его сочинениях. По Бахтину, текст является первичной данностью гуманитарно-философского мышления, он та непосредственная действительность, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление.

Текст в его отношении к системе языка и субъектам (высказывание), высказывание как единица речевого общения, порождение высказывания, его диалогичность – вот минимум вопросов о сущности текста.

«Отношению высказывания к *самому говорящему* (автору высказывания) и к *другим* участникам речевого общения» [Бахтин 1997, с. 236] ученый придавал важнейшее значение при рассмотрении сущности высказывания как реальной единицы речевого общения в отличие от единиц языка. Другие признаки высказывания – смена речевых субъектов и завершенная целостность высказывания, которая определяется

предметно-смысловой исчерпанностью, речевым замыслом или речевой волей говорящего, типическими композиционно-жанровыми формами завершения, – по сути дела, сводятся к первому признаку (признаку отношения) как внешний и внутренний уровни механизма его осуществления.

Рассмотрение диалога как встречи двух субъектов предполагает и метод его познания – понимание. «Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [Бахтин 1997, с. 232].

М.М. Бахтиным сформулирован следующий тезис: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов о в» [Бахтин 1997, с. 229]. Тем самым будущая теория текста получила ключевую проблему – проблему жизни текста.

Обратимся к *герменевтике и семиотике*.

В прошлом герменевтика сосредоточивала свое внимание на переводе (античность и средние века) или реконструкции смысла (начиная с эпохи Возрождения) (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей и др.), в XX в. – на диалоге (Ф. Розенцвейг, М.М. Бахтин и др.), определяла принципы, методы и техники истолкования смыслов. Текст всегда, начиная со Священного писания, признавался одним из важнейших носителей смысла (а в отдельные периоды – единственным). Герменевтикой разработаны и свои модели коммуникации. Так, в модели Г.Г. Шпета существенно признание того, что «Сообщение есть та стихия сознания, в которой живет и движется понимание» [Шпет 1990, с. 222]. Семиотики во втором поколении (М.М. Бахтин, Я. Мукаржовский, Э. Бенвенист, Р. Барт и др.) ориентировались на исследование уже не

отдельного знака (в языке: слово), а знаковой последовательности, или сложного знака. Это связный текст, произведенный не только из языковых знаков, но и из знаков неязыковых (текстом являются и музыкальные произведения, и хореографические, и произволени архитектуры и др.).

Так открываются возможности исследования языкового текста – как сложного знака, в его связях и отношениях с текстами в нелингвистическом смысле, возможности исследования семиозиса. Для семиотических моделей оказываются фундаментально значимым суждение Р. Барта из заключения к книге «Основы семиологии». Выдвигая требование однородности корпуса фактов, ученый в то же время подчеркивает: «Однако на практике исследователь имеет дело со смешанной субстанцией... Поэтому приходится принять существование гетерогенных корпусов» [Барт 2000, с. 301–302].

Интерес к *коммуникации* как взаимодействию субъекта и объекта (по современным версиям: субъектов) сопровождает всю историю человечества: коммуникация – в широком смысле – составляет одну из основ жизнедеятельности человека. В XX в. этот интерес стимулировал появление информатики. И эти области знания не обходятся без понятия текста. Осмысление же текста в русле лингвистики, в свою очередь, испытывает влияние учения о коммуникации и информатики. Такова, например, широко известная модель коммуникации и языковых функций Р. Якобсона (1960).

Теория текста в 60–70 годы XX в. В этот период учение о тексте приобретает статус самостоятельной лингвистической дисциплины. Преобладающая

проблематика, название дисциплины о тексте в рамках разных национальных филологических традиций различается. Ср.: лингвистика текста (считается, что от П. Гартмана), грамматика текста, стилистика текста, герменевтика текста, теория текста и др.

Текст привлекает внимание большого числа специалистов, его изучению посвящаются научные конференции (например: Лингвистика текста: Матер, науч. конф. М., 1974) и сборники статей (например: Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М., 1978. Вып. VIII. Синтаксис текста. М., 1979), обзоры литературы (например: [Гиндин 1977]).

Главная особенность теории текста в 60 —70-е годы состоит в том, что именно в этот период ее предметом постепенно становится не сочетание предложений (сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство и др.), а целый текст. Изменение предмета теории текста имеет теоретико-коммуникативное основание: текст признается средством (единицей, основой, формой и т. д.) коммуникации. Таким образом, из двух «главных героев» теории текста: сочетания предложений и целого текста – второй становится «главнее» и начинает рассматриваться как предмет теории текста. Это изменение отражается в использовании термина «текст» для обозначения и целого текста, и его фрагмента, в многообразии конкурирующих терминов: сложное синтаксическое целое (синтаксическое целое), высказывание, речевое произведение, коммуникат (в чешской традиции).

Основные достижения 60 —70-х годов связаны с поиском сущности текста – признанием его места в системе *язык: речь* (текст – высшая синтаксическая

единица), квалификацией его как синтаксического знака, установлением его иерархической структуры, рассмотрением в аспектах плана содержания и плана выражения, функциональном, с позиций моделирования и др.

В определении сущности текста и его описании, по наблюдениям Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1974, с. 197–205], складывается две исследовательские программы. Одна из них представляет собой распространение традиционных идей и методов лингвистики на отрезки, большие, чем предложение; другая видит в тексте особую, самостоятельную сущность, порождаемую и функционирующую в коммуникации и трансляции и описываемую на основе связей языкознания с семиотикой, логикой, теорией коммуникации, психологией, социологией и другими гуманитарными науками. Г.П. Щедровицкий утверждает, что «всякий текст вплетен в множество разных деятельностей и существует как текст лишь благодаря тому, что он имеет определенные функции в этих деятельности» [Щедровицкий 1974, с. 204].

Обе программы реализуются в отечественной и зарубежной теории текста, но с проблемами коммуникативности текста связаны интересы прежде всего зарубежных специалистов [Новое в зарубежной лингвистике 1978]. В нашей стране она получает обоснование и развитие в работах, например, Г.В. Колшанского и других исследователей. Так, Г.В. Колшанский относит текст к разряду явлений коммуникации и соответственно область исследования текста квалифицирует «как по меньшей мере

пограничную область между лингвистикой, логикой и психологией» [Колшанский 1978, с. 126].

В отечественной науке в этот период выдвинулась проблема единиц текста, которая стимулировала многоаспектное исследование сочетания предложений сверхфразового единства, – сложного синтаксического целого, прозаической строфы, речевого типа (повествования, описания и рассуждения) и др. Н.Д. Зарубина пришла к выводу о том, что проблему единиц текста нельзя сводить к поиску одной единицы [Зарубина 1979]. Другая важная проблема теории текста этого времени – признаки и свойства текста. В качестве определяющих среди них по большей части квалифицируются признаки связности и/или целостности (В. Дресслер, Кв. Кожевникова, А.А. Леонтьев, Т.М. Николаева, М. Пфютце, О.И. Москальская, Г.Я. Солганик, Ю.А. Сорокин и др.).

В 60 —70-е годы происходит расширение фактической базы исследований текста: выполняются работы по материалам не только художественных текстов, но и устных и разговорных, монологических и диалогических, публицистических и деловых и др. В связи с этим обостряется проблема сущности текста и его единиц – возникает своего рода давление материала на еще не окрепшую теорию.

Многообразие складывающихся путей изучения текста и фактического материала актуализировало проблему систематизации текстов и классификации материала. Эта проблема нашла влиятельное решение в статье К. Гаузенблаза [Гаузенблаз 1978]. Автор продемонстрировал значительное разнообразие фактического материала, по его терминологии, речевых

произведений, для чего воспользовался следующими основаниями: 1) простота / сложность структуры текста речевых произведений (в зависимости от соотношения текста и смысла); 2) независимость / зависимость речевых произведений (от ситуации); 3) непрерывность / прерывность речевых произведений (в зависимости от порядка следования их частей). Важно, что К. Гаузенблаз учел не только собственно языковой материал, но и материал, представляющий собой смешанные и даже неязыковые типы манифестации смысла.

Итак, 60 —70-е годы – рубежный период в процессе складывания учения о тексте как об объекте лингвистики: текст **осознан** и как единица, формирующая высший уровень языка как системы, и единица, принадлежащая области речевой коммуникации; эта «двунаправленность» текста влечет необходимость и «сугубо» лингвистических, и междисциплинарных и пограничных исследований его как объекта науки. Однако складывание **теории** текста – задача конца XX в.

Теория текста в 80-х годах XX в. – начале XXI в. Современный период исследования текста отличается тем, что текст квалифицируется, по словам Г.А. Золотовой, как «высшая реальность языка», а наука о тексте превращается, по оценке Л.А. Новикова, «в одно из магистральных направлений мировой науки о языке XXI в.».

Период начался выходом в свет монографии по лингвистической *теории* текста. Это книга И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» [Гальперин 1981], в которой текст предстал предметом лингвистики текста: «Текст, – пишет

И.Р. Гальперин, – это данность, имеющая свои, присущие только ей параметры и категории» [Гальперин 1981, с. 135]. К числу таких категорий отнесены информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста. Их рассмотрение и составляет основное содержание книги. Автором дано следующее определение текста: *«Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку (курсив автора. – А4".)»* [Гальперин 1981, с. 18].

Это определение, важнейшие положения книги – прежде всего о видах информации в тексте (содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой), о двух типах членения текста (объемно-прагматическом и контекстно-вариативном), о его категориях и признаках – во многом обусловили содержание и проблематику исследования текста вплоть до настоящего времени.

Из других факторов, повлиявших на процессы складывания теории текста и ее развитие в рассматриваемый период, выделяются новые тенденции в развитии науки о языке, которые оцениваются как

новая научная парадигма в языкознании. Речь идет о следующих тенденциях:

- системоцентризм как господствующая методология явно потеснен антропоцентризмом, выдвинувшимся на главные позиции в науке (см., например: [Язык и наука 1995]). Одним из проявлений этого процесса явилось осмысление языковедами направления движения нашей науки от лингвистики языка к лингвистике общения [Городецкий 1990], от теории текста к теории дискурса [Кубрякова, Александрова 1999];

- «расширение» границ предмета науки о языке и соответственно границ лингвистики за счет всего фронта «явлений, в которых принимает участие язык» [Звегинцев 1978, с.130], или за счет расширения списка «"разрешенных к постановке" проблем» [Фрумкина 1996, с. 60];

- возникшее в конце 70-х годов взаимодействие лингвистики с возродившейся риторикой (в облике неориторики), важнейшее место в которой заняла коммуникативная модель с текстом как ее активным участником и признанием текста как программы поведения, деятельности и общения;

- усилившаяся «филологизация» лингвистики и укрепление ее связей с гуманитарными науками на основе расширения и качественного изменения объектов филологических наук: не только текст, но и язык и *homo loquens* [Чувакин 1999].

Текст активно вовлекается в сферу исследования целым спектром гуманитарных наук – семиотикой, прагматикой, герменевтикой, антропологией, теорией деятельности и др. Следствием этого является феномен, квалифицированный П. Рикером как конфликт

интерпретаций; воскрешение или появление и развитие ряда новых отраслей науки о языке, в том числе теории общения, лингвопрагматики, филологической герменевтики, дискурсивной лингвистики и др. Центральной смыслообразующей категорией гуманитарного знания становится единство «человек и его язык» в философском осмыслении этого феномена. Философская рефлексия по поводу человека движется от признания отражательной сущности его сознания к признанию его коммуникативной природы, а философское осмысление языка – от тезиса «язык есть непосредственная действительность мысли» (К. Маркс) к тезису «язык есть дом бытия» (М. Хайдеггер). Все эти факторы так или иначе «вторгаются» в область исследования текста и во многом определяют ее постоянно меняющийся облик.

Текст остается предметом рассмотрения на все еще многочисленных научных конференциях, география которых расширяется (например: Коммуникативные единицы языка: Тез. докл. М., 1984; Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты: Тез. докл. Екатеринбург, 1992; Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1995; Человек – Коммуникация – Текст: Тез. докл. Барнаул, 1998; Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: Матер, конф. Улан-Удэ, 2004), в сборниках статей, научных обзорах (например: [Трошина, 1987]). Широко издаются монографии о тексте, учебные пособия, учебники.

Развитие теории текста приводит к фактическому «уравниванию в правах» языка и текста как двух важнейших лингвистических объектов (Ср.: [Колшанский 1984, с. 90]). Важнейшие направления исследования языка распространяются и на область текста. Активно

идет процесс концептуализации предмета исследования, во многих случаях на стыке направлений, разделов лингвистики, в комплексных и междисциплинарных исследованиях. Текст исследуется как

- знак (сложный знак или знаковая последовательность) – в аспектах его устроенности: структурной, содержательной, функциональной (коммуникативной, прагматической); парадигматики и синтагматики (А.Г. Баранов, В.Г. Гак, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, А.И. Новиков, Е.А. Реферовская, З.Я. Тураева, Е.В. Сидоров, Р. Барт, У. Эко и др.);

- система, тип и феномен (Е.А. Баженова, В.А. Бухбиндер, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Н.А. Купина, В.В. Одинцов, М.Ю. Сидорова, О.Б. Сиротинина и др.);

- единица динамическая – в плане текстопорождения, текстообразования и текстопонимания (Г.И. Богин, М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, Н.А. Мельчук, Л.Н. Мурзин, Н.П. Перфильева, А.А. Чувакин и др.); как текстовая деятельность (А.И. Варшавская, Т.М. Дридзе, Н.Л. Мышкина и др.); как предмет теории интерпретации (С.А. Васильев, В.В. Васильева, К.А. Долинин, А.И. Домашнев, В.А. Кухаренко и др.);

- компонент культуры, средство межкультурной коммуникации; как предмет типологических построений (Н.Л. Галеева, И.В. Гюббенет, Ю.А. Сорокин и др.);

- психо– и социолингвистический феномен, явление культуры (В.П. Белянин, Т.А. ван Дейк, А.А. Залевская, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, А.А. Леоньев, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин, В.Я. Шабес и др.);

- как комплексный, междисциплинарный объект (У. Эко и др.). Из междисциплинарных, пограничных концепций текста укажем, например, концепции, выросшие на основе семиотики (Ю.М. Лотмана, В.А. Руднева) и герменевтики (И.В. Арнольд, А.А. Брудного).

Так, Ю.М. Лотман [Лотман 1996], опираясь преимущественно на художественные тексты и отталкиваясь от трех основных функций текста (средство упаковки сообщения, генератор новых смыслов, конденсатор культурной памяти), рассматривает текст как смыслопорождающее устройство. Здесь отводится большая роль риторике как механизму смыслопорождения. Механизм этот функционирует в бесконечном процессе движения текста. Для концепции Лотмана существенно, что устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их канала, «погружено в семиотическое пространство», представляющее собой «условие... существования и работы» языков. Вне этого пространства нет ни коммуникации, ни языка [Лотман 1996, с. 163–164]. Методология Ю.М. Лотмана свидетельствует о том, что его исследовательский подход может быть распространен и на анализ нехудожественных текстов.

Приведем определение текста, разработанное В.П. Рудневым на основе комплексного подхода к исследованию (на материале текстов художественных): «Текст – это системное единство, проявляющее себя посредством повторяющихся мотивов, выявляемых посредством метода свободных ассоциаций, обнаруживающих скрытые глубинные мифологические значения, определяемые контекстом, с которым текст вступает в сложные взаимоотношения, носящие характер межмировых отношений между языком текста и языком

реальности, строящихся как диалог текста с читателем и исследователем» [Руднев 2000, с. 16].

Еще одна иллюстрация. И.В. Арнольд, отталкиваясь от идеи диалогизма М.М. Вахтина, выстраивает концепцию интерпретации художественного текста на «перекрестье» трех теоретических сфер: учения о диалогизме, теории интертекстуальности и герменевтики. Существенно, что, по мнению упомянутого автора, читательское восприятие избавляется от предвзятости, но сочетает объективные и субъективные пути [Арнольд 1999, с. 350]. В позиции А.А. Брудного исследователя текста привлекает исходное представление о тексте, который рассматривается как «смыкающий компонент акта коммуникации. В тексте реальность представлена и сконцентрирована в доступной пониманию форме». Такова фундаментальная психологическая особенность текста [Брудный 1998, с. 12].

На основе сопряжения идей философии, коммуникативистики, семиотики, герменевтики и ряда других наук сформулирована оригинальная концепция текста У. Эко – одна из самых влиятельных в наше время.

Важнейшим достижением периода является складывание и развитие направлений, подходов, методов исследования текста. «Самоопределение» теории текста чаще всего происходит как ее «самопознание» на основе метода бинарных оппозиций. Текст рассматривается как структурно-семантическое или коммуникативное образование (ср.: П. Гартман, Б.М. Гаспаров, Г.А. Болотова, О.А. Каменская, Г.В. Колшанский, А.А. Леонтьев, М.Л. Макаров, В. Шмид и др.), как система или деятельность (ср: Х. Изенберг, Д. Фивегер, Т.М. Дридзе, Н.Л. Мышкина, Ю.В. Попов и др.), как

системно-структурная или информационно-функциональная сущность (ср: И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, М.И. Откупщикова, Н.А. Слюсарева и др.), как коммуникативная или когнитивная модель (ср.: П.В. Белянин, Г.И. Богин, Л.О. Бутакова, Т.А. ван Дейк, Г.А. Золотова, В. Кинч, В.В. Красных, С.В. Ракитина, Е.В. Сидоров и др.), как объект изучения стилистики и риторики (Н.С. Болотнова, А.А. Ворожбитова, М.Н. Кожина, В.Ю. Липатова, Т.В. Матвеева, С.А. Минеева, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик, и др.). Приведенные характеристики в своей основе укладываются в сформулированные Г.П. ГЦедровицким программы исследования текста. Однако влияние идей антропоцентризма, неориторики и общей филологии во многих случаях приводит к взаимодействию направлений и программ исследования текста и образованию на этой основе интересных и перспективных сопряжений.

В число доминирующих направлений исследования текста выдвигается функционализм, опирающийся в первую очередь на деятельностные, коммуникативные, информационно-функциональные и когнитивные результаты исследования текста. В характеристиках подхода (см., например: [Бабенко 2000, с. 41–50]; [Валгина 2003, с. 17]; [Николаева 1990, с. 508]) подчеркивается, что он «учитывает предварительную обусловленность свободы авторского выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры» [Николаева 1990, с. 508].

Двумя важнейшими «ветвями» (А.А. Кибрик) функционализма в сфере теории текста являются коммуникативный и когнитивный подходы. Если первый ставит акцент на рассмотрении текста как ядра коммуникативного акта, что обеспечивает возможность

анализа текста в процессе коммуникации (как предметно-процессного единства), то для второго существенно, что в тексте выражено знание говорящего и реципиента о действительности (картина мира), что и обеспечивает реконструкцию (когнитивных) механизмов порождения и понимания текста. При сопряжении коммуникативного и когнитивного подходов создается возможность увидеть текст как единство когнитивной, предметной и коммуникативной деятельности, текст в его «жизни» [Чувакин 2007, с. 333–334].

Изменения, происходящие в коммуникативных процессах в конце XX – нач. XXI вв. (повышение коммуникативной активности россиян, усложнение коммуникативного пространства и его соотношений с социальной реальностью, мощное и влиятельное функционирование масс-медиа, проникновение на отечественную почву некоторых течений в культуре – постмодернизма и др., развитие межкультурных коммуникаций и др.), влекут изменения в самих объектах – текстах и их совокупностях. В сферу внимания современной лингвистики входят не только письменные тексты и прежде всего образцовые художественные, но все многообразие устных, письменных, печатных, «компьютерных» текстов. Ср. замечание Г.О. Винокура: «Все написанное, напечатанное, сказанное есть предмет филологического комментария» [Винокур 1925, с. 215]. Только весь массив текстов, функционирующих в социуме (текстов на родном, «природных» и чужих языках), позволит осмыслить духовную культуру этноса, обнаружить уровень коммуникативной компетенции говорящих на данном языке. Само понятие образцового текста и понятие мастера слова исторически изменчиво (см., например, современные оценки многих признанных

в 30 – 70-е годы XX в. классиков художественного слова, публицистов и ораторов партийных трибун). В сущности, в России создается новая текстовая реальность.

Все это имеет, по крайней мере, три следствия.

Первое: в сфере наименования предмета теории текста вновь создается терминологическая неустойчивость. Ср. текст – интертекст [Кристева 1995]; текст – сверхтекст «как совокупность высказываний, микротекстов, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, особыми критериями нормально/аномального» [Купина 1992, с. 11] – текстоид («текстоиды не имеют строгого членения на части и, как правило, у них всегда может быть продолжение, то есть они принципиально не завершены» [Сиротинина 1994, с. 109]); текст – гипертекст как «особая форма хранения и презентации иерархически структурированной текстовой информации, обладающей специфическими средствами перехода от одного информационного блока к другому» [Дедова 2001, с. 278]. Как это всегда бывает в науке, под разными наименованиями скрываются и различия в содержании.

Второе: многообразие текстов еще сильнее, чем в 60 —70-е годы, затрудняет решение проблемы построения типологии текстов. Недаром на современном этапе трудно найти хотя бы одну их многоаспектную классификацию. Из одноаспектных привлечем внимание к классификации (например: [Падучева 1996]), которая восходит к идее Э. Бенвениста о разграничении речи и исторического повествования. Бенвенист писал: «В

историческом повествовании нет... и самого рассказчика. События изложены так, как они происходили по мере появления на исторической арене.

...Речь следует понимать... в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [Бенвенист 1974, с. 276].

Третье: теория текста послужила одним из источников учения о дискурсе (ср.: англ. discourse 1. рассуждение (*письменное или устное*); лекция, доклад; речь; фр. discours речь, выступление). В лингвистической литературе обычно различают два представления о дискурсе: 1) дискурс как коммуникативное событие: «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [ван Дейк 1989, с. 121–122]; 2) дискурс как институциональный (институционный) тип текста (устного, письменного): «Понятие дискурса открывает трудный путь между часто лингвистическим подходом, который основывается на признанном забвении истории, и подходом, который растворяется в идеологии» [Серио 1999, с. 27]. Однако в любом случае текст «входит» в дискурс как его составляющая.

Сформулированные следствия свидетельствуют об эпистемологическом потенциале текста как объекта науки.

Итак, на современном этапе развития теории текста он начинает представлять как более сложный, чем язык,

лингвистической объект, напрямую «завязанный» на человеке в единстве его речевой и неречевой деятельности, в его мышлении-сознании. В таких условиях теория текста превращается, по некоторым оценкам, в интердисциплину, выстраивающуюся в коммуникативном ключе. Этому способствует отмеченный С.И. Гиндиным [Гиндин 1995, с. 126] факт совпадения целей и устремлений лингвистики текста с направлением эволюции представлений о предмете языкознания.

1.2. Теория текста как наука

Объект теории текста и его изучение. Объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста.

Прокомментируем это положение.

В основе формирования объекта теории текста лежит признание современной наукой *коммуникативной сущности текста*. Возьмем к примеру, суждения авторов, исследовательские позиции которых не близки: П. Хартман: «Все носители языка... говорят только текстами, а не словами и не предложениями» (Цит. по: [Шмидт 1978, с. 94–95]); Р. Барт: «*Текст ощущается только в процессе работы, производства*. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться (курсив автора. – А. Ч.)» [Барт 1994, с. 415].

Признание коммуникативной сущности текста делает его открытым навстречу всем участникам акта коммуникативной деятельности, коммуникативной ситуации и в целом среде его существования, является основой всей совокупности его функций (ср. приводимые

в литературе перечни функций текста: социальная, системная, регулятивная, когнитивная, эмоциональная, референциальная; способ хранения и передачи информации, отражение психической жизни индивида, продукт определенной исторической эпохи, форма существования культуры, отражение определенных социокультурных традиций и др.). Признание коммуникативной сущности текста вводит его в круг интересов всех гуманитарных наук.

Коммуникативная природа текста кажется эмпирически данной; это зафиксировано, например, в шутливой характеристике высказывания как языкового целого, «после которого мы можем прервать своего собеседника, не показавшись невежливым» (Паардекопер).

В определении объекта теории текста содержится указание на *коммуникативную* (но не на речевую!) *деятельность человека*. Понятие коммуникативной деятельности шире понятия речевой деятельности: второе входит в первое как ее важнейшая составляющая. И та и другая есть деятельность, содержанием которой есть обмен информацией. Но если речевая деятельность осуществляется средствами языка, то коммуникативная – наряду с языковыми средствами использует и иные. Р. Якобсон подчеркивал: «Когда мы говорим, что язык или любая другая система знаков является средством коммуникации, мы не должны забывать, что при исследовании коммуникации нельзя накладывать ограничений на коммуникативные средства или ее участников» [Якобсон 1985, с. 377]. Так теории текста оказываются «подведомственными» тексты и языковые, и

смешанные (креолизованные), и – в необходимых случаях – неязыковые.

В философской и психологической литературе, признающей многообразие форм деятельности, в соответствии с содержанием потребности различаются такие формы деятельности, как материальная, теоретическая и практическая, психическая и физическая, правовая, эстетическая и др. Акты деятельности осуществляются в реальных жизненных ситуациях. Эти, последние, рассматриваемые как совокупность условий осуществления деятельности, представляют собой деятельностью ситуации – ситуации акта соответствующей формы деятельности. В реальных жизненных ситуациях формы деятельности сосуществуют, дополняя друг друга, переплетаются, противоречат друг другу.

Особая форма потребности – в обмене информацией – рождает коммуникативную форму деятельности. Взаимодействие коммуникативной и иных форм деятельности происходит в реальных жизненных ситуациях, которые в этом случае приобретают сложную структуру, детерминируемую формами социальной деятельности: «Словесное общение неразрывно сплетено с общением иных типов... Оторвать слово от этого вечно становящегося, единого общения, конечно, нельзя. В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), – являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль» [Волошинов 1929, с. 105].

Еще одно замечание: построение теории текста на основе принципа деятельности предполагает, что текст и другие компоненты коммуникативной деятельности могут быть рассмотрены на разных уровнях: абстрактном, среднем и конкретном: текст как таковой, текст-тип, текст-феномен. При этом на каждом из уровней рассмотрения текста в нем видится двуединство процесса и продукта. (Ср. с известным из курса синтаксиса положением о том, что основная синтаксическая единица представляет собой предложение-высказывание как единство продукта и процесса.)

Остается ответить на вопрос, где «прописано» в лингвистике знание об объекте теории текста. Выдвинута гипотеза о том, что в структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра складывается филологическая теория коммуникации [Чувакин 1999]. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста.

Если в первой половине XX в. в центре, например, лингвистики находился язык как система, а в центре литературоведения – художественная литература как область искусства, то к концу века в центр той и другой науки становится категория Homo Loquens (Человек Говорящий). Только в первом случае она выступает двуединством Говорящий – Слушающий в качестве носителя максимально обобщенных функций, а во втором – двуединством Автор – Читатель в качестве носителя функций конкретных. Развитие социальной реальности и соответственно коммуникативной деятельности посредством языка обуславливает появление все новых и новых «наполнений» этих обобщенных функций, а также модификации функций традиционных: Журналист –

Читатель, Рекламист – Рекламопотребитель, Специалист по связям с общественностью – «Общественность» и др.

Традиционная модель коммуникативного акта, в которую включаются коммуниканты (говорящий – слушающий), текст, процессы говорения / понимания, ситуация коммуникативного акта, практические и коммуникативные цели, является лингвистической по своей природе моделью коммуникации в любом секторе социальной реальности. Поэтому изучение модели – ее состава, структуры, динамики – в разных сферах деятельности составляет задачи разных филологических наук (лингвистики, литературоведения, журналистики, теории рекламной коммуникации и др.), различающихся предметным материалом, а общая теория представленной модели – задачу филологической теории коммуникации как области филологии.

Филологическая теория коммуникации имеет под собой лингвистическую базу – хотя бы в виду особой значимости языка как универсального средства коммуникации. Ср.: «Есть несколько причин, по которым язык есть и будет особо важен при изучении природы человека. Одна – та, что язык является подлинным свойством человека как вида, присущим в своих основных чертах только человеческим существам... Далее, язык решающим образом участвует в мысли, действии и социальных отношениях. Наконец, язык сравнительно доступен для изучения» [Хомский 1995, с. 132]. Именно естественный язык является первичной семиотической системой, вовлекающей в коммуникацию паразызык и не-язык, вторичные семиотические системы, обеспечивающей психологическую, социальную, художественную, словом, все виды коммуникации – в

качестве средства, интегрирующего коммуникативное пространство человека и социума.

Таким образом, теория текста является одной из составляющих филологической теории коммуникации.

Принципы построения предмета теории текста. Рассмотренные характеристики объекта исследования позволяют сформулировать базовые принципы предметизации объекта, то есть принципы построения предмета теории текста. Рассмотрим важнейшие из них. Таковых – два.

Первый: *общенаучный принцип системности* – задает общее направление построения предмета.

Системность как фундаментальный общенаучный принцип базируется на целостном видении объекта. Главная особенность системных исследований на современном этапе их развития (с 70 —80-х годов XX в.), по оценке В.И. Садовского, состоит «в переходе исследования от условий равновесия систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем»; «Каждая сложная система наряду с ее актуальным существованием в данный момент и в данном месте имеет свое потенциальное бытие, определяющее, чем данная система может быть при любых мыслимых условиях и чем она принципиально не может быть» [Садовский 1996, с. 71, 73].

В соответствии со сказанным системное осмысление предмета теории текста предполагает сопряжение идей системности с идеей деятельности [Юдин 1977] и оппозитивное рассмотрение текста и среды его существования.

Что для текста есть среда его существования? Ее составляют, во-первых, акт коммуникативной деятельности человека – в качестве первого слоя среды, или микросреды (может быть описана в терминах модели коммуникативного акта, центром которой и является текст); во-вторых, внешняя среда, в которой осуществляется коммуникативный акт, – в качестве второго слоя среды, или макросреды (культура, природа, социальная сфера, от которых, по оценке Ю.М. Лотмана, человек неотделим).

В среде текст *существует* – находится в непрерывной деятельности (ср.: «Для языка существовать – значит находиться в непрерывной деятельности. По-другому можно сказать, что формой существования языка является деятельность» [Звегинцев 1996, с. 155]). Следовательно, оппозитивное рассмотрение текста и среды позволит «остановить» его в целях описания и зафиксировать как существующую целостность, преодолев при этом понимание текста как равновесной системы.

Второй: *специальнонаучный принцип коммуникативности* – содержательно конкретизирует направление построения предмета теории текста.

Применительно к тексту исследовательский принцип коммуникативности опирается на признание коммуникативной природы текста. Приведем пространные извлечения из сочинений Е.В. Сидорова, разработавшего методологию системного коммуникативного изучения текста: «Текст – это характеризуемая коммуникативностью система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель коммуникативных деятельностей

отправителя и получателя сообщений» [Сидоров 1987в, с. 38–39]. Коммуникативность определяется названным автором как «высшая категория текста, в наиболее общем виде фиксирующая многофакторную обусловленность текста как системы, его интегративное качество и динамический принцип организации» [Сидоров 1987а, с. 3].

Сформулированные принципы, во-первых, определяют, что оппозиция *текст – среда* рассматривается на коммуникативной основе, во-вторых, задают основные параметры такого рассмотрения, в-третьих, позволяют обнаружить в тексте обусловленные средой коммуникативные по своей природе характеристики.

Если «язык создает условия, делающие возможными любые формы духовной деятельности человека. Более того, он является неизменным компонентом всех этих форм» [Звегинцев 1996, с. 168], то сама духовная деятельность осуществляется в процессе коммуникативном по своей природе – в процессе взаимодействия человека и текста.

Итак, предмет теории текста будет построен как «живое» целое (принцип системности), коммуникативное по своей сущности (принцип коммуникативности).

Предмет теории текста. Предметом теории текста является текст. Далее в процессе оппозитивного рассмотрения текста в соотношении сначала с микросредой, а затем – с макросредой устанавливаются его сущностные характеристики.

Текст и микросреда его существования. Микросредой существования текста является акт коммуникативной деятельности человека посредством

текста. Примем традиционную модель коммуникативного акта, описанную, например, у Городецкого [Городецкий 1990]: коммуникативный акт есть «законченная часть языкового взаимодействия, имеющая естественные границы». Если в состав модели коммуникативного акта ввести, в дополнение к тем, что перечислены у Б.Ю. Городецкого, еще один компонент – язык, а также произвести некоторые терминологические корректировки, то состав модели примет следующий вид:

1. Коммуниканты.
2. Процессы вербализации и понимания.
3. Язык.
4. Текст.
5. Обстоятельства коммуникативного акта.
6. Практические цели.
7. Коммуникативные цели.

Коммуниканты – текст. Коммуниканты, или по традиции, говорящий и слушающий, – функции, которые исполняет *Ното Локуенс* в акте коммуникативной деятельности: говорящий – быть порождающим текст, слушающий – быть воспринимающим текст. Таким образом, *Ното Локуенс* предстает в коммуникативном акте в раздвоенном виде – как говорящий или как слушающий.

Фундаментальным признаком *Ното Локуенс* и соответственно говорящего и слушающего является активность в акте коммуникативной деятельности. «Мы хозяева текста» [Вайнрих 1987, с. 54]. Содержательно активность лежит в плане решения последними своих задач. А.И. Новиков подчеркивает, что задачи эти

(когнитивные и коммуникативные) различаются разными акцентами: «если автор решает *преимущественно* коммуникативную задачу... то адресат решает *преимущественно* когнитивную задачу (курсив наш. – А.Ч.)» [А.Н. Новиков 2003, с. 98]. Признак активности определяется, по крайней мере, двумя факторами: субъект-субъектным характером коммуникативной деятельности, что проистекает из субъектной природы человека [Чувакин 1995, с. 10], и коммуникативной природой когнитивных свойств человека: Homo Loquens, обладая когнитивной базой знаний, оперирует ими исходя из необходимости решения тех или иных коммуникативных задач. Ср.: «при всезнании отпадает и нужда в коммуникации» [Дэвидсон 1986, с. 109].

Говорящий и слушающий обладают коммуникативно значимым набором характеристик. Традиционно они размещаются в следующих плоскостях:

- формально-демографической и этнографической;
- социальной, психологической и соцтльно-психологической;
- культурно-антропологической;
- философско-мировоззренческой;
- когнитивной и коммуникативной;
- лингвистической;
- ситуативно-поведенческой и др.

По своей значимости для текста эти характеристики равны тому, что В.А. Энгельгардт назвал внутренней средой человека: ими, каждой в отдельности, в разных соотношениях, совокупно, определяется облик текста.

Значимость для текста характеристик говорящего и слушающего традиционно описывается отдельно: в терминах языковой личности, образа автора и образа читателя, образа ратора и образа аудитории и др. Они сопрягаются в категории *текстовой личности* Homo Loquens. Она и есть тот фокус, в котором сходятся все грани коммуникативности текста. Категория текстовой личности репрезентируется в тексте в двуединстве субкатегорий – текстовой личности говорящего и текстовой личности слушающего.

Вербализация-понимание – текст. Вербализация – понимание – суть собственно деятельностные компоненты коммуникативного акта («самое деятельность»). Это психолингвистические процессы, сущность которых состоит в порождении (вербализация) и восприятии (понимании) текста, то есть в движении от смысла к тексту (при вербализации) и от текста к смыслу (при понимании).

В процессах вербализации – понимания текст предстает процессно-предметным единством и рассматривается в цепочке: (текст как замысел) – текст как порождаемое – текст как продукт порождения (новый текст-1) – *текст как объект понимания* (текст как реальность) – текст как понимаемое – текст как продукт понимания (новый текст-2). Эта цепочка фиксирует этапы коммуникативных трансформацией (ср.: семиотические трансформации в [Лотман 1996, с. 108]) в процессе вербализации – понимания. Таким образом, текст как объект понимания (текст как реальность) существует как два трансформа: новый текст-1 и новый текст-2, соединенных трансформационными

отношениями (выявляются на этапах порождения и понимания).

Осталось подчеркнуть значимость этапов, связанных с пониманием. В современной науке все более приживается мысль о том, что вне этого процесса текст представляет собой род звуковой или графической помехи, или, как пишет А.Г. Баранов: данное состояние текста – это «анабиоз», текст является «складом» [Баранов 1994, с. 80]. Таким образом, текст существует в своих коммуникативных трансформациях как открытая их совокупность.

И еще одно пояснение. Если количество трансформаций текста, осуществляемых при его вербализации, в принципе ограничено и, по-видимому, исчислимо (сами трансформы зафиксированы в устных, письменных, печатных и пр. источниках), то количество трансформаций, осуществляемых при восприятии текста, неограничено и неисчислимо в принципе. Если так можно сказать применительно к конкретному тексту, оно колеблется от нуля до бесконечности. Ср.: «Исчерпывающее прочтение литературного текста равносильно утверждению о крахе литературы» [Тодоров 1998, с. 126].

T = [T-замысел →] T-порождаемое → T-Говорящего (новый текст-1) →
→ T-объект для слушающего → T-понимаемое →
→ T-продукт понимания (новый текст-2).

Рис. 1.1. Этап трансформации текста

T продукт понимания (новый текст-2) представляет собой следующее (см. рис. 1.2):

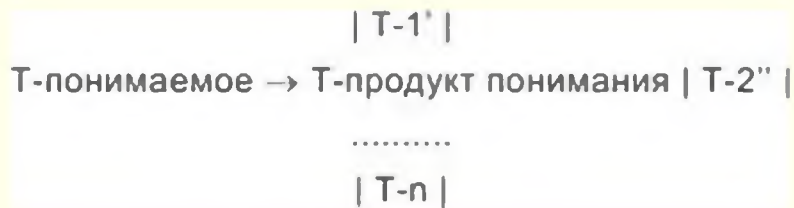

Рис. 1.2. Текст как продукт понимания

Покажем схематично:

На рисунках приняты следующие обозначения: Т – текст; Т-1, Т-2... Т-п – символы, обозначающие тексты, создаваемые слушающими (тексты-продукты и/или тексты-интерпретации).

Итак, осмысление текста в аспекте вербализации – понимания выдвигает категорию *коммуникативной трансформируемости*, в которой раскрывается механизм существования текста. (Напомним: существовать значит находиться в непрерывной деятельности.)

Язык – текст. Язык в данном случае понимается в широком смысле – как семиотический объект. Это – и естественный язык, и пара-язык (иконические знаки, шрифтовые средства, средства звуковой фонации, кинетические, мимические и др.), и языки в лингвистическом смысле (художественные моделирующие системы – язык музыки, скульптуры, архитектуры и др.), и дискурсивные коды (коды, связанные с «обслуживанием» разных «социальных полей» [Бурдые 1994] как сфер культуры – политики, науки, экономики и др.), – словом, все знаковые системы, с которыми взаимодействует естественный язык в процессе деятельности говорящего и слушающего по вербализации и пониманию текста.

Если перечисленные знаковые системы рассмотреть применительно к говорящему и слушающему, то

обнаружится, что они (системы) проявляют себя как универсальный предметный код («это стык речи и интеллекта. Здесь совершается перевод мысли на язык человека» [Жинкин 1982, с. 54]); паралингвистические коды; коды, связанные с другими знаковыми системами и дискурсивные коды (См.: «Анализ дискурса разработал новый, свободный подход к материалу, способность прочитывать тексты, "зная, что читаешь", способность, позволяющую не стать жертвой иллюзии прозрачности, непосредственности и очевидности смысла» [Серио 1999, с. 52]; наконец, это и коммуникативные коды, обеспечивающие «управление» перечисленными.

Рассмотрение текста в соотношении *язык – текст* позволяет определить текст как *сложный знак лингвистической природы*. Сложность этого знака задается рядом факторов, в том числе и тем, что он «соткан» из знакового материала нескольких разных систем, каждая из которых оставляет свой «след» в тексте; и сложными отношениями между представителями этих систем в тексте; и самим текстом как целым etc... и, разумеется, поликодовостью говорящего и слушающего. Тем самым создается базовое условие его *интерпретируемости*.

Обстоятельства коммуникативного акта – текст. Под понятие обстоятельств коммуникативного акта подводятся, во-первых, т. н. внешние условия вербализации – понимания (место, время, обстановка и пр., «скрепленные» актом совместной деятельности коммуникантов), и, во-вторых, «внешний мир» («действительный» и «возможные миры» (Д. Серл), то есть то, к чему отсылает текст). Таким образом, обстановка – это внешние «потенциально релевантные элементы в контексте общения» [Врайт 1975, с. 36]. В

данной характеристике имеется в виду коммуникативный акт. Но коммуникативный акт во многих случаях оказывается «растянутым во времени и/или пространстве». Рассмотрение текста в аспекте *обстановка коммуникативного акта – текст* выдвигает категории *ситуативности* (ср.: фр. situation 1) местоположение; 2) положение, состояние; 3) ситуация, обстановка, положение) и *эвокации* (ср.: лат. evocatio – вызов, призыв; англ. evocation – воскрешение в памяти; вызванный к жизни, воплощение (особ, в искусстве); творчество; фр. évocation – восстановление в памяти, припоминание, воспоминание о...; итал. evocare – вызывать (воскрешать) в памяти, вспоминать; польск. ewokacja – воспроизведение; чешек, evokace – восстановление в памяти). Категория *ситуативности* обеспечивает вывод текста в аспект прагматики; категория *эвокации* раскрывает отношения текста с внешним миром – миром действительности (реальной, вымышленной) и миром текстов.

Параметр *обстановка коммуникативного акта* в большой мере делает открытой микросреду текста, обращая ее в сторону макросреды.

Практические цели, коммуникативные цели – текст. Целевые компоненты занимают особое место в модели: они являются сквозными, связующими, пронизывают все другие компоненты. Это во многом объясняется целенаправленностью как атрибутом человеческой деятельности, целевыми характеристиками языка.

В практической цели значимо, что она связана с типом социальной деятельности, в которую вплетена деятельность коммуникативная. Практическая цель представляет собой образ практического результата,

который предполагает достичь Homo Loquens. Коммуникативная цель – это намерение, установка, реализуемая при порождении / понимании текста.

Если практическая цель принадлежит человеку, то коммуникативная – тексту. Таким образом, рассмотрение текста в аспекте цели выводит текст на уровень исследования его прагматической значимости и коммуникативной направленности. Характеристика текста с точки зрения цели предполагает разграничение коммуникативной и риторической модели текста, поскольку обе учитывают целевой компонент (см.: [Основы общей риторики 2000]). Водораздел в данном случае базируется на суждении Ю.М. Лотмана о том, что «в риторике порождение текстов имеет "ученый", сознательный характер» [Лотман 1996, с. 48].

Итак, в русле коммуникативного подхода к *тексту* его можно определить *как коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Homo Loquens, обладающий признаками эвокативности и сшпуативности, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости.*

Данное определение не содержит многих из традиционно приписываемых тексту признаков, а также указания на единицу текста.

В чем дело? Большинство «канонических» признаков текста: связность, целостность, завершенность, членимость и др. – установлены при рассмотрении текста не извне (из среды его существования), а изнутри (в самом деле: точка зрения

меняет предмет!) и на другой теоретической основе (вспомните рассуждения о принципах построения предмета теории текста!). Далее, многие из признаков «канонических», иногда в ином обличье, свойственны и другим языковым единицам и/или объектам (ср.: связность и целостность высказывания, завершенность информативного содержания предложения, членимость основы слова и др.). Предъявленная здесь совокупность признаков текста не отвергает признаков «канонических», но исходит из того, что они могут быть выведены из сформулированных выше.

Теперь о единице текста. Как это следует из истории изучения текста (см. 1.1.), обнаруживается стремление исследователей к выделению разных единиц. Тем не менее, все многообразие единиц всего многообразия текстов (от «Ау!» до, например, «Войны и мира» Л. Толстого) может быть подведено под понятие *коммуникативного блока* как максимально обобщенной текстовой единицы, в которой реализуются категории текста.

Текст и макросреда. Компонентами макросреды являются культура, природа, социальная сфера. Далее кратко охарактеризуем перечисленные компоненты и их значимость для установления сущности текста. При этом будут учтены и так называемые внешние (опосредованные) направления влияния среды на текст и внутренние (непосредственные).

Культура – текст. Э. Бенвенист указал: «Культура определяется как весьма сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек, где бы он ни

родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности» [Бенвенист 1974, с. 31].

Человек живет «в мире культуры» (Ю.М. Лотман). Следовательно, сущностные характеристики текста во многом обусловлены культурой, тем более что и сами тексты есть ее часть.

Из внешних направлений влияния культуры на тексты выделяются способы, которыми «культура превращает неинформацию в информацию» (Ю.М. Лотман), генерирует смыслы; модели и правила коммуникации, имеющие место в культуре здесь и сейчас и др. К внутренним направлениям относятся прежде всего функции текста в культуре, предопределяемые ею; отношения *символ (знак) – текст; диалог, монолог – текст*; характер взаимодействия текстов в культуре и др.

Существенность отношения *культура – текст* вызвала к жизни культурологические модели коммуникации и, следовательно, текста (М.М. Вахтин, В.П. Руднев и др.) и исследования текста как явления культуры (Ю.М. Лотман, Л.И. Мурзин, Е.Ф. Тарасов и др.), выдвинула философско-культурологические аспекты исследования текста, в том числе наиболее актуальный в наши дни аспект диалогичности (М.Н. Кожин, Ю.М. Лотман, А.А. Чувакин и др.).

Природа – текст. Природа как естественные условия существования человеческого рода определяет прежде всего внешние факторы вербализации – понимания текста. Это материалы, орудия и средства коммуникации, определяющие облик текста. Из проявлений внутреннего характера выделяются представления о тексте как физическом (природном) объекте, выразившиеся,

например, в описании его на базе категорий пропорции, симметрии / асимметрии и др. (Г.Г. Москальчук, К.И. Белоусов и др.).

Социальная сфера – текст. Текст живет только в социуме. Именно социум определяет его существование – через свое бытие, общественные отношения, социальную деятельность.

Главное направление, в котором социум осуществляет свое влияние на текст, – это типы, виды, формы etc. социальной деятельности, в которые вплетается коммуникативная деятельность. Ср. следующие утверждения: «С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности... Речь не заполняет собой всего "деятельностного" акта» [Леонтьев 1969, с. 27] и «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания»; «...ситуация формирует высказывание» [Волошинов 1929, с. 103]. Взаимодействие человека и человека, социума и человека (человека и социума) вызывает к жизни или активизируют одни тексты и уводит в тень другие. Таким образом, порождение – понимание текста, существование текста, тем более среду его существования во многом, если не в решающем определяет социальная сфера. Отсюда – свои направления исследования текста, свои модели коммуникации и текста (П. Бурдье, К. Вринкер, М. Фуко и др.).

Оппозиция *макросреда – текст* является особым объектом исследования, в котором устанавливаются свои категории, признаки, свойства текста как феномена

культуры, природной среды или социума: они лежат в основе тех факторов, которые детерминируют существование текста, обуславливая порою гармонию, порою возмущения и даже «взрывы» в процессах существования текста.

Макросреда в единстве с микросредой составляют среду существования текста. Это *коммуникативное пространство*, представляющее собой сложно организованную, внутренне противоречивую систему систем составляющих – «внутренних» (коммуниканты, процессы вербализации и понимания, языки (естественные и другие языки культуры), тексты, обстоятельства актов рече-коммуникативной деятельности, практические цели, коммуникативные цели) и «внешних» (культура, природа, социальная сфера). Каждая из составляющих образует вокруг себя свою пространственную сферу. Следовательно, существуют сферы коммуникантов, языков, целей, природы и пр. Коммуникативное пространство как целое представляет собой систему систем.

Рассмотрение текста в коммуникативном пространстве – путь, позволяющий интегративно представить текст в его «жизни». Именно этот путь соответствует основным направлениям развития теории текста в наше время.

Постижение «жизни» текста как важнейшая задача современной теории текста. Если верно, что «жизнь это изменение» [Карасев 1996, с. 63], то словосоединение «жизнь текста», восходящее к М.М. Бахтину, для современной науки не является неожиданным. Текст находится в постоянном изменении.

«Жизнь» текста – это его изменения в процессе его существования в коммуникативном пространстве.

Изменения текста определяются всеми составляющими макро– и микросреды, их взаимодействием. При изучении «жизни» текста эти составляющие и их взаимодействия выступают в качестве факторов изменения текста.

Приведем несколько иллюстраций.

Действие *фактора культуры* видно из сопоставления фрагментов текста оригинала (рассказ В.М. Шукшина «Чудик») и переводов на американский и британский варианты английского языка. По данным Ю.В. Ожмеговой [Василенко, Ожмегова и др. 2007, с. 83–95], изучавшей механизмы, доминирующие факторы и степень эвокационных преобразований субъективных смыслов высказывания как фрагмента текста, отмечается влияние фактора национальной культуроспецифичности коммуникации. Например:

— У него склероз, хорошо, у него уже семь лет склероз, однако никто не предлагал ему уходить на пенсию.

Am. "He's got sclerosis, fine, has had it these seven years, but nobody's ever suggested that he should retire" [Transl. by D. Givens];

Br. "I know he's probably got hardening of the arteries, but no one ever suggested he ought to retire" [Transl. by R. Daglish].

В русском тексте наречие *хорошо* не выступает в своем первичном значении, а имеет целью подчеркнуть истинность сообщаемого факта: *=да, я согласен с этим фактом*; вторичное употребление лексемы *склероз* еще в большей степени демонстрирует уверенность говорящего субъекта в своей правоте. Трансляция субъективного смысла в американском варианте перевода

осуществляется посредством прилагательного *fine=I agree-yes* что эвоцирует переживание, смежное с авторским замыслом, тогда как интерпретация британского смысла высказывания носит скорее вероятностный характер и кодируется посредством иного лексического средства – вводного модального слова *probably=maybe*. Однако наряду с модальным показателем присутствует и авторизационный показатель *I know*, четко фиксирующий источник и способ получения информации. Такие явления объясняются спецификой британской коммуникативной культуры, не допускающей присутствия категоричных суждений, тем более если речь идет о физической неспособности или болезни. Стало быть, тексты переводов существуют как продукт эвокационных преобразований оригинального текста – текста как объекта понимания и получают статус новых текстов – 2а и 2б, которые могут стать объектом эвокационных преобразований в цепочке последних, например в случае постановки фильма, спектакля и пр. по британскому (американскому) переводу.

Фактор природы: лингвистически «один и тот же» текст, помещенный на разных носителях, может диктовать «правым» коммуникантам разные уровни самостоятельности его восприятия и понимания. Ср., например, текст А.С. Пушкина «Я вас любил...», находящийся в собрании сочинений поэта, допускает самостоятельность «правого» коммуниканта в его деятельности по восприятию текста, возможность неоднократного обращения к тексту (перечитывание), использование совокупности вторичных, фоновых, текстов, помещенных в томе сочинений, и др.; то же стихотворение, прозвучавшее на аудионосителе, тем более в исполнении разных чтецов (например, О. Даля и

М. Козакова), превращает деятельность по восприятию текста во многом в несамостоятельную (воздействие голоса, интонаций чтеца), исключает неоднократное обращение к прозвучавшему тексту, к вторичным, фоновым, текстам и др. Стало быть, текст как объект понимания (текст как реальность) существует как новый текст-2а и новый текст-2б (где «а» и «б» – трансформы), т. е. изменяется в приведенных здесь коммуникативных ситуациях.

Роль *фактора языка* как семиотической системы может быть показана на примере комикса. Текст комикса создается средствами двух знаковых систем: естественного языка (вербальный компонент текста) и языка рисунка (пиктографический компонент текста) и имеет статус смешанного текста, устроенного по определенным нормам. При преобразовании текста, созданного средствами естественного языка или иных языков (языка кино и др.), в текст комикса изменяется форма, содержание и функциональное назначение текста. В сравнении с описанной в предыдущем абзаце происходит сложная трансформация текста как объекта понимания (текста как реальности) и даже текста как замысла (нового текста-1). Ср., например, комиксы «Волшебные надежды» по Ч. Диккенсу, «Алиса в Зазеркалье» по Л. Кэрроллу и др.

Общеметодологическим условием исследования «жизни» текста выступает понимание текста в русле идей современного этапа системного подхода и на основе принципа коммуникативности.

Онтологическое условие решения данной задачи: текст рассматривается в его существовании в коммуникативном пространстве. Исследование текста в

коммуникативном пространстве предполагает ориентированность текста относительно коммуникативного пространства, и наоборот. Ср.: «...понятие пространства призвано бросить луч света на другие важные конструкты (включая и текст)» [Топоров 1983, с. 228]. Для исследования одинаково значимы как отношения и взаимодействия текста и пространства (структурность пространства), так и место и положение текста в пространстве (протяженность пространства). Особая роль в этой системе систем принадлежит Homo Loquens как единству говорящего (пишущего) и слушающего (читающего).

Исследование существования текста означает рассмотрение его существования в коммуникативном пространстве как системе систем, задаваемых каждой из составляющих коммуникативного пространства. *Существование текста* — это состояние его завершенности / незавершенности, открытости / замкнутости, стабильности / текучести. Текст выступает как сложный знак (знаковая последовательность), отличающийся бесконечной длительностью, включающей не только настоящее, но и прошлое и будущее, и существует как бесконечная знаковая трансформация, смысл которой (трансформации) задает коммуникативное пространство и время.

В коммуникативном пространстве тексты существуют в текстовых совокупностях – в объединениях текстов, объективно возникающих и распадающихся в процессе развития коммуникативного пространства и осознаваемых Homo Loquens как автором, читателем (слушателем), филологически образованным читателем (слушателем), специалистом-филологом и др., социумом в целом. В книге Т.Н. Василенко [Василенко 2008, с. 8]

различаются текстовые совокупности как общесемиотический, культурологический и лингвистический объект. С позиций коммуникативного подхода *текстовая совокупность* представляет собой динамический лингвистический объект, являющийся продуктом порождения, понимания и функционирования текстов в коммуникативном пространстве. Различается *генеральная совокупность текста* как весь массив текстов, существующих в социуме в тот или иной момент его развития, и *частные совокупности текстов* как объединения текстов по какому-либо основанию (тексты автора; тексты на тему о любви; тексты, связанные интертекстуальной связью с неким определенным текстом; тексты одного дня и пр.). Текстовая совокупность существует в некоем культурно-природно-социальном «облаке» из текстов в общесемиотическом и культурологическом смыслах – мифо-ритуальных, изобразительных, музыкальных, поведенческих и др. Ср.: «Подобно тому, как отдельный знак лишен единичного существования – ему необходим другой, тексту необходимы другие тексты...» [Лотман 2002, с. 202–207]. Текстовая совокупность представляет собой гибкое, динамичное, многомерное образование и членится по различным частным основаниям: вокруг одного текста, вокруг текстов, принадлежащих одному говорящему и/или слушающему, эпохе, любой из составляющих коммуникативного пространства в его развитии и пр.

В пределах текстовой совокупности тексты находятся в *межтекстовых отношениях*. В работе «Межтекстовые отношения как проблема теории текста» [Чувакин, Пешкова 2004] приведены некоторые типы межтекстовых отношений: текстопорождения и

текстопонимания, парадигматические и синтагматические, интертекстуальные и гипертекстуальные, интерпретационные и др. Каждый данный конкретный текст находится в сети отношений с другими текстами.

Сложность текстовой совокупности определяется сложностью сети отношений и внутри совокупности, и между частными совокупностями, и совокупности к коммуникативному пространству. Коммуникативное пространство в этом случае выступает многофакторной детерминантой – «средой преломления» (М.М. Бахтин): «... Если есть в распоряжении данной эпохи сколько-нибудь авторитетная и отстоявшаяся среда преломления, то будет господствовать условное слово в той или иной разновидности, с тою или иной степенью условности. Если же такой среды нет, то будет господствовать разнонаправленное двуголосое слово... или особый тип полуусловного, полуйронического слова... Культурное слово – преломленное сквозь авторитетную отстоявшуюся среду слово.

Какое слово доминирует в данную эпоху в данном направлении, какие существуют формы преломления слова, что служит средою преломления? – все эти вопросы имеют первостепенное значение для изучения художественного слова» [Бахтин 1994, с. 418–419]. Суждение М.М. Бахтина значимо и для области текстов нехудожественных.

Текстовые совокупности обладают нежесткой организацией, с возможным изменением статуса текста внутри совокупности, перемещениями из одной совокупности в другую, появлением новых или актуализацией старых текстов, уходом отдельных текстов

в число не востребуемых в тот или иной момент развития социума, со сложными отношениями между текстами в лингвистическом понимании и текстами в общесемиотическом смысле и т. д.

Изучение «жизни» текста предполагает рассмотрение его в отношении к участникам коммуникации, описание знакового характера текста, изучение его в отношении к действительности и другим текстам. Изложение теории текста в данном учебном пособии ведется в рамках названных аспектов.

Выводы

1. Вся история изучения текста свидетельствует о его стремлении вырваться из плена идеологии «сугубой» (внутренней) лингвистики, приобрести статус междисциплинарного лингвистического объекта.

2. «Современная лингвистика текста коммуникативна по своему существу», – писал в 1984 году Г.В. Колшанский [Колшанский 1984, с. 122]. Коммуникативность лингвистики текста, продолжает цитируемый автор, «заставляет отказаться от традиционной изоляции языка как предмета узколингвистического описания» [Колшанский 1984, с. 122–123]. Эта оценка не устарела и в настоящее время – при условии понимания того обстоятельства, что и сама наука о языке в начале XXI в. во многом уже иная, чем, скажем, в 80-е годы XX в.

3. Текст как предмет теории текста, выстраиваемой на основе сопряжения общенаучного принципа системности и специальнонаучного принципа коммуникативности, представляет собой *коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак*

лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Ното Лоуэнс, обладающий признаками эвокативности и ситуативности, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости.

4. Главной задачей теории текста на современном этапе ее развития является исследование «жизни» текста. <<Жизнь>> текста – это его изменения в процессе его существования в коммуникативном пространстве.

5. Изучение текста на основе сопряжения общенаучного принципа системности и специальнонаучного принципа коммуникативности выдвинуло ряд категорий (коммуникативная трансформируемость, ситуативность, эвокативность, коммуникативная направленность и прагматическая значимость текста и др.) и понятий («жизнь» текста, текстовая совокупность, существование текста, коммуникативное пространство текста и др.), применение которых в совокупности способно обеспечить интегративное изучение предмета.

6. Основные направления изучения текста в теории текста – таковы: текст в его отношении к говорящему и слушающему; текст как сложный знак; текст в его отношении к действительности и другим текстам.

Вопросы и задания

1. Какие идеи классической риторики и филологии в первоначальный период их развития оказались существенными для складывания и развития теории текста в сер. XIX–XX вв.? Сформулируйте важнейшие

результаты, полученные теорией текста под влиянием названных идей? Вопреки им?

2. Какие импульсы для развития представлений о тексте, на Ваш взгляд, содержатся в трудах М.М. Бахтина? Р. Барта? Ю.М. Лотмана? У. Эко? Какие из идей названных авторов не / слабо использованы в современной науке о тексте?

3. Почему развитие теории текста находится под влиянием развития текстовой коммуникации? Приведите примеры.

4. Составьте перечень категорий текста, заложенных в его определении. Выведите их. Дайте им определение.

5. Как соотносятся признаки текста, содержащиеся в определениях текста, предложенных И.Р. Гальпериным и данным пособием?

6. Составьте перечень понятий, использованных при рассмотрении «жизни» текста. Выведите их. Дайте им определение.

7. Что такое коммуникативный блок? Как соотносится понятие коммуникативного блока с понятием текста? С понятиями сложного синтаксического целого? Диалогического единства? Абзаца?

8. Продолжите начатый в последнем разделе п. 1.2 перечень факторов изменения текста. Приведите иллюстрации. Есть ли факты, противоречащие тезису о том, что текст находится в «вечном движении»? Интерпретация текста – это тоже изменение текста?

9. Приведите факты, свидетельствующие о динамичности межтекстовых отношений в текстовой

совокупности? Предложите объяснения приведенным фактам. Постройте гипотезу о структуре текстовой совокупности.

10. Если *существование текста* — это состояние его завершенности / незавершенности, открытости / замкнутости, стабильности / текучести, то не означает ли это «утраты» текста как такового? Как типа? Как феномена?

11. Существует ли текст вне коммуникативного пространства? Если да, то объясните, почему в учебном пособии идет речь только о коммуникативном пространстве.

Глава 2

ТЕКСТ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К УЧАСТНИКАМ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Из истории изучения текста в его отношении к участникам коммуникации

Система *говорящий – текст – слушающий* в риторике. Объектом риторики признается речь. С одной стороны, текст оценивается как средство воспроизведения (эвоцирования) процесса убеждения. Такой подход предполагает описание риторического текста в виде модели убеждающей коммуникации. С другой стороны, текст рассматривается как результат реализации когнитивной модели убеждающей коммуникации. Сущность данного подхода отражает идеоречевой цикл. Возможно описание текста как одного из компонентов риторической модели коммуникативной деятельности.

Центральной категорией является эффективность. Данная категория интегрально описывает риторическую сущность коммуникации: как науку об эффективной убеждающей речи (Т.В. Матвеева); как теорию и

искусство эффективной (целесообразной, воздействующей, гармонизирующей) речи (А.К. Михальская); как общее учение о целесообразном построении речи, исследовании норм и правил речевого общения, речевого поведения (Н.А. Ипполитова); как изучение специфики речевого общения: организация правильной речи, описание специфики составляющих компонентов речевой коммуникации и отдельных форм речи (В.И. Аннушкин); способы решения стилевой задачи (Ю.В. Рождественский).

Классификация риторических текстов основывается на узком и широком понимании предмета риторики. Сторонники узкого подхода признают, что риторика изучает часть объектов кругооборота речи. Таким образом, риторические тексты отличаются от нериторических по одному или нескольким признакам: осознанность / неосознанность речи, аргументированность / неаргументированность, художественность / нехудожественность, прозаичность / поэтичность, публичность / непубличность, устность / письменность. Широкий подход означает, что риторика включает все объекты кругооборота речи.

Речевая коммуникация представляет собой деятельность по обмену информацией, осуществляемую и языковыми, и неязыковыми (мимика, жесты, танцевальные движения, знаки нотации и др.) средствами. Традиционная риторика предполагает классификацию текстов на основании диалогичности / монологичности (например, беседа, лекция, спор, дискуссия и др.). Неориторическая классификация текстов основывается на интеграции языковых и неязыковых способов достижения эффективности

(например, презентация, брифинг, собрание, отчет и т. д.).

Система *говорящий – текст – слушающий* в герменевтике. Герменевтика зародилась во времена античности в виде экзегезы, когда появилась потребность в толковании религиозных текстов. Герменевтика предполагает изучение способности субъекта коммуникации к декодированию знаков обыденного языка, так как текст закрепляет в языковых формах модель отношений действительности, точнее закрепляет освоение ее человеком. Именно в тексте, а не в языковой системе опредмечена человеческая субъективность. По Г.Г. Богину, текст выступает как опредмеченная субъективность, в системе его материальных средств усматриваются опредмеченные реальности сознания, сложившиеся в деятельности человека субъективные реальности, смыслы, коррелятивные со средствами текста. Центральной категорией герменевтики является понимание, так как понимание текста есть обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности.

Существуют разные тенденции в описании процесса понимания. Так, понимание текста как информационного процесса связано с передачей субъективных реальностей одного человека другому. Таким образом, понимание рассматривается не как способность человека, а как потенция языковой системы (см., например, Витгенштейн, Тодоров). Любой текст трактуется как единый знак особого мира. Вся деятельность понимания рассматривается как простое декодирование в рамках «грамматики повествования». Философская герменевтика считает, что к объективности в понимании нельзя выйти потому, что есть «душа». Эта «душа» и делает всякое

понимание лишь пониманием собственной субъективности человеческого индивида. По Гадамеру, понимание никогда не может совпасть ни с замыслом автора текста, ни с первоначальным пониманием текста современниками.

Типы понимания текста номинально совпадают с типами понимания любого текста (включая и тексты невербальные). Данная классификация оперирует иерархией расположения типов понимания: семантизирующее понимание, когнитивное понимание, смысловое («феноменологическое») понимание [Богин 1982, с. 53].

Система *говорящий – текст – слушающий* в психолингвистике. Психологическое направление в языкознании сформировалось в середине XIX в. Основным постулатом, послужившим базой для развития психологических идей, стало абстрактное обращение к индивидууму и реализации в речи и языке того, что сейчас принято называть человеческим фактором.

В числе прочих теорий и наук психологического направления оказалась психолингвистика, которая также рассматривала отношение между языком и говорящим человеком, влияние социальных факторов на язык и речь, динамическую составляющую речепроизводства. При этом необходимо подчеркнуть, что объект данной науки соотносим с другими «речеведческими науками». Это «совокупность речевых событий или речевых ситуаций» [Леонтьев 1999, с. 16]. Предмет психолингвистики изменялся со временем. Если в 60-е годы XX в. Ч. Осгуд определяет, что психолингвистика «...занимается в широком смысле соотношением сообщений и характеристик человеческих индивидов,

проводящих и получающих эти сообщения, т. е. психолингвистика есть наука о процессах кодирования и декодирования в индивидуальных участниках коммуникации» (цит. по: [Леонтьев 1999, с. 17]), то в 90-х годах А.А. Леонтьев пишет: «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функцией речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира, с другой» [Леонтьев 1999, с. 19]. Поэтому центральной, доминирующей категорией психолингвистики является *категория деятельности*. Именно поэтому психолингвистика в отечественной филологии называется теорией речевой деятельности.

В течение всего времени существования психолингвистики ее представители пытались отразить процесс речепроизводства с помощью различных моделей. Тем не менее, именно текст оказывается в центре внимания современных психолингвистов. Одним из первых о необходимости изучения текста с позиций психологии заявил Л.С. Выготский: «Без специального психологического исследования мы никогда не поймем, какие законы управляют чувствами в художественном произведении, и рискуем всякий раз впасть в самые грубые ошибки» [Выготский 1998, с. 27].

Это положение было развернуто в работах А.Р. Лурии. Он предложил следующую модель процесса «формулирования» высказывания: 1) мотив; 2) общий замысел; 3) формирование свернутого речевого высказывания; 4) стадия внутренней речи; 5) развертывание ее в развернутое речевое высказывание, опирающегося на поверхностно-речевую структуру [Лурия 1998].

Эта модель порождения речи изоморфна пониманию: «...в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере, частично воспроизводящие процессы ее порождения» [Леонтьев 1999, с. 70]. А.Р. Лурия процесс восприятия описывает следующим образом: «Этот процесс начинается с восприятия внешней, развернутой речи, затем переходит в понимание общего *значения* высказывания (т. н. анализ через синтез. – *Ю.З.*), а далее – и в понимание *подтекста* этого высказывания» [Лурия 1998, с. 277]. Для исследователя разделение текста и высказывания оказывается несущественным. Восприятие как отдельной фразы, так и целостного текста фиксирует два вида смысловых отношений – поверхностный (горизонтальный) и глубинный (вертикальный). По мнению А.Р. Лурии, на уровне поверхностной структуры релевантными оказываются проблемы влияния смыслов (т. е. принцип семантического согласования элементов высказывания и проблема связности текста), выделение «смысловых ядер» с помощью анализа через синтез (выделение ключевых элементов текста и определение тема-рематической структуры). На уровне же глубинных структур фиксируется внутренний смысл – подтекст. «Понимание текста не ограничивается, однако, пониманием лишь его поверхностного значения. <...> Уже в относительно простых речевых высказываниях или сообщениях наряду с внешним, открытым значением текста есть и его *внутренний смысл*, который обозначается термином *подтекст*. Он имеется в любых формах высказываний, начиная с самых простых и кончая самыми сложными» [Лурия 1998, с. 312–313]. При этом исследователем подчеркивается особая роль подтекста в литературном произведении.

Однако осознание особого статуса подтекста в художественном произведении не изменяет типологию текстов / речи (А.Р. Лурия не разграничивал текст и речь). А.Р. Лурия предложил типологию речевых произведений, основным критерием которой является форма произведения – письменная или устная, причем последняя имеет подвиды: монолог и диалог. Возможно, невыделение художественного текста в качестве отдельного, самостоятельного типа связано с малой изученностью данной разновидности речи. «Эта проблема разработана еще совершенно недостаточно», – писал ученый [Лурия 1998, с. 319].

Современные психолингвисты (Н.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А.С. Штерн и др.) в целом разделяют взгляды А.Р. Лурии. Понимание текста ими определяется как «последовательное изменение структуры, воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения мыслительного центра ситуации от одного элемента к другому. В результате понимания... образуется некоторая картина его общего смысла – концепт текста» [Леонтьев 1999, с. 141]. А.С. Штерн и Л.Н. Мурзин, написавшие в содружестве книгу «Текст и его восприятие», предлагает методику свертывания текста на основании ключевых слов. Что касается проблемы классификации текстов, то в книге «Основы психолингвистики» А.А. Леонтьев пишет: «Для нас понятие текста включает как монологические, так и диалогические тексты, причем и устные, и письменные» [Леонтьев 1999, с. 137].

Система **говорящий – текст – слушающий** в стилистике. Предметом стилистики является стиль во всех языковедческих значениях этого слова: как индивидуальная манера исполнения речевых актов, как

функциональный стиль речи, как стиль языка и т. д. В настоящее время можно говорить о различных направлениях стилистики. Дескриптивная стилистика описывает выразительный потенциал элементов речи (А.А. Хилл и др.); текстовая стилистика рассматривает общие закономерности описания текста в аспекте вариативности выбора говорящим языковых средств (У. Хендрикс и др.); функциональная стилистика соотносит текст и внетекстовые подсистемы языка (функциональные или коммуникативные стили) (Ш. Валли, А.Н. Кожин, В.В. Одинцов и др.); прагматическая стилистика рассматривает использование говорящим языка в разных ситуациях, описывает предпосылки успешного совершения речевых актов (Э. Бенвенист, Г.О. Винокур и др.). Центральной категорией является категория выразительности, репрезентирующая способность языковой единицы выражать дополнительную (экспрессивно-оценочную, экспрессивно-эмоциональную, функционально-стилевую, композиционную и т. д.) информацию.

Данная категория влияет на формирование классификации жанров текстов в данном аспекте. Традиционно, тексты классифицировались в зависимости от стиля: научного, официально-делового, публицистического и т. д. Но и внутри стиля тексты могут значительно отличаться друг от друга. Под жанром, по А.Н. Кожину, понимается «выделяемый в рамках того или иного функционального стиля вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и использованием стилистических структур» [Кожин 1982, с. 156].

Конструктивные свойства и стилистические особенности оказываются основой жанровой классификации. В аспекте стилеобразующем значимы место и роль книжных или разговорных единиц языка; в аспекте конструктивном – важны место и роль используемых структур: рационально-логических или эмоционально-риторических. Так, в пределах научного стиля рационально-логические структуры характерны для таких жанров, как исследование, информация в производственно-технических жанрах; рационально-риторические – в научно-популярных жанрах (книг, статей, очерков), а также в учебных; в пределах делового стиля первые легко наблюдать в законодательных жанрах (указах, постановлениях), директивных жанрах (приказы, распоряжения, инструкции), в констатирующих жанрах (акт, протокол, отчет), вторые – в свободном деловом описании, деловом письме. На определение жанра влияют также содержание, тематика, сам предмет, обсуждаемый с той или иной точки зрения, коммуникативное задание.

Система *говорящий – текст – слушающий* в литературоведении. Проблема понимания текста в литературоведении тесно связана с вопросом определения понятия «художественное произведение». Н.А. Кузьмина в монографии «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка» полагает, что «в соотношении «произведение – текст» необходимо ввести временной фактор. Пусть некоторый временной интервал – время работы над произведением. В этот промежуток автор имеет дело с текстом. Момент, когда работа завершена, есть момент рождения произведения как законченного целого. Однако уже следующий момент

знаменует отторжение произведения от автора и превращение его в текст» [Кузьмина 1999, с. 25].

Подобная позиция выстраивается с опорой на концептуальные положения Р. Барта по разграничению текста и произведения. В работе «От произведения к тексту» исследователь выделил оппозитивные признаки, позволяющие отделить текст от произведения. К ним относятся:

- статичность произведения / динамичность текста;
- инвариантность произведения / вариативность текста;
- замкнутость произведения / открытость текста;
- авторство произведения / анонимность текста;
- онтологическая целостность произведения / функциональная операциональность текста;
- классифицируемость произведения / неклассифицируемость текста.

Подобный подход восходит к концу XIX – началу XX века. «Сколько читателей – столько и произведений» – так звучит один из лозунгов литературоведения XX века. С того момента, как предтеча русского символизма И.Ф. Анненский, вторя А.А. Потебне, заверил: «сколько читателей – столько и Гамлетов», вопрос об инварианте художественного произведения стал краеугольным камнем теории литературы. Одни исследователи, например С.В. Ломинадзе, утверждают инвариантность, цельность и закрытость художественного произведения. При этом исследовательская задача понимается как поиск авторского инварианта и авторского замысла с опорой на данные о биографии писателя, об истории и

социальной обстановке создания текста. Другие исследователи, к числу которых относятся Р. Барт, Ж. Деррида, У. Эко, объявили о принципиальной открытости текста. Текст рассматривается ими как пересечение ассоциаций, построенное на принципиальной открытости для множества субъективных сознаний, а следовательно, интерпретаций. Авторский текст – это только приглашение к соавторству, сотворчеству, читатель же творит собственный текст.

Ю.М. Лотман в монографии «Культура и взрыв» определил данные разногласия следующим образом: «Существенное отличие современного структурного анализа от формализма и раннего этапа структурных исследований заключается в самом выделении объекта анализа. Краеугольным камнем названных выше школ было представление об отдельном, изолированном, стабильном самодовлеющем тексте. <...> Современная точка зрения опирается на представления о тексте как пересечении точек зрения создателя текста и аудитории» [Лотман 1992, с. 178–180]. Исходя из этого, базовой категорией, определяющей литературоведческие исследования текста на современном этапе, оказывается *категория «интертекстуальности»*.

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» были введены в работах Ю. Кристевой. Отчетливо эта идея оформилась в статьях Р. Барта: «... Она (интертекстуальность. – Ю.З.) представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических, даваемых без кавычек» (цит. по: [Степанов 2001, с. 37]).

Н. А. Кузьмина выделяет следующие свойства интертекста:

1. «Интертекст пронизан стрелой времени. Он не имеет "начала" и "конца" – интертекст безграничен во времени и пространстве».

2. «Интертекст в целом находится в состоянии хаоса. Под воздействием Человека отдельные его области могут упорядочиваться».

3. «В интертексте система языка децентрируется и деконструируется, т. е. подвергается разборке, демонтажу. Таким образом, материя языка (текста) превращается в интертексте в материал».

4. «В интертексте язык-материал представляет собой "гигантский мнемонический конгломерат" (Б.М. Гаспаров), в котором уравнены отдельные тексты, фрагменты текстов разной величины, собственно элементы текста и так называемые отслоения (части слов, графические образы, ритмико-интонационные схемы и пр.). В этом состоянии тексты отделены от своих создателей...».

5. «...интертекст – это область речи, причем в нем невозможно разделить речевую деятельность и результат (продукт)...».

6. «Для того чтобы перейти от беспорядка-хаоса к порядку, интертекст должен обладать некоторой потенциальной энергией. Потенциальная энергия интертекста складывается из суммы потенциальных энергий прототекста и автора» [Кузьмина 1999, с. 27–29].

Таким образом, поставив в центр исследований категорию интертекстуальности, современное литературоведение изменило традиционный подход к

собственному объекту и предмету, отказалось от принципа классификации материала и концептуально сблизилось с культурологией, семиотикой, синергетикой и пр.

Система *говорящий – текст – слушающий* в семиотике. Семиотические исследования текста последнего времени акцентируют внимание на его коммуникативной природе, обращаясь к контексту, прагматическому компоненту. При этом исследование семиотической составляющей текста учитывает процессуальный характер последнего. Такие исследователи, как Э. Бюйсенс, Л. Прието, Ю.М. Лотман и др., изучали текст как динамическую единицу, которая служит «коммуникативным целям передачи информации».

К исследованию текста в системе *говорящий – текст – слушающий* наиболее приближены по определению прагматические работы. При этом центральной оказывается категория субъекта [Степанов 2001, с. 29]. Как отмечает Ю.С. Степанов в вводящей статье к антологии «Семиотика», «прагматика рассматривает человека как автора событий, хотя эти события и заключаются в говорении» [Степанов 2001, с. 36]. Этим преодолевается изначальный разрыв в наполнении понятия «субъект», который, с одной стороны, рассматривается как человек вообще и автор в частности, а с другой – как подлежащее в предложении. «Современные лингвисты справедливо утверждают, что одна из основных линий прагматической интерпретации – это „расслоение“ "Я" говорящего: на "Я" как подлежащее предложения, "Я" как субъекта речи, наконец, на "Я" как внутреннее „Эго“, которое контролирует самого субъекта, знает цели говорящего и его намерения лгать или говорить правду,

и т. д.» [Степанов 2001, с. 29–30]. Объединение субъектов в художественном тексте достигается посредством образа автора, который является одним из наиболее изучаемых предметов в филологии XX в.

Именно на расслоении субъекта в акте коммуникации строилась типология художественного текста с позиций семиотики. Выделялся текст от автора, текст от рассказчика, текст от повествователя и пр. Кроме того, типологически подразделялись художественные тексты в зависимости от вида образа автора, присутствующего в произведении.

Однако понимание субъекта как центральной категории современной семиотической прагматики привело к переосмыслению понятия «текст». Впервые об особом характере текста, обладающего отчетливо проявляющейся субъективностью, сказал Э. Венвенист. Он назвал «речь, присваиваемую говорящим» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 137] дискурсом. В работах «Семиотика литературы» и «Понятие литературы» Ц. Тодоров вводит общую для всех видов текстов типологию дискурсов: научный дискурс, дискурс сонета и т. д. и характеризует дискурс как родовое понятие по отношению к литературе [Тодоров 2001, с. 388]. Однако малая изученность дискурса и дискурсивности не позволяет сформировать единую классификацию текстов / дискурсов и пр. С одной стороны, если высказывание приравнять к тексту / дискурсу (как это сделал М.М. Вахтин), таксономическая диверсификация текстов-высказываний может быть осуществлена в соответствии с целями коммуникации. Так, Т.В. Шмелева предлагает выделять приказы, сообщения и т. д. С другой стороны, ученые исследуют определенные разновидности дискурсов: Т.А.

Трипольская изучает эмоционально-оценочный дискурс, Ц. Тодоров – литературный и научный дискурсы, С.Н. Плотников – неискренний дискурс, Р. Барт и, вслед за ним, А.К. Михальская – политический дискурс и т. д. Таким образом, семиотические исследования последнего времени описывают круг проблемных вопросов, которые характеризуют текст в системе *говорящий – текст – слушающий*.

Система *говорящий – текст – слушающий* в лингвистике текста. Одним из лингвистических (языковедческих) направлений, в котором рассматривается текст в системе *говорящий – текст – слушающий*, является лингвистика текста. Уже на первом этапе своего существования (60-е годы) обращение к актуальному членению высказывания в качестве аксиомы содержит постулат о коммуникативной значимости элементов высказывания / речи, которую задают говорящий и слушающий.

На современном этапе в лингвистике текста господствуют структурный и феноменологический подходы в изучении речи / текста [Сидоров 1987, с. 6–7]. В них текст рассматривается как самодостаточная система речевых единиц, реализующаяся на фоне определенной совокупности экстралингвистических факторов.

Структурное направление в области предмета смыкается с риторикой, стилистикой, прагматикой, психолингвистикой и др. В его русле осуществляются разработки проблем правильности текста, влияние на него контекстуально-коммуникативного окружения, вопросы пресуппозитивного знания как базы коммуникации и элементов служебного характера,

меняющих ключ интерпретации. Другое направление – феноменологическое – учитывает наличие в тексте двух уровней связности и, как следствие, двух уровней смысла, которые выявляются в поверхностной и глубинной структурах. Исследования последней сближают лингвистику текста с герменевтикой. В рамках данного направления развивается нарратология – наука о повествовательных структурах и закономерностях их функционирования в тексте, восходящая к идеям В.Я. Проппа.

Нужно подчеркнуть, что для всей лингвистики текста в целом свойственен интерес к «содержательной направленности одной какой-либо формы из двух равновозможных в тексте» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 268]. При этом задаются разные аспекты поиска: в рамках первого направления этот выбор обуславливается внешними, коммуникативными факторами; во втором – внутренними, глубинными текстовыми процессами. Однако неопределенность предмета исследований не позволила лингвистике текста четко обозначить свою категориальную ориентацию, хотя попытка выявления признаков текста и центральной категории, их объединяющей, осуществлялась неоднократно (например, в статье Х. Изенберга «О предмете лингвистической теории текста» [Новое в зарубежной лингвистике 1978, с. 43–56]). При этом в качестве системообразующей категории нередко исследователи избирали связность.

Отсутствие центральной категории, общей для всех направлений лингвистики текста, предопределило, вероятно, и то, что общая типология текстов не была создана. В статье «О характеристике и классификации

речевых произведений» К. Гаузенблаз предложил одну из классификаций, в которой типы речевых произведений выделяются следующим образом:

1. С простой / сложной структурой текста (например, речевое произведение содержит один-единственный текст с одним-единственным смыслом; или речевое произведение состоит из одного текста, в который вставлен отрывок из другого речевого произведения);

2. Свободные и зависимые речевые произведения, включающие такую разновидность, как, например, речевые произведения (относительно) независимые, «самодостаточные»; или речевые произведения, тесно связанные с ситуацией;

3. Непрерывные и прерывные речевые произведения;

4. По степени законченности и др.

Тем не менее, отсутствие в основе классификации четко обозначенных критериев не позволило систематизировать тексты и дать конечный, исчерпывающий список текстовых разновидностей. Поэтому вопросы типологии текста и выделения центральной текстовой категории в лингвистике текста остаются открытыми.

2.2. Коммуникативное направление в изучении текста в системе говорящий – текст – слушающий

Текст в процессе деятельности участников коммуникации. Порождение. Понимание и интерпретация текста.

Рассмотрение текста в системе *говорящий – текст – слушающий* предполагает обращение к коммуникативной ситуации и коммуникативному акту. Сообщение / текст представляет собой информацию, передаваемую при условии установления контакта говорящим-адресантом слушающему-адресату посредством языкового кода. При этом на коммуникацию оказывает влияние контекст как совокупность внеязыковых факторов.

Эффективность контакта в коммуникативном акте определяется адекватностью переданной и полученной информации. Слушающий находится в позиции реципиента: он воспринимает сообщение, пытаясь понять его сигналы посредством коммуникативного кода. Естественно, что при этом возникают искажения, обусловленные как самим процессом передачи информации, перекодировки полученных сигналов, так и подготовленностью коммуниканта к принятию разного рода информации: различием фонда знаний (пресуппозиций), индивидуализированностью жизненного опыта, психологическим перенапряжением, природой поступающих сигналов и пр. Как следствие, возникает вопрос об информативной адекватности коммуникации.

«Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе. Это посредничество неотделимо от человеческого взгляда. Мир глазами человека – это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключенный в нас» [Гийом 1992, с. 144]. В связи с тем, что язык выполняет, в том числе, и кумулятивную функцию, он фиксирует концептуальные представления, знания в вербальной форме (собственными средствами). Язык в процессе передачи информации выполняет двойную функцию. С одной стороны, он идеализирует материальное, а с другой – материализует идею. Мысль, воплощенная в физическом облике, то есть в словах, проходит через определенные структуры, которые подвергают ее искажению. Так, облекаясь в вид представления, закрепленного в языке, она деформируется. Когда представление трансформируется в выражении, входит в сферу речи, мысль искажается вторично по тем же самым причинам (к ним прибавляется ограниченность средств выражения). Таким образом, первоначальное содержание преобразуется:

Схема 1

Преобразование исходного содержания информации

$$\begin{array}{l} \text{мысль} \rightarrow \text{язык} \rightarrow \text{речь (текст)} \\ C \rightarrow C_1 \rightarrow C_2 + \dots \end{array}$$

где C , C_1 , $C_2 +$ обозначают исходное содержание и его трансформации.

«Конечный результат этого процесса – получившееся высказывание – представляет собой

компромисс между тем, что говорящий «намеревался» высказать... и тем, что «получилось» в силу свойств использованного языкового материала» [Гаспаров 1996, с. 106]. Перевод информации с «лингва менталис» на естественный язык [Вежбицка 1983, с. 246] – это лишь одна из сторон, «сторона значения слова для самого говорящего; но в действительности язык возможен только в обществе» [Потебня 1976, с. 303].

Порождение высказывания подразумевает восприятие его как понимание. Сходство процессов порождения и понимания речи указывает на то, что искажения, вызванные перекодировкой информации, присутствуют также в восприятии высказывания (или текста) адресатом. Еще А.А. Потебня писал об этом: «Так при понимании мысль говорящего не передается слушающему, но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего. Думать при слове то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня 1976, с. 307].

Помимо трансформации информации, вызванной механизмами перекодировки мысли в слова в речи и обратно, нетождественность того, что хотел сказать говорящий, и того, что понял слушающий, обусловлена разным наполнением концептуальных систем коммуникантов. Если конструкт, модель информации – фрейм – обеспечивает интерсубъективность концепта, то его наполнение ассоциациями, мнениями, эмоциональной оценкой и т. д. насквозь субъективно. Б.М. Гаспаров

увязывает языковое существование личности, проявляющееся в производстве и восприятии языковых фактов, с индивидуальным цитатным мнемоническим конгломератом, актуализирующемся как на пути конструкции, так и на пути деконструкции: «Все эти процессы совершаются индивидуально в сознании каждого отдельного... субъекта. Их течения и результаты неотделимы от его характера и жизненного опыта и поэтому в полном своем объеме всегда уникальны для каждой личности» [Гаспаров 1996, с. 15]. Индивидуальность опыта, в том числе языкового существования, позволяет образовываться компрегенсионным лакунам (или классификационным пустотам) в рамках концептуальной системы отдельного индивида. «Охват» информации с последующей ее классификацией зависит не только от когнитивных способностей субъекта, использующихся в ее обработке, но и от количества входящего материала. В случае недостатка единиц для заполнения пустующих позиций классификации индивид, исходя из собственной компетенции, заполняет лакуны непротиворечиво мыслимыми объектами вне зависимости от их реального существования, и этот процесс носит индивидуальный характер.

Несмотря на индивидуализированность когнитивной составляющей коммуникативного акта, понимание между коммуникантами оказывается возможным. Базу для понимания составляют интерсубъектные знания, фиксирующиеся мышлением в виде фреймов и пресуппозиций. На основании фреймового и пресуппозитивного фонда коммуникантов, отвечающего условиям истинности (логической или прагматической), а также социальной ситуации, личностного фактора и пр.

осуществляется успешная коммуникация – достигаются понимание субъектами друг друга и перлокутивный эффект, если он предполагался изначально. Однако количество и качество составляющих, обеспечивающих эффективность общения, варьируется от субъекта к субъекту.

Таким образом, порождение и понимание в коммуникации выступают как деятельностные разновидности. Как пишет Е.В. Сидоров в монографии «Проблемы речевой системности», «в отдельном акте речевой коммуникации выделяются две деятельностные фазы – коммуникативная деятельность отправителя сообщения (порождение. – Ю.З.) и коммуникативная деятельность адресата (понимание. – Ю.З.). <...> Эти две деятельности могут образовывать некоторое целое благодаря наличию речевого произведения, текста, без которого коммуникация не может состояться» [Сидоров 19876, с. 10]. При этом исследователь называет порождение первичной коммуникативной деятельностью, понимание вторичной коммуникативной деятельностью и подчеркивает, что «коммуникативная деятельность есть деятельность с текстом» [Сидоров 19876, с. 11].

С деятельностной природой понимания связан вопрос о его соотношении с интерпретацией. Некоторые лингвисты, например Ю.С. Сорокин, разводят понятия понимания и интерпретации, указывая на пассивный с точки зрения интеллектуальных усилий характер первого и на активный – второго, другие же – отождествляют оба понятия. Так, Е.Н. Нурахметов полагает: «Адресат – это всегда интерпретатор, независимо от того, осуществляется ли интерпретация бессознательно или на осознанном уровне, уровне текста. Восприятие не может быть пассивным процессом, необходимо, чтобы

существовал встречный процесс, то есть деятельность индивида по отношению к воспринимаемому объекту, в данном случае – к тексту художественного произведения. Интерпретация – это выбор из ряда возможных для данного текста» [Нурахметов 1989, с. 85].

По нашему мнению, интерпретация связывает процессы понимания и объяснения: она не ограничивается пониманием и включает в себя истолкование, объяснение высказывания или текста. «Понять хорошо – это значит не только «перевести для себя» отдельные предложения лица А, но и уловить связи между этими предложениями, вскрыть мысленную конструкцию целого, мысленно овладеть тем, что говорит А. Элементарное понимание – это просто перевод следующих друг за другом и воспринимаемых слухом предложений на собственный мысленный язык. И следовательно, слушая, лицо В стенографирует в уме мысленную запись текста, реконструирует весь текст. Но вдумчивый слушатель этим не ограничивается. Он не только стенографирует – он также комментирует. И в голове вдумчивого слушателя возникает параллельно стенограмме комментарий» [Вежбицка 1978, с. 403]. Таким образом, интерпретация текста непредсказуема и изначально неединственна в силу своей субъективной природы.

Следует подчеркнуть двойственную природу интерпретации. Ее первичная функция – объяснение понятого, поэтому, казалось бы, ретроспективная направленность должна обусловить реконструктивную сущность данного явления. Однако любое переложение, пересказ, перевод, объяснение или повествование, прошедшие механизмы трансформации, являются совершенно новыми произведениями, что диктуется

именно конструктивной, креативной природой интерпретации.

Проблема интерпретации особенно актуальна при изучении художественного текста. Например, в исследовании романа «Мастер и Маргарита», с одной стороны, она связана с тем, что «роман задуман и построен так, что предполагает несколько уровней понимания» [Смирнов 1988, с. 146], с другой – многие его составляющие не могут быть истолкованы однозначно. Таков, например, образ Воланда. Ряд исследователей считают Воланда представителем добра, а другие рассматривают этот персонаж как носителя зла. Наряду с этим, делаются попытки выйти за пределы оппозиции добра – зла. Так, М. Андреевская полагает, что в романе, скорее, представлены ведомства Справедливости и Милосердия, а не добра и зла. И. Бэлза, Н. Утехин и некоторые другие булгаковеды считают данный образ надморальной силой, поэтому не оцениваемый с точки зрения положительного или отрицательного. Однозначного ответа на данный вопрос нет и, по-видимому, не будет, потому что каждый из исследователей творчества М. Вулгакова, обратившийся к этой проблеме, будет представлять собственные (интерпретационные по сути) доводы в пользу одной или другой позиции.

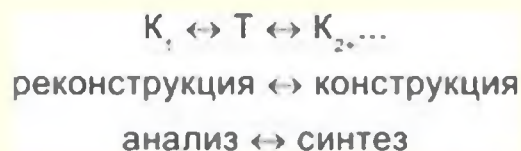
Диалектическая противоположность является свойством всех сложных объектов, в том числе и свойством реальной речевой коммуникации [Сидоров 19876, с. 33]. И несмотря на тесное взаимопроникновение (порождение речи содержит в себе идеальную модель собеседника и тем самым управляет через текст пониманием; понимание в качестве идеальной модели определяет функцию и структуру

текста, а следовательно, влияет на порождение), понимание и порождение диалектически противоречивы: «...они предопределяют и отрицают друг друга» [Сидоров 19876, с. 37]. Это объясняется тем, что они связаны с материализацией идеального (перехода мысли в слово), но взаимнообратны: в понимании осуществляется субъективация слова, а в порождении – объективация мысли, идеи.

Поэтому суть коммуникативного процесса раскрывается в амбивалентности текста: с одной стороны, бесконечная множественность восприятий, с другой – конечная единичность авторства. При этом путь реконструкции ведет исследователя к единичному – адресанту, автору, K_1 а путь конструкции – к бесконечно множественному адресату, читателю, $K_{2+...}$

Схема 2

Корреляция модели коммуникативного процесса и принципов обработки информации

Движение от адресата к тексту предполагает анализ языковых средств. Движение от текста к адресату приводит к интерпретации, релевантной для данного субъекта. При этом восприятие текста адекватно лотмановскому культурному взрыву, содержащему набор вариантов, изначально синонимичных, но расходящихся в семантическом пространстве в течение определенного времени после него: «Настоящее (в нашем случае – текст. – Ю.З.) – это вершина еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития.

Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва (в нашем случае – в момент восприятия текста. – Ю.З.) эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью информативности» [Лотман 1992, с. 28]. Таким образом, из множества элементов текста синтезируется идея, усвоенная адресатом. В какой-то момент понимание ее коммуникантами тождественно, но чем дальше они от текста, тем больше появляется различий. Подобные же процессы наблюдаются в момент создания текста, потому что принцип «стратегии приоритетов» действует и для создателя текста. Наиболее откровенно о субъективности текста сказала М. Цветаева, озаглавив одно из своих творений «Мой Пушкин».

Учитывая наличие трансформационных механизмов при передаче информации, а также различное наполнение концептов коммуникантов можно сделать вывод о том, что полное, абсолютное постижение авторской мысли, идеи невозможно. Идея же, порожденная в недрах сознания адресата, принадлежит только реципиенту. Она зеркальное отражение авторского замысла, однако она не тождественна ему.

Таким образом, происходит обращаемость антиномий в коммуникативном процессе. С одной стороны, адресант создает текст, но движение к нему от текста носит характер обратной связи. С другой стороны, адресат, воспринимая текст, совершает попытки обнаружить по определенным знакам то, что хотел выразить адресант, но он в процессе интерпретации творит новое произведение. Так реконструкция

обращается конструкцией и наоборот, а анализ – синтезом.

Текст как продукт деятельности первого участника и объект деятельности второго участника. Текст и идея. Понимание и интерпретация является реакцией субъекта коммуникации на сигналы текста. Механизмом, осуществляющим связь между ней и словом в рамках модели стимул – реакция, является апперцепция, которая есть «участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [Потебня 1976, с. 126]. Она выступает механизмом, сопровождающим перевод и передачу информации от адресанта к адресату, базой для интерпретации. Но в глубинах интерпретационных процессов, спиралевидно вращающихся в турбулентных сознаниях и мышлениях, есть некий центр, генерирующий смысловые сигналы. Этим центром является комплекс текстовых идей.

Содержательный комплекс текста является уровневым образованием. Как отмечает Е.В. Сидоров, «речевое содержание существует в двух формах: в форме идеального содержания в сознании общающихся людей и в форме материального содержания знаков, из которых состоит речевое произведение. В отличие от речевого знака, материальность которого внепредметна, материальность языкового знака есть материальность некоторой нейродинамической системы мозга» [Сидоров 19876, с. 31]. Таким образом, языковой (вербальный) уровень находится на «поверхности» текста. Слово выступает в качестве средства оформления, овеществления и материализации реальности текста; оно тот код, который позволяет репрезентировать текстовую информацию в человеческом сознании; оно – оболочка текста. Наряду с этим, слово обладает значением в

потенции и смыслом в данной, конкретной реализации, что составляет первый содержательный уровень произведения, иначе говоря – поверхностный уровень семантики текста. Первоначально эта содержательная реализация подчиняется авторскому замыслу, а затем, когда работа над текстом завершена и он остранин от адресанта, смыслы попадают в зависимость от идеи. Сама идея существует и функционирует на другом уровне содержания текста.

В художественном тексте мы наблюдаем содержание, организованное по принципу матрешки. В нем идея находится в глубине содержательного комплекса. В нехудожественном тексте содержательная структура может иметь иную организацию. В ней идея текста может выражаться в иллокутивной установке адресанта. Так, в приказе (разновидность официально-деловых текстов) идея представлена императивом «приказываю», а в письме-прошении она репрезентируется посредством стандартизированной формулы, обычно завершающей текст «прошу...». При этом в отличие от художественного текста в данных примерах идея эксплицирована и не требует постижения.

Определить сущность идеи текста можно через сопоставление. Так, она соотносима со значением как содержательный компонент структуры. А.А. Потебня отмечал, что идея, как значение слова, синтетична, ибо содержание имеет «возможность обобщения и углубления» [Потебня 1976, с. 182] и только в синтезе с другими компонентами создает язык или искусство. Идея, как значение слова, способна «расти» и «развиваться», но «уже не в художнике (адресанте. – Ю.З.), а в понимающих» [Потебня 1976, с. 180–181].

Идея в определенном смысле подобна концепту. Она, как и концепт, ментальное образование (или – трансцендентальное?). Она, как и концепт, не может быть совершенно адекватно передана языковыми средствами и, наконец, она, как и концепт, является иерархически организованной структурой с компонентами интерсубъектными и субъективными. В этом смысле идея изоморфна концепту, но, являясь отображением последнего, она структурирует и упорядочивает текст, зеркально отражая и трансформируя мыслительные объекты. Х. Ортега-и-Гасет писал об идеях: «...они ирреальны. Принимать их за реальные вещи – значит идеализировать, обогащать их, наивно их фальсифицировать. Заставлять же идеи жить в их собственной ирреальности – это значит <...> реализовать ирреальное именно как ирреальное. Здесь мы не идем от сознания к миру, скорее наоборот, мы стремимся вдохнуть жизнь в схемы, объективируем эти внутренние и субъективные конструкции» [Ортега-и-Гасет 1991, с. 252]. Таким образом, идея художественного текста постигается в результате апперцепции.

Рис. 2.1. Постигание текстовой идеи

Данные положения можно проиллюстрировать конкретным примером. Одним из способов материализации идеального, «рупором» определенных текстовых идей является художественный образ, который синтезирует внутреннее и внешнее и представляет содержательный комплекс в своих поступках, действиях, в том числе – речевых. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в речевых актах Воланда репрезентирован комплекс идей, отражающих его представление о реальности, например идея движения, идея знания, идея человека, идеи времени и пространства и пр. При учете генезиса этого персонажа становится очевидной необычность, ненормальность с точки зрения человека представлений Воланда о времени и пространства. Изначальная установка на специфичность пространственно-временной идеи, а следовательно, индивидуальность и персонифицированность ее воплощения в тексте булгаковского произведения, обращают к трехчастной структуре художественного произведения: внешняя

форма (слово) – внутренняя форма (образ) – содержание (идея).

Однако читатель «закатного» романа М. Булгакова обладает картиной мира, отличной в силу индивидуальности жизненного опыта и опыта языкового существования от картины мира М. Булгакова. Создание последнего романа представляло собой процесс вербальной кодировки определенной информации с учетом авторской интенции. Однако наличие, по меньшей мере, пяти редакций романа свидетельствует как о возможной смене намерений автора, так и о сложностях репрезентации авторской идеи в тексте. Кроме того, последний вариант романа не является окончательным и оконченным по причине смерти писателя. В связи с этим, очевидно, что содержание, которое должно было по замыслу М. Булгакова передаваться посредством произведения, представлено в искаженном виде. Эти искажения усиливаются, если принять во внимание тот факт, что писатель жил в первой половине XX в., поэтому идеи, высказываемые им, и описываемые реалии вызывают в читателе XXI в. иной комплекс ассоциаций или не вызывают их вообще. Поэтому наше субъективное восприятие романа, понимание и интерпретация его идейно-содержательного комплекса отличаются от авторского или других читателей.

Исходя из природы коммуникации и структуры коммуникативного акта, понятие идеи текста можно определить как концептуальное воплощение отношения между миром мышления и миром продукта человеческой деятельности. В этом идеальном (глубинном) образовании обнаруживаются динамические процессы, обусловленные индивидуальными особенностями

восприятия субъекта и сопровождающиеся множественностью интерпретаций. С этим связана концептуальная конструктивность процесса порождения и понимания идеи текста как продукта деятельности адресанта и объекта деятельности адресата.

Текстовая (дискурсная) личность. Рассмотрение субъективного фактора в языке стало одной из центральных проблем современного языкознания и привело исследователей к изучению языковой личности. Впервые понятие языковой личности появилось в результате разработки проблем по обучению языку. «Понятие «языковая личность» (*homo loquens*) употребляется чаще для обозначения родового свойства *homo sapiens* вообще. Оно разрабатывается с заметной эффективностью в лингводидактических целях, и на достигнутом ныне уровне обобщенных научных представлений о ней «языковая личность» выступает как многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения» [Караулов 1987, с. 70].

Первым понятие языковой личности к конкретному индивиду приложил В.В. Виноградов, обратившись к художественным произведениям, в которых он видел «особую сферу творчества личности». Позднее всесторонняя и целостная концепция языковой личности была описана Ю.Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Языковая личность представляет собой некую модель с определенным набором представлений об универсуме, отраженных в языке сознанием человека и зафиксированных с помощью определенных общепринятых форм, и потенциальных навыков, умений,

мотивов, обуславливающих бытие человека. Однако наряду с языковой личностью в сферу изучения исследователей текста попадает и текстовая (дискурсная) личность, которая определяется как фактор реализации потенциальной языковой личности и коррелирует с личностью в целом [Земская, Панченко 1998].

Любой акт коммуникации требует от коммуникантов выполнения определенных ролевых обязательств, обусловленных конкретными обстоятельствами, условиями общения, отношениями между субъектами и пр., а также социальными, национально-культурными традициями, закрепленными в этикете. Это ведет к трансформации личности при подгонке к коммуникативным ролям или при создании определенного образа, «имиджа». Коммуниканты, вступая в общение и создавая сообщение / текст, формируют свои образы, нередко не осознавая этого. Тем не менее каждый текст содержит образы говорящего и слушающего, их текстовые личности.

Проблема определения онтологического статуса понятия «текстовая личность» обостряется при выборе текста художественного произведения объектом лингвистического исследования. Круг вопросов, возникающий в связи с подобной постановкой проблемы, описывается в том числе взаимодействием автора и эманации авторского сознания – персонажа. Мир художественного произведения обманчив своей реальностью. Читатель попадает в сеть иллюзии, полагая ее действительностью. «Хорошие» роман, повесть или рассказ создают эту иллюзию, вызывая споры о прототипах персонажей, о времени происходящих событий, о точности в деталях бытописания и пр. При этом забывается, что наблюдаемое – копия,

мыслительный конструкт реальности, где пребывают не автор и другие люди, а его образ и персонажи» [Лотман 1992, с. 44–45].

Термин «текстовая (дискурсная) личность» включает в себя описание исследовательского конструкта, именуемого личностью в условиях порождения речи. Причем место текстовой личности определяется не вне текста, а внутри него. «Мы ощущаем его (текст. – Ю.З.) как «сделанное», как преднамеренное. А преднамеренность требует наличия субъекта, от которого она исходит, который является ее источником; таким образом... произведение предполагает существование человека. Следовательно, субъект дан не вне... произведения, а в нем самом» [Мукаржовский 1994, с. 515]. Текст репрезентирует личность говорящего субъекта, в частности его «текстовую» ипостась, что дает право говорить о текстовой личности субъекта говорящего, которая является основой его коммуникативной деятельности. Текстовая личность есть системно организованная структура, функционирующая в условиях речевой коммуникации. Она описывается как основа конструирования собственного условного (текстового) мира, а также взаимоотношений с другими субъектами коммуникации.

Текстовая личность всегда индивидуальна. Необходимо говорить не о средней, безликой текстовой личности, а только о «живой *hic et nunc* данный творческий лик, в *данном* исчерпывающийся» [Шпет 1996, с. 258]. В отличие от языковой личности, ядром, основой которой является национальное [Караулов 1987], текстовая личность обладает индивидуальной, конкретной характеристикой. В основании текстовой личности лежит индивидуальность, данная нам в текстах

и посредством текстов в процессе коммуникативной деятельности данной конкретной личности в сфере ее творчества. Индивидуальность текстовой личности обнаруживается в сравнении с языковой личностью (под индивидуальностью следует понимать и совокупного автора).

Текстовая личность имеет деятельностную природу. Текстовая личность – это элемент, необходимое условие коммуникативной деятельности реального субъекта. Если языковая личность отражает систему языка, то текстовая личность реализуется в речекоммуникативной деятельности, при создании и использовании текстовых моделей и структур. Она является основой сотворения мира текста («жизненного мира», «условного универсума»), конструирует взаимоотношения с субъектом слушающим посредством текстовых структур.

Текстовая личность детерминирует как поверхностную, так и глубинную структуру текста, т. е. она универсально интегрирована в тексте, выявляется на всех уровнях, во всех структурах и элементах. Если языковая личность персонажа и/или повествователя в художественном тексте является (благодаря своим системным свойствам) «ущербной», ограниченной, неполной, то текстовая личность представлена в тексте во всей полноте: именно она позволяет персонажам говорить своим собственным «языком».

В художественном тексте только автор как индивид, интериоризировавший определенную партитуру национального языка, на котором написано художественное произведение, имеет языковую личность, а образ автора и персонажи ее только имитируют. По отношению к последним наиболее

целесообразно употребление термина «текстовая личность». Образ автора и персонажи порождены и существуют только в рамках текста, и заключение о них как о личностях производится только на основании текста, в том числе через речевые акты и в совокупности речевых актов с фактами художественного мира.

Таким образом, в основе операциональной структуры текстовой личности лежит прием остранения как лингвостилистическая основа всего текста (А.А. Потебня, В. Шкловский и др.). Однако продукт речевой деятельности человека (текст) может быть рассмотрен не только как абстрактное, замкнутое, самодостаточное, «чистое» явление, но и во всей совокупности экстралингвистических факторов (социальных, национально-культурных, прагматических и пр.). Именно в таком проявлении текст определяется как дискурс.

В дискурсе мы наблюдаем личность, реализующую в конкретной ситуации коммуникации комплекс мотивов, установок, навыков, знаний, убеждений посредством всех доступных ей средств (как вербальных, так и невербальных). Изучение дискурса позволяет сделать вывод о ценностных приоритетах индивида, о его роли в данной коммуникативной ситуации, наполнении и содержании социального, культурного и пр. контекстов и т. д. Термин «дискурсная личность» придает продукту коммуникации динамический, открытый характер, т. е. предполагает приращение за счет речевых отрезков, порожденных как в будущем, так и в прошлом. Он оказывается шире термина «текстовая личность», но тем не менее совпадает с последним в сущностных характеристиках и иногда в конкретных реализациях. Так, текстовая личность может слиться с дискурсной, например, в таких видах коммуникации как письмо,

лирическая проза, публичное выступление или публицистический текст определенной разновидности.

Итак, текстовая / дискурсная личность является образованием, изоморфным языковой личности с точки зрения структуры и с точки зрения аспектов рассмотрения. Однако текстовая / дискурсная личность индивидуальна, деятельностна, определяет мир текста, взаимодействие с другими мирами других субъектов коммуникации и всегда представлена в текстово-дискурсных структурах.

Категории и классификации текстов, рассматриваемых в коммуникативном аспекте. Со способом организации содержательной структуры текста связано определение онтологически присущего ему свойства – категории коммуникативности. Б.И. Головин в книге «Введение в языкознание» писал о коммуникативности как о грамматической категории, передающей «коммуникативное намерение автора речи, т. е. намерение сообщить о чем-то другим людям, иначе говоря – коммуникативную установку высказывания. Эта установка необходима для того, чтобы слушатель или читатель реагировал на высказывание, согласился или не согласился с ним. Нет ни одного предложения (и высказывания), которое оказалось бы лишено коммуникативной установки и, следовательно, категории коммуникативности» [Головин 1966, с. 195]. Однако Е.В. Сидоров заметил, что коммуникативность «не имеет в отдельных высказываниях предметно осязаемых форм» [Сидоров 19876, с. 51] и, как следствие, предложил понимать данную категорию не как грамматическую, а как интегральную, объединяющую языковые,

функциональные, системные категории, присущие тексту [Сидоров 19876, с. 53].

Содержательно же категория коммуникативности определяется погруженностью текста в коммуникацию. «Коммуникативность текста выражается в его способности служить эффективной предметно-знаковой основой развертывания коммуникации в систему полного, трехчленного состава и, следовательно, в конечном итоге в способности обеспечивать успех социального взаимодействия людей речевыми средствами. Иными словами, коммуникативность текста – это его качественная определенность способом включения в систему речевой коммуникации» [Сидоров 19876, с. 51]. Таким образом, коммуникативность «фиксирует динамический принцип системной организации текста» [Сидоров 19876, с. 99] и деятельностную сущность коммуникации.

Исходя из этого, в основе классификации текстов, характеризующихся в коммуникативном аспекте, оказывается принцип первичности / вторичности организации текстовой системности. Данный принцип нередко используется в качестве системообразующего при таксономическом рассмотрении коммуникации и коммуникативных единиц. Так, Э. Сепир в статье «Коммуникация» разграничил первичные и вторичные коммуникативные процессы. К первичным коммуникативным процессам он отнес следующие: язык, жестикуляцию, имитацию публичного поведения и др. Вторичные коммуникативные средства, по мнению Э. Сепира, должны облегчать процесс коммуникации в обществе, поэтому в них включаются создание

физических условий, символизм и языковые преобразования [Сепир 1993].

М.М. Бахтин в работе о речевых жанрах, написанной в 20-х годах прошлого века, иначе понимал первичность и вторичность при характеристике продуктов коммуникативной деятельности. К группе первичных жанров им были отнесены естественно сложившиеся в коммуникативной практике речевые жанры (например, вопрос, просьба, требование и др.). Они противопоставлены жанрам культивируемым, регулируемым, обработанным (вторичным) – рассказу, статье, эссе, повести и т. д.

Определяя речевые жанры как «относительно устойчивые типы высказываний» [Бахтин 1979, с. 250], М.М. Бахтин отмечал, что жанровое своеобразие и жанровая модель зависят от ряда факторов, к которым относятся условия и цели коммуникации, композиционное построение, тематическое содержание и языковой стиль. Естественно, что наличие целого комплекса жанроопределяющих факторов затрудняет классификацию речевых жанров. Однако именно жанровая разнородность позволила разграничить первичные и вторичные жанры. Причем первичность и вторичность речевых жанров понимается М.М. Бахтиным нефункционально [Бахтин 1979, с. 252], т. е. как системно-структурная простота и сложность.

Несмотря на то, что подсистемы жанров не являются автономными и первичные жанры выступают в роли прототипов вторичных жанров (например, жанр «требование» выступает прототипом по отношению к жанру «приказа»), «различие между первичными и вторичными (*идеологическими* жанрами (курсив наш. –

Ю.З.) чрезвычайно велико и принципиально...» [Бахтин 1979, с. 252]. При этом «взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних» тесно связаны со «сложной проблемой взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения» [Бахтин 1979, с. 252–253].

Проблема идеологии и мировоззрения в современной филологии ориентирует исследователей на вопросы эффективности коммуникации, понимания и интерпретации, картины мира и пр., в широком смысле – на проблему субъекта в языке и речи. М.М. Бахтин отмечал, что «не все жанры одинаково благоприятны для отражения индивидуальности говорящего в языке высказывания». И далее: «Наиболее благоприятны жанры художественной литературы...», «Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке наличны в тех речевых жанрах, которые требуют стандартной формы, например, во многих видах деловых документов, в военных командах, в словесных сигналах на производстве и др.» [Бахтин 1979, с. 254].

Таким образом, разграничение текстов на первичные и вторичные должно учитывать, по мнению М.М. Бахтина, «отраженность» (реализованность) индивидуальности коммуниканта, специфику целей и условий коммуникации, устойчивость композиционной и тематической (информативной) структуры [Бахтин 1979, с. 255]. В последней репрезентируется содержательное текстовое ядро – идея, являющаяся результатом целей, намерений и установок коммуникантов, условий коммуникации и пр.

Если цель (как задача) коммуникации обусловлена необходимостью изменения мировоззрения коммуникантов, их идеологии, картины мира (как сверхзадачей), то в таком случае перестройка концептуальной картины мира не может осуществляться на уровне понимания простых команд. Когда пресуппозитивные фонды коммуникантов совпадают (т. е. при передаче / получении известной информации), возможно только понимание. Когда же поступающая информация носит принципиально новый характер, она должна быть освоена и усвоена субъектом, т. е. интерпретирована. Таким образом, определение первичности / вторичности текстов непосредственно связано с проблемой понимания и интерпретации.

Организация информативной структуры в первом случае оказывается предельно простой, одноуровневой. Идейное ядро сообщения находится на поверхности, совпадает с целью коммуникации. Этим достигается необходимый перлокутивный эффект. Реализация индивидуального начала оказывается затрудненной (пресуппозитивные фонды совпадают), что нередко выражается в наличии фраз-клише и стандартизированных выражений, ограничивающих информационную и композиционную свободу коммуникантов. Во втором случае мы сталкиваемся со сложной, уровневой организацией информативной структуры, на глубинном уровне которой оказывается идейное ядро. Его вычленение требует интерпретации, которая является субъективной по своей природе и, как следствие, предполагает реализацию креативного потенциала субъектов, в том числе на уровне темы (содержания) и композиции, что, в свою очередь,

приводит к изменению концептуальных систем коммуникантов.

К первого рода коммуникациям относится, например, деловая коммуникация, в которой сообщение и побуждение к действиям не требуют идеологической трансформации. Частично под данную рубрику попадает коммуникация в СМИ, PR-коммуникация в таких жанровых разновидностях как информационная заметка, презентация и пр. Нередко научная коммуникация, имея целью дополнить данными имеющуюся концепцию, оказывается реализацией именно этой формы коммуникации, что отражается главным образом в тезисах как жанровой разновидности.

Однако концептуально новые научные взгляды требуют иной жанровой репрезентации. Они излагаются в монографиях. Тем не менее, основным источником вторичных жанров оказывается художественная литература. Виртуальная реальность художественного произведения, сложная, иерархическая информативная и композиционная структуры, особая идейно-эстетическая направленность и пр. – все это позволяет отнести его во всех жанровых разновидностях к группе вторичных жанров.

К подобному пониманию жанровой системы приводит рассмотрение системы говорящий – текст – слушающий сквозь призму категории коммуникативности.

Выводы

1. Итак, текст является речевым элементом коммуникативного акта в частности и коммуникативной ситуации в целом. С одной стороны, текст является продуктом деятельности адресанта, с другой стороны –

объектом деятельности адресата. Он объединяет две стороны коммуникативного процесса – конструкцию и реконструкцию, которые соотносятся с такими деятельностьюными принципами как анализ и синтез.

2. Аналитический и синтетический подходы в исследовании текста тесно взаимодействуют и органично дополняют друг друга. Именно в сочетании они позволяют проникнуть за границу, отделяющую человека от мира текста, и постичь комплекс текстовых идей.

3. Изучение речекоммуникативного аспекта текста акцентирует ракурс исследовательского внимания на субъективном факторе в языке и речи, что реализуется в рассмотрении понятия текстовая (дискурсная) личность.

4. Основной категорией, характеризующей текст в системе *говорящий – текст – слушающий* является категория коммуникативности. Основываясь на деятельностной природе коммуникации, классификация текстов осуществляется в рамках оппозиции первичности – вторичности.

Вопросы и задания

1. К какому речевому жанру относится приведенный ниже текст. Аргументируйте свой ответ с опорой на характеристики «отраженности» (реализованности) индивидуальности коммуниканта, специфики целей и условий коммуникации, системно-структурной простоты и сложности.

Уважаемые соотечественники!

В эти дни мы вместе пережили страшное испытание. Все наши мысли были о людях, оказавшихся в руках вооруженных подонков. Мы надеялись на освобождение

попавших в беду. Но каждый из нас понимал, что надо быть готовыми к самому худшему.

Сегодня рано утром проведена операция по освобождению заложников. Удалось сделать почти невозможное: спасти жизни сотен, сотен людей. Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени.

Но сейчас я, прежде всего, хочу обратиться к родным и близким тех, кто погиб. Мы не смогли спасти всех. Простите нас. Память о погибших должна нас объединить.

Я благодарю всех граждан России за выдержку и единство. Особая благодарность всем, кто участвовал в освобождении людей. Прежде всего – сотрудникам спецподразделений, которые без колебаний, рискуя собственной жизнью, боролись за спасение людей. Мы признательны и нашим друзьям во всем мире за моральную и практическую поддержку в борьбе с общим врагом.

Этот враг силен и опасен, бесчеловечен и жесток. Это международный терроризм. Пока он не побежден, нигде в мире люди не могут чувствовать себя в безопасности. Но он должен быть побежден, и он будет побежден.

Сегодня в больнице я разговаривал с одним из пострадавших. И он сказал: «Страшно не было. Была уверенность, что будущего у террористов нет». И это правда. У них нет будущего, а у нас есть.

(Речь Президента России В. В. Путина, произнесенная 26.10.2002 г.)

2. Опишите идейное ядро текста, приведенного в задании 1, представив его информационную модель

(базовой при моделировании может быть, например, методика контент-анализа).

3. Охарактеризуйте дискурсные / текстовые личности, репрезентированные в следующем тексте:

UGLI 666

Я давно заметила, что конспирология у атеистов вместо религии. Им всё время кажется, что ими кто-то манипулирует, кто-то их гипнотизирует, зомбирует, подслушивает, поднюхивает. А этот кто-то – просто дьявол, и всё. Дело в том, что от атеизма до шизофрении один шаг, и в большинстве случаев он уже сделан. Вот ты, Организм. Тебе кажется, что тобою кто-то манипулирует?

Organizm(-:

Если честно, да.

UGLI 666

В чем же манипуляция?

Organizm(-:

Ну, например, в том, что меня здесь заперли. Или в том, что второй день кормят оладьями.

UGLI 666

А, в этом смысле. Ну так это не манипуляция, это кара божья.

В. Пелевин «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре»

Глава 3

ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ТЕКСТА

3.1. Из истории изучения знакового характера текста

Текст, являясь признанным объектом лингвистического описания, представляет собой знак и одновременно, будучи уровнем языка, сам состоит из знаков. (Имеется в виду язык в семиотическом смысле: «Под языком мы будем понимать всякую коммуникационную систему, пользующуюся знаками, упорядоченными особым образом» [Лотман 2000в, с. 20]). Текст есть осмысленная последовательность любых знаков – вербальных, визуальных, аудиальных и пр. – выступающая как целостность для передачи информации различного характера в процессе коммуникации. Втягиванию текста в орбиту лингвистических интересов способствовало проецирование семиотических идей и принципов не только на язык и его традиционные единицы, но и на речевые произведения, состоящие из этих языковых единиц. Наиболее значимые идеи мы и приведем в первом параграфе настоящей главы.

Понятие знака и текст. Решающим для текста стал взгляд на произведение речи как на знак. Семиотика усматривала знаковую природу текста не только в функционировании в нем других языковых знаков (слова, предложения), что традиционно изучалось

лингвистикой, но и в том, что текст сам являлся целостным знаком, означающее которого – действительность (или фрагмент действительности), а означаемое – представление автора текста об этой действительности. Знаковый характер текста вытекает уже из самого определения знака как двусторонней сущности. С одной стороны, знак материален (имеет план выражения, денотат), с другой, он является носителем нематериального смысла (план содержания, сигнификат). Знак обычно представляется в виде треугольника Фреге:

Рис. 3.1. Структура знака

По замечанию Ю.С. Степанова [Степанов 1971], знаком называется такой элемент знаковой системы, структура которого представляет собой треугольник Фреге с возможными изменениями ее по одному из двух типов: 1) «обобщение треугольника Фреге путем вращения», 2) «обобщение треугольника Фреге путем сближения сторон или по тому и другому типу одновременно». Первый тип изменений предполагает то, что заменителем действительности, посредником при взаимодействии двух вершин может стать любая вершина треугольника. Вторым тип изменений

предполагает соединение двух ребер в одно в определенных ситуациях (например, при рассмотрении жеста как текста знак и денотат соединяются в одной вершине, или при рассмотрении дефиниции как текста соединяются денотат и сигнификат и т. д.). Подобная способность знака позволяет рассматривать текст как единство внешней и внутренней знаковости.

Вычленение двух планов – плана выражения и плана содержания – в знаке также стало решающим при определении феномена текста. При этом разделение на форму и содержание не является абсолютным: информация (содержание) не может быть передана вне данной структуры (формы). Ю.М. Лотман использует для иллюстрации этой мысли архитектурную метафору: «План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – ее реализация. Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея не мыслима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры» [Лотман 2000в, с. 24]. Сказанное можно применить не только к тексту художественному, но и к тексту вообще. Например, структура делового текста отражает иерархическую организованность и регламентированность официально-деловых отношений, а структура научного текста соотносится со стремлением науки объяснить мир, отыскав определенные принципы и закономерности его устройства и т. д.

Таким образом, семиотическая идея структурности любого явления лежит в основе знакового толкования

текста. Текст имеет структуру знака, обладая планом выражения и планом содержания.

Иерархичность знаковой структуры текста.

Следующая семиотическая идея связана с идеей структурности. Это идея иерархической организации знаков в определенные последовательности. Поэтому понятие структуры по отношению к тексту требует уточнения в сравнении с другими языковыми единицами. Знак сам по себе обладает определенной структурой, предполагающей соотношение означающего и означаемого. И текст как целое есть знак, означающее которого (денотат) – фрагмент действительности, содержание текста и означаемое (сигнификат) – авторская интенция, смысл текста. Однако текст – это еще и последовательность знаков, вступающих друг с другом в разнообразные отношения, связи. Структура обычно определяется как целое, части которого, функционируя, приобретают специфический характер. Принято говорить, что целое есть нечто большее, чем сумма частей, его составляющих. Взаимоотношения между частями (элементами) структуры являются динамическими по своему существу: «В нашем понимании структурой может считаться лишь такой комплекс элементов, внутреннее равновесие которого непрерывно нарушается и снова создается и единство которого представляется нам поэтому комплексом диалектических противоположностей» [Мукаржовский 1994, с. 276]. В своих взаимоотношениях элементы и компоненты структуры постоянно стремятся подчинить себе друг друга, развиваться один за счет другого, что приводит к состоянию постоянной перегруппировки иерархии элементов.

Таким образом, текст представляет собой определенную структуру, при этом сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации. Усложнение характера информации неизбежно ведет к усложнению семиотической системы (ср.: структуру текстов-примитивов – плаката, афоризма – и структуру публицистического или художественного текста). Структурность текста задается как процессом порождения, так и процессом понимания.

Иерархичность – это самый общий структурный принцип, существующий в любых знаковых системах, проявляющийся в парадигматике как иерархия классов, в синтагматике – как иерархия длин или иерархия развертывания.

Парадигматическая иерархичность заключается в вычленении в тексте уровней его организации и единиц его составляющих. Текст раскладывается на фонетический, грамматический, лексический, синтаксический и пр. уровни, из которых каждый может рассматриваться как самостоятельно организованный. Чаще всего, говоря об уровне организации текста, имеют в виду изоморфность текстовых уровней уровням языка и выделяют соответственно фонетический, морфологический, лексический, синтаксический уровень. Однако при этом сама специфика текста как особого феномена редуцируется и текст сводится к простой реализации языковой системы, тем самым отождествляясь с речью. Другие исследователи считают, что не может быть полного совпадения между уровнями языковой системы и уровнями текста. Так, может быть исключен морфематический уровень, а Л.В. Щерба говорил о наличии суперсегментных уровней в структуре

текста: ритмического, ритмо-мелодического, метро-ритмического [Щерба 1957, с. 35–37].

Многие исследователи текста усматривают в его структуре композиционный, стилистический, образный и т. д. уровни. Все они выделяются на разных основаниях, имеют разную природу и, как правило, не сводимы в единую классификацию. Это объясняется, с одной стороны, сложностью самого объекта, с другой стороны, позицией исследователя. Некоторые исследователи пытаются представить комплексный подход описания уровневой организации текста. Так, Н.С. Волотнова выделяет два аспекта в организации текста: лингвистический и экстралингвистический. В соответствии с этими аспектами она рассматривает два универсальных уровня, выделенных в тексте – информационно-смысловой и прагматический [Волотнова 1992; 2007]. В лингвистическом аспекте она описывает следующие подуровни: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический в информационно-смысловом уровне и экспрессивно-стилистический, функционально-стилистический в прагматическом уровне. «К экстралингвистическому аспекту художественного текста в плане его порождения отнесено все то, что формируется в сознании субъекта – создателя текста в процессе воплощения замысла (темы, идеи, образы, материал действительности, эмоции, подлежащие выражению, принципы построения)» [Волотнова 1992, с. 29], т. е. предметно-логический, тематический, сюжетно-композиционный подуровни к информационно-смысловому уровню и эмоциональный, образный, идейный к прагматическому уровню. Однако и эта классификация не обладает единством оснований для

выделения подуровней, особенно в экстралингвистическом аспекте, т. е. на собственно текстовых уровнях.

Синтагматическая иерархичность проявляется в том, что между различными уровнями текста могут устанавливаться дополнительные структурные связи – отношения между типами систем. Структурные отношения между уровнями становятся определенной характеристикой текста в целом. Синтагматическая иерархичность обеспечивается семиотическим законом эквивалентности, согласно которому два знака должны быть тождественны и в то же время различны в том или ином отношении. Эквивалентность знаков проявляется в двух направлениях: вверх-вниз по иерархической лестнице и вширь (в пределах одной ступени иерархической лестницы). Так, в парадигматическом отношении отношения эквивалентности текстовых уровней и элементов этих уровней носят модельный характер: знак одного уровня является моделью знаков другого уровня, моделирует те или иные его свойства. В синтагматическом отношении эквивалентность проявляется во взаимозаменяемости элементов или совокупностей элементов. Так, описание одного из текстовых уровней заменяет описание целого текста как структуры, где важность приобретают не сами элементы, а отношения между ними.

Именно устойчивые связи между уровнями и внутри уровней придают тексту, по мнению Ю.М. Лотмана, характер инварианта. Уровни текста являются здесь вариантами, вступающими в отношения синонимии, что создает вторичные функции знаков – один из принципов развития семиотической системы. Текст представляет собой инвариантную систему, что особенно становится

очевидным, если смотреть на текст не с позиции говорящего, а с позиции слушающего. Инвариантная сущность текста также проявляется наглядно, если взять группу изоморфных в каком-либо отношении текстов и описать их как один текст (например, цикл стихов, «петербургский текст», любовный роман, деловой текст, рекламный текст и т. д. или постмодернистский текст, сотканный из интертекстуальных элементов) [Панченко 2007а; 2007б; 2008]. Подобное описание будет описанием системных элементов, а сами тексты будут являться по отношению к нему сложным сочетанием организованных и неорганизованных элементов. Текст-инвариант, текст высшего уровня, будет выступать по отношению к текстам-вариантам, текстам низшего уровня, языком описания – метаязыком.

Таким образом, текст является сложным знаком, имеющим иерархическую организацию элементов и уровней, между которыми устанавливаются отношения эквивалентности.

Типы знаков и текст. Следующая семиотическая идея, применимая к тексту, – это идея типологии знаков. Разнообразие отношений между означаемым и означающим конституирует возможные классификации знака. Пирс подразделяет знаки на индексные, иконические и символические.

Данная классификация основывается [Якобсон 2001] на противопоставлении смежности и сходства и противопоставлении фактичности и условности. Индексное (указательное) отношение предполагает наличие фактической, действительной смежности между означаемым и означающим в пространственном или временном отношениях. Иконическое отношение (по

принципу подобия) – «простая общность, по некоторому свойству», ощущаемое теми, кто интерпретирует знак, т. е. форма и денотат такого знака сходны, похожи друг на друга в том или ином отношении. В символическом знаке означаемое и означающее соотносятся «безотносительно к какой бы то ни было фактической связи» (или в отношении, по Пирсу [Пирс 2001], «приписанного свойства»), т. е. это условные или конвенциональные знаки. Текст может быть знаком-индексом, т. е. указательным или дейктическим знаком (например, рекламный плакат или прогноз). Текст может быть текстом-символом (например, герб, гимн и т. д.). Текст может быть и знаком-иконой (например, информация об изделии на этикетке, различные рекламные объявления и т. д.). Одновременно текст является сложным феноменом и совмещает в себе свойства всех трех типов знаков. Скорее можно говорить либо о доминировании одного из типов, либо о различных точках зрения на текст. У. Эко (в «Отсутствующей структуре» [Эко 1998]) полагает, что изображение не обладает свойствами отображаемого им предмета, а знак-икона столь же произволен, условен и немотивирован, как и знак-символ. Речь должна идти, по мнению У. Эко, не о воспроизведении в знаке-иконе свойств объекта, а о специфике восприятия. В этом случае выясняется, что иконический знак воспроизводит не свойства отображаемого предмета, а условия его восприятия.

Здесь в полной мере проявляется способность текста как знака к изменению при одновременном обобщении сторон треугольника Фреге путем их объединения и путем вращения сторон. «Из материала естественного языка – системы знаков, условных, но

понятных всему коллективу настолько, что условность их на фоне других более специальных "языков" перестает ощущаться, – возникает вторичный знак изобразительного типа. <...> Этот вторичный изобразительный знак обладает свойствами иконических знаков: непосредственным сходством с объектом, наглядностью, производит впечатление меньшей кодовой обусловленности и поэтому – как кажется – гарантирует большую истинность и большую понятность, чем условные знаки» [Лотман 2000в, с. 66]. Таким образом, у подобного знака два неразделимых аспекта – сходство с обозначаемым им объектом и несходство с ним.

Еще один тип знаков – метазнаки – возник в математике и математической логике как тип знаков описания, при помощи которых описываются другие знаки-объекты. Все научные тексты включают в себя метазнаки; тексты рекламы, PR-тексты также активно используют этот тип знаков. Тексты современной художественной литературы (постмодернистские) не только активно включают в свой состав метазнаки, но и сами являются метазнаком. По замечанию Барта [Барт 1989], в контексте становления неклассической культуры «литература стала ощущать свою двойственность, видеть в себе одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литературу-объект и металитературу». Сама литература разрушается как язык-объект, «сохраняясь лишь в качестве метаязыка» [Барт 1989, с. 132]. В этом контексте постмодернистские тексты (литература) фактически являются трактатами о языке, романами о приключениях языка, повествованием метаязыка о самом себе.

Гетерогенность текста. Следуя соссюрловской традиции, текст в лингвистике текста чаще всего

рассматривается как манифестация языка. В этом отношении текст противопоставлен языку как материальное – идеальному, выраженное – невыраженному, пространственное – внепространственному. Одновременно язык выступает в качестве устройства, кодирующего текст, следовательно, то, чего нет в языке, не является смысло-различительным элементом в тексте. В этом случае текст является гомогенным и гомоструктурным. Этим объясняется отождествление текста и речи, поиск в тексте уровней, изоморфных языку, поиск единицы текста в лингвистике текста в 60 —70-е годы XX века.

Исследования текстов культуры позволило Ю.М. Лотману выделить, помимо коммуникативной функции текста, еще одну функцию языковых систем и в том числе текстов – смыслообразующую. В этом случае текст выступает не просто упаковкой языка, а генератором смыслов. Особенно наглядным это становится, когда текст предшествует языку и слушающему необходимо сконструировать язык для данного текста. Подобная ситуация постоянно присутствует при восприятии произведений искусства, инокультурных текстов. В этом случае текст принципиально гетерогенен и гетероструктурен, он является манифестацией многих языков. «Сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, образующими его внутреннюю полиглотизм, и являются механизмом смыслообразования. <...> Механизм смыслообразования всегда один: система внутренних переводов субязыков данного текста, находящихся в отношении относительной непереводаемости» [Лотман 2002, с. 190].

Текст как последовательность знаков также не представляет собой гомогенного явления. Текст, даже вербальный, является гетерогенным объектом, так как во-первых, иерархически организован, его структура состоит из уровней различной природы, во-вторых, текст включает в себя знаки-индексы, знаки-символы, знаки-иконны и метазнаки. С особой очевидностью гетерогенная сущность текста проступает в таких текстах, как рекламные (в рекламном плакате, телевизионной рекламе, радиорекламе и т. д.). Но и традиционно вербальные тексты (деловой, научный и т. д.) не однородны по своему составу: они могут включать знаки-иконны (таблицы, схемы, рисунки и т. д.) и пр.

Таким образом, гетерогенность текста определяется двумя факторами: 1) использованием в тексте разных типов знаков, 2) закодированностью текста как минимум двумя языками. Эта двойная закодированность текста является его принципиальным свойством. В любом тексте присутствуют два кода (языка) – язык естественный и язык текста. Каждый знак в тексте реализует одновременно два значения: буквальное языковое и текстовое, появляющееся у этого элемента структуры только в пределах данного текста. При этом если все многообразие текстов расположить на шкале реализации текстового и языкового значения, то к языковому полюсу будут приближаться официально-деловые и научные тексты, а к текстовому – художественные, остальные будут располагаться между полюсом делового текста и полюсом художественного.

Семантика. Синтактика. Прагматика. Следующей семиотической идеей, которая нашла отражение в теоретическом описании текста, является

идея уровневого подхода к отношениям знака и незнака (действительности и пользователей знаками). Ч. Моррис [Моррис 2001] разделил семиотику на семантику, синтактику и прагматику. Если применить это деление к тексту, то семантика исследует отношение описания к описываемой действительности (отношение изображения к изображаемому), синтактический уровень исследует внутренние структурные закономерности построения описания, наконец, прагматика исследует отношение описания к человеку, для которого оно предназначается. Б.А. Успенский продемонстрировал это разделение по отношению к композиции художественного текста, соотнеся соответственно три этих аспекта с категорией точки зрения [Успенский 1995].

Синтактическому уровню текста посвящено большинство работ, касающихся описания уровневой организации текста, исследования связности текста (Л.М. Лосева [1980], О.И. Москальская [1981], Е.А. Реферовская [1983], Н.В. Черемисина [1971], Г.Я. Солганик [1997], З.Я. Тураева [1986] и др.). По сути, лингвистика текста в основном была направлена на описание данного аспекта текста.

Семантический аспект текста оказался в поле зрения исследователей с 80-х годов XX в. (И.В. Арнольд [1974; 1999], И.Р. Гальперин [1981], Т.А. ван Дейк [1989], А.И. Новиков [1983], Л.Н. Ноздрина [1997; 2006], Л.А. Черняховская [1983], В.Я. Шабес [1989] и др.). Этот уровень описания текста предполагает обращение к структурированию различных типов информации, содержащихся в тексте.

Прагматика текста – один из аспектов текста как знакового образования, фиксирующий отношения между

текстом и субъектами текстовой деятельности (т. е. адресантом-автором и адресатом-читателем). Традиционно прагматика текста предполагала учет коммуникативных интересов читателя и соблюдение фундаментальных принципов речевого общения. Данный уровень привлек внимание исследователей в 90-е годы XX в. (А.Г. Баранов [1993], Н.С. Болотнова [1992], А.А. Ворожбитова [2005], О.Л. Каменская [1990], Е.В. Сидоров [1987] и др.).

Признаки текста как знака. Итак, описание знака как структуры, объединение знаков в иерархически организованные последовательности, существование знаков различных типов (символов, индексов, икон, метазнаков) и наличие у знака трех типов отношений – с другими знаками, действительностью и пользователями этим знаком – все это послужило базой для описания текста как знаковой системы. Существуют скорее не собственно определения текста, а набор признаков, при помощи которых феномен текста отграничивается от других структур, имеющих знаковую природу – культуры, языка, системы – другими словами, нетекста.

С точки зрения текста-знака он характеризуется, во-первых, выраженностью: «Выраженность в противопоставлении невыраженности заставляет рассматривать текст как реализацию некоторой системы, ее материальное воплощение» [Лотман 2000в, с. 61]. Во-вторых, тексту присуща отграниченность. Это позволяет противопоставить текст другим материальным знакам, не входящим в его состав, по принципу выраженности / невыраженности и одновременно противопоставляет всем структурам, у которых слабо или вовсе не выражены границы. С точки зрения текста-знаковой последовательности он характеризуется

структурностью («Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое» [Лотман 2000в, с. 63]). Признак структурности базируется на свойстве иерархичности текста. Каждый из уровней текста представляет собой систему, замкнутую и организованную собственной единицей и собственными законами. Данные уровни могут даже описываться разными метаязыками.

Свойство текста как изобразительного знака в его амбивалентности: «...сходство с обозначаемым им объектом и несходство с обозначаемым им объектом» [Лотман 2000в, с. 66]. Сходство заключается в моделировании действительности и отображении ее при помощи определенной системы кодов. Несходство состоит в использовании иной системы кодов (языковых знаков) для создания модели действительности.

Исходя из двойной закодированное™ текста [Лотман 2002, с. 158], сам текст предполагает наличие в его организации уровней различной природы: «Одни принадлежат естественному языку, а другие – языку текста. Колебания в поле «семиотическая однородность – семиотическая неоднородность» [Лотман 2000в, с. 160] – суть знаковой организации текста как процесса.

Очевидно, что исследование собственно лингвистических уровней в тексте не может описать специфику текста как особого феномена. Это скорее описание реализации языковой системы. Перспективнее говорить о непосредственно текстовых уровнях, которые обеспечивают «нестандартное» поведение языковых знаков в тексте, в конечном счете обеспечивают превращение языкового знака в текстовый знак.

Условием для такого превращения является реализация категории коммуникативности и создание коммуникативного напряжения в тексте.

Коммуникативное напряжение внутри текста проявляется в частности в напряжении между тенденцией к интеграции – превращению контекста в текст и дезинтеграции – превращению текста в контекст. Например, «петербургский текст» или «Закон» как единый текст, и в то же время роман распадается на новеллы (например, «Герой нашего времени» Лермонтова), закон распадается на статьи, каждая из которых применяется по отдельности. При этом в оценке данного напряжения позиции автора и читателя могут не совпадать: там, где автор видит единый текст, читатель отмечает лишь собрание отдельных текстов, и наоборот.

В связи с семиотической концепцией в тексте выделяется три типа организации: конструктивная, семантическая и прагматическая. На каждом из этих уровней по-своему воплощается коммуникативное напряжение.

3.2. Конструктивная организация текста

Вопрос о динамическом описании конструкции текста долгое время оставался открытым. Еще Ю.Н. Тынянов в «Проблеме стихотворного языка» говорил о том, что «единство произведения не есть замкнутая симметрическая целостность, а развертывающаяся динамическая целостность; между ее элементами нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» [Тынянов 1993, с. 26]. Динамизм, по мнению Ю.Н.

Тынянова, сказывается 1) в не соединении и слиянии элементов конструкции, а в их взаимодействии, при котором происходит выдвигание одной группы элементов за счет другой и деформации подчиненных; 2) форма при этом всегда есть протекание соотношения доминирующего элемента и подчиненных. В этом и заключается, по мнению русских формалистов, конструктивный принцип организации текста. О взаимодействии и напряжении между двумя элементами текста говорит и В.В. Виноградов, характеризуя композиционно-речевую структуру текста: «...язык литературно-художественного произведения является сферой скрещения, преобразования и структурного объединения композиционно-речевых форм» [Виноградов 1980, с. 82], а сама композиционно-речевая структура текста представляет собой динамическое развертывание, взаимодействие и взаимоотношение элементов.

Представители московско-тартуской семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.) расширили это положение формалистов: динамика создается не столько за счет столкновения элементов в пределах одной статической системы, но и за счет соотношения описаний текста разными способами. Динамическая структура текста строится как некоторое количество статических моделей, находящихся в определенном подвижном отношении. Таким образом, статическое описание – это некий этап в динамическом описании текста и статическая модель отражает не структуру текста, а структуру одного из конструктивных принципов, на скрещении которых текст живет. Чтобы описать конструкцию текста, нужно отказаться от представления ее как одного механизма, а расслоить ее по крайней мере

на два, охарактеризовать каждый из них как отдельную систему со своими закономерностями, а затем рассмотреть их как конструктивное целое. Отношение между такими подсистемами и уровнями и составляет работу системы. Однако, фиксируя только типы структур и динамику их соотношений, мы, по мнению Ю.М. Лотмана, не получим адекватных моделей текста. Для этого необходимо уловить и зафиксировать энергетический момент, которым обладает текст: сопротивление уровней и подсистем их структурному сближению и усилие, которое требуется для преодоления этого сопротивления. Таким энергетическим моментом является, как представляется, коммуникативное напряжение, которое создается благодаря стремлению к притягиванию и отталкиванию разных типов структур, разных принципов и признаков.

Свойство членимости текста. Любой текст поддается разложению на элементы. Это обусловлено особенностями передачи и восприятия человеком информации. Говорящий и слушающий стремятся каждый со своей стороны вычленивать из мира действительности и мира текста наиболее значимые с его точки зрения элементы, предварительно разложив единое пространство на части. К тому же графически и интонационно в тексте выделяются слова, предложения, абзацы. Данный тезис вызвал к жизни долгие поиски лингвистикой текста основной минимальной единицы текста. Очевидно, что такой единицей не может быть предложение, так как предложение не обладает достаточной информационной целостностью, т. е. не может являться минимальной порцией информации. Приводились различные варианты подобных единиц – сверхфразовое единство (О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин),

абзац, сложное синтаксическое целое (А.М. Пешковский), компонент текста (И.А. Фигуровский), прозаическая строфа (Г.Я. Солганик), синтаксический комплекс (А.И. Овсянникова), монологическое высказывание, коммуникативный блок и т. д. Постепенно в исследовательской литературе закрепился термин сложное синтаксическое целое (ССЦ). ССЦ обладает минимальной смысловой, информационной и конструктивной законченностью, совпадает с развитием микротемы. Однако введение этой единицы, ее описание не продвинуло теорию текста в объяснении феномена текстовой структуры. Попытка обнаружить у ССЦ свойства целого текста, а в частности коммуникативность, не может привести к положительному результату, поскольку отдельный компонент не может отразить целого. Фактически введение ССЦ является данью описанию текста как реализации языковой системы, а не как вторичной моделирующей семиотической системы. ССЦ не помогает проникнуть и в суть феномена текста. (Современные попытки преодоления элементности при сегментации текста см. в работах: [Дымарский 2001; Панченко 2007а]).

И.Р. Гальперин выделяет два типа членения текста – объемно-прагматическое и контекстно-вариативное. Первый тип членения основывается прежде всего, по мнению исследователя, на прагматической функции текста по отношению к слушающему и субъектно-познавательной по отношению к говорящему: «...членение любого текста, будь он художественный, деловой, газетный или научный, имеет двоякую основу: отдельно представить читателю отрезки для того, чтобы облегчить восприятие сообщения, и для того, чтобы

автор для себя уяснил характер временной, пространственной, образной, логической и другой связи отрезков сообщения» [Гальперин 1981, с. 57]. В данном случае абзац в прозаическом произведении и нехудожественном тексте и строфа и строка в стихотворном представляют собой индексальные знаки. Форма, знак и денотат оказываются здесь в пространственной и/или логической смежности. Однако как абзац, так и строфа могут выполнять и иную функцию – семантическую – в том случае, когда членение текста приближается к двум крайним точкам – максимуму и минимуму сегментации текста. Такое характерно для постмодернистских текстов, литературы «потока сознания», авангардного текста, стихов В.В. Маяковского, А. Вознесенского и др. В подобных текстах затрудненная форма несет не прагматическую и субъектно-познавательную нагрузку, а нагрузку семантическую, сегменты же текста превращаются из индексальных в иконические знаки, форма которых передает денотат или какое-либо его свойство по возможности точно.

Второй тип членения текста – контекстно-вариативный – основывается на передаче факта с различных субъектных позиций. В лингвистической и литературоведческой литературе также не существует единой точки зрения на обозначение данной единицы. Можно встретить такие термины, как позиция автора / позиция персонажа, фокус изображения, перспектива автора / перспектива персонажа, ориентация изображения и т. д. Наиболее устоявшимся термином является предложенная Б.А. Успенским [Успенский 1995] категория точки зрения, которая вбирает в себя все перечисленные понятия.

Членение текста зависит не только от субъектной принадлежности речевых партий, принадлежащих повествователю и персонажу, но и в буквальном смысле от точки зрения (буквально: места нахождения) речевого, а вместе с ним и воспринимающего субъекта. В данном случае элементы, на которые членится текст, совмещают в себе свойства индексальных и иконических знаков.

Связность как основное конструктивное свойство. К кругу вопросов, связанных с феноменом текста и достаточно освещенных лингвистикой текста, принадлежит вопрос о связности текста, которая представляется как основное, и часто даже текстообразующее свойство текста. Это объясняется тем, что в лингвистике установился взгляд на текст как на информационное и структурное единство, как функционально завершенное речевое целое. Задачей исследователя в данном случае является выявление видов связей в тексте и определение правил передачи информации во избежание ложной трактовки текста читателем.

Понятие связности в самом общем плане можно определить через повтор: последовательность знаков расценивается как связная, так как имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов. Различают локальную и глобальную связность. Локальная связность – это связность линейных последовательностей. Глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого. Связность в общем виде проявляется в тексте тремя способами: через когезию, ретроспекцию и протекцию.

И.Р. Гальперин считает, что связность текста реализуется через различные формы когезии (от англ. *cohesion* — сцепление), особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимосвязь сообщений в тексте.

Когезия подразделяется на виды в зависимости от ряда оснований. Так, на основании характера повторяющейся языковой единицы выделяют фонетическую, морфемную, морфологическую (или грамматическую), лексическую, синтаксическую когезию. В обеспечении данного вида связности особую роль играют фигуры повтора такие, как анафора, эпифора, эпанафора, синтаксический параллелизм, хиазм и др. Данный тип связности основан на повторяемости элементов какого-то языкового уровня в пределах текста.

Однако далеко не всегда повторяемость обеспечивается только за счет формального тождества, она может быть обеспечена и смысловым тождеством элементов. К этому виду когезии можно отнести синонимический, антонимический, гипонимический, омонимический и паронимический повторы, перифраз, ассоциативный повтор. Ассоциативная когезия способствует реализации концептуальной информации. Ассоциативная когезия осуществляется на основе коннотации. Ассоциативные формы когезии могут выходить за пределы данного текста, превращаясь в сигналы интертекста. Этот тип когезии характерен в основном для художественного текста.

Также для художественного текста характерен и еще один тип когезии, выделенный И.Р. Гальпериным, — это образная когезия. Под образной когезией

исследователь предлагает понимать такие виды связи, которые, «перекликаясь с ассоциативными, возбуждают представления о чувственно воспринимаемых объектах действительности» [Гальперин 1981, с. 80]. Наиболее ярким примером образной когезии может служить развернутая метафора. В этом виде когезии говорящий связывает не предметы и явления действительности, а образы, при помощи которых эти предметы и явления представлены, что приводит к движению характеристик объекта при относительной статичности самого объекта. Наиболее отчетливо образная когезия реализуется в поэтических произведениях.

И . Р . Г а л ь п е р и н ы д е л я е т композиционно-структурные формы когезии – это такие формы, которые нарушают последовательность и логическую организацию повествования различного рода отступлениями, пояснениями, вставными эпизодами, напрямую не связанными с основной темой изложения.

В тексте может быть еще стилистическая когезия, которая обеспечивается повторяемостью фигур речи и приемов. Например, использование в тексте фигуры анафоры или хиазма. Наконец встречаются и ритмикообразующие формы когезии, к которым относится метр, ритм, рифма.

На основании расположения повторяющихся элементов выделяют дистантную и контактную когезию, которая обеспечивается осуществлением связи на разных участках текста. Под контактной когезией понимается наличие коррелирующих элементов между последующим и предыдущим предложением в тексте. Дистантная когезия в основном характерна для художественных текстов, где, только внимательно присмотревшись к

форме, возможно выделить отождествляемые элементы. Таким образом, когезия как один из типов связности в тексте выполняет функцию не только формального сближения элементов, но и несет семантическую нагрузку, представляя из себя индексальный знак, пространственно сближающий дистантно расположенные элементы текста. Когезия нередко влечет за собой изменение смысловых отношений двух сцепляемых отрезков.

На основании употребимости элементов в тексте выделяют регулярную и нерегулярную связность.

В зависимости от направления, в котором осуществляется связь, выделяют прогрессивную и регрессивную связность.

Кроме когезии связность текста обеспечивается за счет протекции и ретроспекции, проявляющихся в основном имплицитно: ретроспекция основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщаемое и сцеплять его с последующими сообщениями; в протекции имплицитность при переплетении с некоторыми эксплицитно выраженными сигналами направляет внимание читателя, заставляет его предугадать то, что будет в дальнейшем развертывании текста.

Ретроспекция отсылает слушающего к предшествующей информации в двух случаях: 1) когда предшествующая информация ранее уже была изложена в тексте, 2) когда предшествующая информация нарушает линейное развертывание текста, и происходит перестановка временных планов повествования. Ретроспекция решает одновременно три задачи: 1) восстанавливает в памяти ранее представленные факты

или сведения, 2) дает возможность переосмыслить уже известные сведения в новом контексте, 3) актуализирует отдельные части текста. Формами реализации ретроспекции является повтор, особое место занимают дейктические элементы.

Протекция – такой тип связности текста, который относит слушающего к тому, о чем будет сказано далее. Проспекция, как и ретроспекция осуществляется с помощью повторов и дейктических элементов. Она выполняет те же функции, что и ретроспекция, но с некоторым уточнением. Проспекция может служить основой для реализации эффекта обманутого ожидания, который представляет собой не что иное, как нарушение протекции.

В целом как когезия, так и ретроспекция и проспекция предполагают определенную переакцентацию элементов текста. Любая соотнесенность одного элемента с другим приводит к сопоставлению их с точки зрения конструктивной, прагматической и семантической значимости.

Целостность текста как основное конструктивное свойство. Это такое свойство текста, которое предполагает наличие единства тематического, концептуального, модального [Вапгина 2003, с. 45], его суть в семантической неаддитивности (текст как целое всегда больше суммы его элементов) [Лукин 1999, с. 41]. От целостности мы можем прийти к связности, зная, что представляет собой готовый текст, мы можем выявить элементы, из которых он построен, но даже имея представление об элементах и связях между ними, мы не сможем восстановить готовый текст, т. е. мы не можем прийти от связности к целостности.

С позиции говорящего целостность конкретизируется в понятии замысла (мотива, интенции), который существует до готового текста и затем воплощается в нем, претерпевая изменения в процессе этого воплощения. В готовом тексте замысел трансформируется в тему и идею текста. Целостность текста заключается в единстве темы – микротем, макротем и глобальной темы текста. Единство темы обеспечивается тождеством референции – соотношением слов с одним и тем же предметом изображения – и явлением импликации, основанной на ситуативных связях – наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие и других, ситуативно с ними связанных.

Целостность текста реализуется через его интеграцию, модальность и завершенность [Гальперин 1981].

Интеграция (от лат. *integration* — восстановление, восполнение, *integer* — целый) – это состояние связанности частей в единое целое и процесс, обеспечивающий эту связанность. Интеграция задается самой системой текста и возникает в нем по мере развертывания информации и является залогом последовательного осмысления информации текста.

Интеграция отличается от когезии, хотя и обусловлена последней, она может осуществляться как средствами когезии, так и иными пресуппозитивными и ассоциативными средствами. Когезия реализуется в синтагматическом плане, а интеграция – это явление скорее парадигматики.

Средствами реализации интеграции являются специальные обороты (*таким образом, в свете*

изложенного, как уже отмечалось и т. д.), а также система ключевых слов текста. Ключевые слова, становясь доминантными обозначениями, организуют вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого. Ключевые слова создают семантические текстовые поля.

Целостность текста также проявляется в его завершенности, что обеспечивается корреляцией названия текста и развертыванием информации в тексте: «...завершенность текста – функция замысла, положенного в основу произведения и развертываемого в ряде сообщений, описаний, размышлений, повествований и других форм коммуникативного процесса. Когда, по мнению автора, желаемый результат достигнут самым поступательным движением темы, ее развертыванием – текст завершен» [Гальперин 1981, с. 131]. Понятие завершенности приложимо только к целому тексту.

Целостность текста проявляется также и в авторской модальности. Модальность присуща любому тексту, а не только художественному. Являясь универсальной языковой категорией, модальность проявляется в тексте и обеспечивает ему целостность в представлении информации под тем или иным углом зрения.

Таким образом, текст обладает двумя конструктивными признаками – связностью и целостностью. При этом оба эти признака неразрывны и находятся в отношениях взаимного пересечения и отталкивания. Именно процесс осмысления целостности через связность и обнаружения связности при условии

знания целостности текста и обеспечивает единство текстовой конструкции, на что указывают многие исследователи текста (И.С. Валгина [2003], И.Р. Гальперин [1981], В.А. Лукин [1999; 2005] и др.).

Парадигматический и синтагматический принципы организации текста. Ю.М. Лотман утверждает, что текст строится по двум осям: парадигматической и синтагматической. При порождении текста говорящий производит два различных действия: 1) соединяет элементы так, чтобы они образовывали грамматически и семантически правильные цепочки, и 2) выбирает из некоторого множества элементов один, употребляемый в данном тексте. Все множество конструктивных построений текста в связи с этим можно свести к двум принципам: первый принцип делает все элементы текста эквивалентными, уравнивает элементы текста, даже те, которые в естественном языке не являются уравненными; второй принцип соединяет то, что в естественном языке не может быть соединено, это принцип метафоры. При этом принцип эквивалентности понимается расширительно: включаются все случаи эквивалентности в тексте. Принцип метафоры тоже толкуется расширительно, т. е. как возможность снять любые ограничения на соединения текстовых элементов.

Эквивалентность и составляет суть парадигматического принципа конструктивной организации текста. Эквивалентность означает «равноценность», «равнозначность», т. е. равенство по какой-либо ценности, по какому-либо значению. Эквивалентность – это не абсолютное тождество, поэтому она подразумевает и несходство: «Подобные уровни организуют неподобные, устанавливая и в них отношения подобия. Одновременно несходные

проделывают противоположную работу, обнаруживая разницу в сходном» [Лотман 2000в, с. 89]. Таким образом, эквивалентность включает в себя два типа отношений: отношения сходства и отношения оппозиции. Соотносимые элементы по меньшей мере по одному признаку идентичны, а по другому не идентичны. Элементы *A* и *B* идентичны по связующему их признаку *x* и неидентичны по признаку *y*. Оппозиция элементов *A* и *B* подразумевает, кроме их неидентичности, их сравнимость и сопоставимость. Вопрос о том, принимает эквивалентность форму сходства или форму оппозиции, зависит не от количества тождественных или нетождественных признаков, а исключительно от места, которое соответствующие признаки занимают в иерархии текста. Иерархизация, которой подвергаются признаки, может быть весьма переменной. Если в тексте акцентируется признак *x*, в котором элементы *A* и *B* идентичны, то эквивалентность между *A* и *B* выступает как сходство. На другом уровне иерархии может быть актуализирован признак *y*. Если элементы *A* и *B* по признаку *y* неидентичны, то их эквивалентность выступает как оппозиция, не зависимо от того, в скольких других неактуализированных признаках они совпадают. Принцип эквивалентности вводит в текст необозримое множество корреляций. Элемент *A* может по отношению к признаку *x* быть эквивалентным элементу *B*, а по отношению к признаку *y* – элементу *C*. Эта множественная соотносимость элементов образует основу для сложной структуры текста, организованного по принципу эквивалентности [Панченко 2008].

Формальная эквивалентность имеет проекцию на тематический план. В. Шмид предлагает типологию соотнесения формальных эквивалентных элементов в

тематическом плане [Шмид 1998, с. 239–240]: 1) элементы, эквивалентные в формальном плане, оказываются эквивалентными в плане тематики: а) формальная эквивалентность подчеркивает уже выраженную тематическую эквивалентность, б) формальная эквивалентность выявляет скрытую тематическую эквивалентность, в) формальная эквивалентность создает еще не существующую тематическую эквивалентность; 2) элементы, эквивалентные в формальном плане, в тематическом отношении являются смежными; 3) формально эквивалентные элементы в плане тематическом не оказываются ни эквивалентными, ни смежными. В этом случае такая несоизмеримость может быть значимой в другом отношении. Данную типологию возможно приложить не только к тематическому уровню текста, но и к любому другому. При этом одни и те же формально эквивалентные элементы могут выступать в разных ипостасях эквивалентности на разных уровнях организации текста и через общий формальный элемент эти уровни также вступают в эквивалентные отношения. Таким образом, данная ось парадигматических отношений пронизывает всю структуру текста как целого и является основанием для соотнесения различных статических описаний и необходимым условием действия механизма соотношения.

Повторяющиеся элементы традиционно привлекают к себе внимание исследователей текста, именно на них основано такое неотъемлемое свойство текста, как связность. Однако сведение всей конструкции текста только к повторам было бы не верно. Сами повторы являются текстоактивными только потому, что есть определенные нарушения повторяемости, и обратно.

Только учет обеих тенденций позволяет раскрыть суть текстовой конструкции.

Суть синтагматического принципа конструктивной организации текста состоит в метафоре, понимаемой как соединение элементов, не соединяемых вне данной конструкции текста. На синтагматической оси действуют две упорядоченности. Одна соответствует общеязыковым правилам соединения элементов, где постоянно действует тенденция к уменьшению запретов. Маркированным является как раз элемент со снятым общеязыковым запретом. Благодаря некоторому количеству снятых запретов возникает новая текстовая структура, в которой образуется своя текстовая упорядоченность. Общеязыковые элементы становятся значимыми для текста, если в их употреблении можно обнаружить определенную преднамеренность: нарушения норм правильности, однородности текстовых элементов.

Взаимодействие этих двух упорядоченностей не является статическим, а представляет собой подвижное динамическое образование, как внутри одного текста, так и по отношению к корпусу текстов разных функциональных жанров. Подвижность указанных упорядоченностей в художественном тексте намного выше, чем в тексте научном, в деловом же она вообще стремится к нулю: «В художественном тексте слова выступают (наряду с общеязыковым своим значением) как местоимения – знаки для обозначения еще не выясненного содержания. Содержание же это конструируется из их связей. Если в нехудожественном тексте семантика единиц диктует характер связей, то в художественном – характер связей диктует семантику единиц» [Лотман 2000в, с. 201]. Таким образом,

метафору можно определить как напряжение, возникающее в структуре текста благодаря взаимодействию конструктивного строя языка (в широком смысле) с конструкцией текста.

Соединение повторяющихся и неповторяющихся элементов строится на основании различных законов. Если провести аналогию с синтаксическими связями в словосочетании, то можно сопоставить соединение одинаковых элементов с примыканием (например, частушки) или присоединением, а соединение неравноправных элементов с согласованием или управлением [Лотман 2000в, с. 195]. При этом связи между однородными элементами создают повторяющуюся структуру принципиально безграничного характера, а связи между разнородными элементами создают структуру конечного типа.

Итак, конструктивная организация текста базируется на таком текстовом свойстве, как членимость, обеспечивается двумя текстовыми признаками – связностью и целостностью – и строится согласно двум принципам – парадигматическому и синтагматическому.

3.3. Семантическая организация текста

Любой текст, кроме того, что обладает определенной формой, выражает и некоторое содержание, смысл. Для обозначения информации, содержащейся в тексте, используют в основном термины «содержание» и «смысл». И.Р. Гальперин относит информативность к одним из основных признаков текста, при этом специально подчеркивает, что информативность свойственна именно тексту и только

тексту, а не части текста, не единице текста. Он выделяет два типа информации в тексте – содержательно-фактуальную информацию и содержательно-концептуальную информацию. «Содержательно-фактуальная информация представляет собой сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» [Гальперин 1981, с. 27]. Под фактом понимаются сведения о гипотезах, выдвигаемых учеными, их взглядах, всякие сопоставления фактов, их характеристики, разного рода предположения, возможные решения поставленных вопросов и пр. Содержательно-фактуальная информация эксплицируется в тексте, т. е. имеет знаковое выражение (не обязательно вербальное, ведь текст является гетерогенным образованием). «Содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин 1981, с. 28]. Этот вид информации *извлекается* из всего текста и представляет собой интерпретацию, переосмысление фактов, событий, процессов. Содержательно-концептуальная информация представлена в тексте имплицитно, она является результатом вывода из текста.

И.Р. Гальперин называет еще один вид информации в тексте – содержательно-подтекстовую информацию,

хотя представляется, что это не особый отдельный вид текстовой информации, а реализация взаимоотношений двух первых видов информации. Об этом говорит и сам И.Р. Гальперин: «Подтекст – это своего рода "диалог" между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной сторонами информации» [Гальперин 1981, с. 48]. И как некое отношение содержательно-подтекстовая информация присуща любому тексту (хотя И.Р. Гальперин считает, что такая информация может быть только в художественных текстах), но степень проявления этого признака, безусловно, уменьшается по шкапе движения от текстов художественных к текстам деловым. Отношения между этими двумя видами информации зависят от степени проявления индивидуальности в тексте.

Таким образом, исследователи, разводя смысл и содержание, понимают под содержанием информацию о фактах, ситуациях, представленных в тексте, а под смыслом субъективный способ представления содержательной информации (подробнее см. обзор взглядов на содержание и смысл текста в Вабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000).

Семантическое пространство текста. Два типа информации содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная – соответствуют двум вершинам знака – денотату (плану выражения) и сигнификату (плану содержания). Сама структура знака подразумевает, что текст передает информацию о некоторых фрагментах действительности, ситуациях, событиях (денотат), т. е. любой текст передает определенный образ мира. Одновременно текст является порождением автора, т. е. не просто содержит образ

мира, а образ мира такой, какой он представляется говорящему.

Рис. 3.2. Структура семантического пространства текста

Для обозначения содержательной стороны текста как знака стал использоваться термин «семантическое пространство» [Бабенко 2000; Категоризация мира... 1997; Лукин 1999; Лукин 2005 и др.]. Это семантическое пространство вступает во взаимодействие с вербальным материальным пространством текста (пространством графически выраженных знаков). В этом смысле семантическое пространство обладает характеристикой ментальности, оно задается при порождении текста и реализуется механизмом замысла, актуализируясь в процессе осмысления и понимания текста: «Виртуальное пространство задается отбором содержательных единиц в процессе порождения текста и реализуется механизмом замысла. Актуальное семантическое пространство – это поле, где формируется результат осмысления и понимания текста в целом» [Категоризация мира... 1997, с. 36].

Впервые понятия пространства и текста сопрягаются и исследуются в работах М.М. Бахтина. Пространство текста понимается М.М. Бахтиным как обобщенное отражение реального, изображаемого, описываемого в тексте пространства, которое получило название хронотопа. М.М. Бахтин занимается проблемой пространства, изображенного в тексте и обозначаемого текстом. Вопрос же о тексте как особым образом организованном пространстве не был в поле зрения ученого. На пространстве, изображенном в тексте, а не на пространстве, образуемом текстом сосредоточено и внимание Б.А. Успенского [Успенский 1995], который понимает пространство текста как результат взаимодействия различных точек зрения – автора, персонажа, получателя – которые могут расходиться или совпадать в пространственном или ином отношении.

Ю.М. Лотман представляет в своих работах как анализ пространства, содержащегося в тексте, так и пространства, которое текст собой представляет и в котором функционирует. Соотношение пространства, представленного в тексте, и пространства реального мира не является однозначным, кроме него существуют и другие виды пространств, реализованных в тексте: «Если при выделении какого-либо определенного признака образуется множество непрерывно примыкающих друг к другу элементов, то мы можем говорить об абстрактном пространстве по этому признаку. Так, можно говорить об этическом, цветовом, мифологическом и других пространствах. В этом смысле пространственное моделирование делается языком, на котором могут выражаться непосредственные представления» [Лотман 2000а, с. 276]. Такое понимание пространства приложимо к тексту. Пространство текста, по мнению Ю.М. Лотмана,

есть индивидуальная субъективная модель мира в его пространственном представлении, реализованная в тексте. Пространство текста как индивидуальная субъективная модель мира обусловлена семиотическим пространством, присущим данной культуре. Пространство текста как пространство знаковое входит в более обширное пространство культуры, которое получило у Ю.М. Лотмана название семиосферы, являющейся результатом и условием развития культуры. Пространству текста присущи те же черты, что и семиосфере, т. е. семиотическая разнородность, иерархическая организованность (наличие центра и периферии).

Семантическое пространство текста обусловлено заполняющими его текстовыми знаками. Неоднородность семантического пространства текста создается за счет неравнозначности его знаков, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой.

Денотативная структура текста. Текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, будь то реальный или вымышленный мир, одно явление, событие или значительный фрагмент действительности. Процесс соотнесения и результат этого соотнесения языкового выражения и действительности называется референцией. В данном случае не принципиально различать реальный и вымышленные референты, хотя, безусловно, кроме тождества между этими двумя мирами существуют и определенные различия: «...реальный мир существует, вообще говоря, независимо от текста, а вымышленный мир текста порождается текстом. Иначе можно сказать так: в разговорном дискурсе говорящий принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию; а автор

художественного текста, вообще говоря, нет» [Падучева 1996]. При описании семантического пространства текста существенно лишь двойная интерпретация: со стороны автора – действительности, имеющей место быть до текста, и со стороны читателя – действительности, восстановленной в процессе чтения текста и по его прочтению.

Некоторые исследователи считают, что область семантики текста составляет именно денотативный уровень его организации [Новиков 1982; 1983].

Терминология для обозначения денотативной семантики текста заимствована из семантического синтаксиса. Единицей этой структуры служит ситуация, так как текст включает в себя множество ситуаций иерархически организованных. Языковым выражением ситуации является пропозиция. Пропозиции организуются в макропропозиции, репрезентирующие макроситуации. Макропропозиция является пропозицией, выделенной из ряда пропозиций на основании операции индукции, восхождения от конкретного к абстрактному. Подобное выделение происходит в результате применения макроправил – «правил семантического отображения», – которые «устанавливают связь одной последовательности пропозиций с последовательностями пропозиций более высокого уровня и таким образом выводят глобальное значение эпизода или всего дискурса (= текста. – *Н.П.*) из локальных значений, т. е. значений предложений дискурса» [ван Дейк 1989, с. 42]. Общая ситуация для всего текста – глобальная ситуация – обозначена, как правило, в названии, либо задается жанровой принадлежностью текста.

Макроправила фактически представляют из себя правила редукции, позволяющие опускать и заменять последовательность пропозиций одной макропропозицией, к ним относятся: 1) правило опущения – опускаются те пропозиции, которые не служат условиям интерпретации; 2) правило обобщения – последовательность пропозиций заменяется на пропозицию, выводимую из каждой пропозиции этой последовательности; 3) правило построения – последовательность пропозиций заменяется на пропозицию, выделенную из всего репертуара пропозиций, входящих в эту последовательность [ван Дейк 1989, с. 42–43].

Макроструктуры, как правило, непосредственно выражены в таких элементах текста, как заглавиях, в предложениях, выражающих тему, резюме. Сигналом наличия макроструктур в тексте могут служить местоимения, связки, наречии, тема-рематическое членение, порядок слов и пр., либо они выражаются косвенно последовательностью предложений [ван Дейк 1989, с. 47].

Ван Дейк выделил определенные показатели смены макроситуаций в тексте [ван Дейк 1989, с. 62–63]: 1) изменение возможного мира (языковой показатель – семантическая категория модальности), 2) изменение времени или периода (языковой показатель – семантическая категория темпоральности), 3) изменение места (языковой показатель – семантическая категория локативности), 4) ввод новых участников и 5) вторичный ввод уже известных участников (языковой показатель – семантическая категория субъектности), 6) изменение перспективы или точки зрения (языковой показатель – семантическая категорию! коммуникативной перспективы

высказывания и семантическая категория личности), 7) различный набор предикатов. Если какое-то предложение не подходит под текущую макропропозицию, то должна быть организована новая макропропозиция.

Макропропозиции должны быть связаны между собой. Их связи выражаются при помощи вводных слов, союзов и наречий. Существуют и средства макросвязи (макроконнекторы), к которым относятся расположенные в начале предложения *но, однако, напротив, более того* и др., маркирующие смену макроситуаций. Макроконнекторы не только являются сигналом к смене макропропозиции, но и придают связность всей макроструктуре.

При описании макроситуаций, по мнению Т.А. ван Дейка, необходимо учитывать контекстуальную информацию, извлекаемую из социокультурной и коммуникативной ситуации и базирующуюся на общих знаниях о мире у говорящего и слушающего (к ним относятся знания типов ситуаций, функций и ролей участников, типичных событиях и взаимодействиях, целей коммуникативного взаимодействия и др.) [ван Дейк 1989, с. 50–58].

Другая попытка, достаточно удачная, описания денотативной стороны текста предпринята Л.А. Черняховской [Черняховская 1983]. Она разработала метод анализа текста, который состоит в опоре на сетку денотатов, выявляемых при денотативном анализе текста и сопоставление этой сетки с фоновым знанием, которое есть у воспринимающего текст. Автор выделила в тексте при всем многообразии его содержания некие строевые элементы строго определенного состава,

взаимосвязанные и иерархически входящие друг в друга. Черняховская выявила три типа таких строевых элементов: 1) элементарные смысловые единицы (ЭСЕ), состоящие из имени предмета, информации о наличии этого предмета в экстралингвистической реальности (бытийственный глагол), оценки степени реальности его существования (средства модальности), временные и пространственные характеристики предмета (*В некотором царстве в стародавние времена жил был король*); 2) усложненные смысловые единицы (УСЕ) двух степеней сложности: а) УСЕ первой степени сложности состоит из ЭСЕ и характеристики предмета по какому-либо свойству, кроме свойства бытийности (*Жил-был храбрый и умный король*); б) УСЕ второй степени сложности включает не «полновесную» ЭСЕ, а субтитр предшествующей (*Он был умен и храбр; который был умен и храбр* и др.); 3) УСЕ более высокого ранга, которая возникает в результате иерархического вхождения одной единицы в другую; самой крупной УСЕ является целый текст [Черняховская 1983, с. 120–124].

Затем Л.А. Черняховская рассматривает связи между этими единицами, возникающие в пространстве текста, которых также обнаруживается три: 1) «внутренняя одинарная связь», заключающаяся в приписывании предмету определенного свойства; 2) «внешняя групповая связь» (связи взаимной характеристики между двумя смысловыми единицами, объединяющие эту единицу в более крупную; 3) «зонтичная связь смысловой единицы с другими, обнаруживающаяся в том случае, когда одна единица вступает во взаимодействие с несколькими другими [Черняховская 1983, с. 124–126].

Данная модель направлена на описание базового уровня семантики текста, его денотативной стороны.

Таким образом, денотативную структуру текста можно представить как отражение «воплощенного в тексте индивидуально-авторского знания о мире, представленного в интерпретированном отображении глобальной ситуации, состоящей из макроситуаций и микроситуаций, связанных определенными отношениями и в совокупности раскрывающих главную тему» текста [Бабенко 2000, с. 114]. Денотативная структура текста описывает содержательный аспект семантического пространства текста. Как любая структура она обладает признаком иерархичности и реализует статическое описание текста. Одновременно денотативная структура является ситуативно обусловленной, соотносится с социальной и коммуникативной ситуацией, опираясь, с одной стороны, на имеющиеся у адресата обобщенные представления о подобного рода ситуациях, а с другой стороны, модифицируясь под влиянием конкретных коммуникативных и текстовых условий.

Концептуальная структура текста.

Концептуальная структура текста соотносится со смысловым аспектом семантического пространства текста. Несмотря на то, что смысл признан общеизвестным явлением, однако до сих пор в научной литературе не наблюдается единого взгляда на данный аспект текста, вплоть до того, что некоторые исследователи отказывают в возможности исследовать смысл доступными лингвистической науке методами (подробнее см. А.И. Новиков. Смысл: семь дихотомических признаков [Новиков URL]).

А.И. Новиков выделил семь дихотомических признаков (оппозиций) смысла: 1) смысл является результатом понимания текста – целостный смысл оказывает влияние на осмысление отдельных языковых

единиц; 2) точность, адекватность смысла – текучесть, изменчивость смысла; 3) инвариантность смысла – его ситуативная обусловленность; 4) смысл выводится из текста – смысл приписывается тексту; 5) процесс смыслопорождения представляет собой извлечение смыслов из памяти – процесс смыслопорождения является творческим процессом создания смысла; 6) смысл принадлежит сфере сознания – смысл принадлежит сфере бессознательного; 7) смысл является результатом понимания – смысл является инструментом понимания [Новиков URL]. Исследователь видит в этих противоречиях различность подходов к смыслу и разноаспектность этого явления. Подобное объяснение продиктовано подходом к смысловой стороне текста как к статическому образованию. Если же принять за точку отсчета динамическую организацию концептуальной стороны текста, то данные противоречия не только могут быть объяснены, но и являются непременным условием ее существования.

Когда речь заходит об описании смысловой структуры текста, то сразу обнаруживается ряд проблем: во-первых, это выявление элементов смысловой структуры текста, во-вторых, принципы организации этих элементов в единое целое, в-третьих, взаимодействие смысловой и содержательной сторон текста. При описании смысловой структуры текста исследователи, сохраняя неоднозначность подходов к данной текстовой организации, сходятся по ряду важнейших параметров. Во-первых, смысл текста принципиально отличается от смысловой стороны тех языковых единиц, которые стоят ниже в иерархической лестнице. Во-вторых, смысловая структура текста имеет сложную многоуровневую и многоаспектную организацию. В-третьих, это именно

структура, а не простое нагромождение смыслов. В-четвертых, к этой структуре можно подходить с позиции статики и динамики. В-пятых, смысл текста выявляется не из совокупности эксплицированных элементов, а имплицитно присутствует в отношениях между ними и др. (И.Р. Гальперин [1981], К.А. Долинин [2005], М.Я. Дымарский [2001], Н.А. Купина [1983], О.И. Москальская [1981], А.Н. Новиков [1983], Л.А. Черняховская [1983] и др.).

В концепции Л.Н. Ноздриной смысловая структура текста предстает как комплекс пяти взаимодействующих «текстовых сеток», каждая из которых реализует функционально-семантическую категорию в конкретном тексте и является отражением конкретной категориальной ситуации [Ноздрина 1997; 2006]. Это следующие функционально-семантические категории – категории темпоральности, локальности, персональности, референтности, модальности. Эти частные функциональные языковые категории служат выражением глубинных категорий текста: 1) категории хронотопа, возникающей как взаимодействие локальности и темпоральности; 2) категории координат, возникающей как результат взаимодействия локальной, персональной и темпоральной категорий; 3) категории дейксиса, являющейся результатом взаимодействия темпоральной, локальной, персональной и референтной; 4) категории точки зрения, представляющей собой результат взаимодействия всех пяти функциональных категорий – темпоральной, локальной, персональной, референтной и модальной.

Взаимодействие этих глубинных категорий Л.Н. Ноздрина представляет в виде четырех пересекающихся концентрических кругов, каждая из категорий обладает

своей системой выражения. Принципиальным достоинством подобного описания смысловой организации текста является ее нелинейность, которая позволяет идти от языковой ткани текста и одновременно представить многообразие связей сегментов текста и их различную соотнесенность друг с другом. Выдвигаемое представление о смысле текста обнаруживает иерархическую организацию его концептуальной структуры, при этом не сводит ее к жесткой иерархии смыслов, давая возможность каждому смысловому компоненту вступать с другими в отношения взаимоподчинения.

Недостатком данного представления смысловой организации является отсутствие самого понятия элементарной единицы смысловой структуры текста [Дымарский 2001, с. 65] и несоотнесенность ее с предметно-фактической, содержательной стороной текста. В представленном взгляде на концептуальную структуру текста динамика ее проявляется во взаимодействии категорий, но это скорее статический аспект описания, так как здесь отсутствует вторая структура, взаимодействие с которой и обеспечивает момент коммуникативного напряжения.

М.Я. Дымарский связывает смысловое содержание текста с понятием «концепция», подобно тому, как смысловую сторону предложения во всех грамматиках традиционно связывают с понятием мысль: «Текст, как особая речемыслительная форма, позволяет представить некоторую картину мира (фрагмент мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей – то есть концепции, в отличие от неразвернутых форм» [Дымарский 2001, с. 49–50]. При этом очень важной чертой такой структуры является, по утверждению М.Я.

Дымарского, ее способность к иерархической организации в виде сложной многоуровневой структуры.

Идея Л.А. Черняховской представить смысловую структуру текста в виде постепенно усложняющихся семантических комплексов, в основе которых лежат элементарные смысловые единицы и которые, вступая в многоступенчатые связи, последовательно поглощают друг друга созвучна идее ван Дейка и является основой многих других концепций. Неполнота этих моделей связана с тем, что смысловая сторона текста сводится только к индуктивному восхождению от конкретного к абстрактному, однако текст, тем более текст художественный, публицистический, создается далеко не ради этого.

М.Я. Дымарский, пытаясь преодолеть этот недостаток построений, выдвигает гипотезу *преобразования смысла* при поглощении одного компонента другим [Дымарский 2001]. Эти преобразования занимают центральное место в семантической организации текста и являются важнейшим компонентом динамического аспекта описания смысла, так как значимы как при порождении, так и при восприятии текста. Сами эти преобразования многообразны и не изучены на сегодняшний день, но можно предположить наличие в них ряда признаков:

1) операционной основой преобразований служат оппозиции, предложенные В.П. Рудневым в качестве модальной рамки текста: алетическая модальность (необходимо – невозможно – возможно), аксиологическая модальность (хорошо – плохо – безразлично), деонтическая модальность (должно – запрещено – разрешено), эпистемическая модальность

(знание – полагание – неведение), темпоральная модальность (прошлое – будущее – настоящее), пространственная модальность (здесь – нигде – там) [Руднев 1996, с. 79–95]; (включение модальной характеристики в описание смысла текста согласуется с представлением автора о концепции: «...это не просто существующая в отрыве от субъекта система представлений, идей, но система, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, а значит, построенная на вполне определенной модально-оценочной базе. Любые представления, идеи и т. п., входящие в некоторую концепцию, с необходимостью заключены в соответствующие модальные оболочки и только в таком виде могут рассматриваться как ее компоненты» [Дымарский 2001, с. 61]);

2) «механизм преобразований заключается в подведении вновь образованного (при создании или восприятии) компонента смысла под одно из значений актуальной на данный момент модальности»;

3) «сущность преобразования заключается в том, что смысловой компонент не просто приобретает смысловую окрашенность, но и теряет свойства отдельного кванта смысла и присовокупляется к уже имеющемуся *модально-смысловому блоку*»; смысловой квант «находится в состоянии ожидания» до тех пор, пока не найдется соответствующий по модальной окраске смысловой блок, если же такового не находится, то смысловой квант «погашается» и не фигурирует в результирующем смысле текста;

4) выбор модальности, актуальной на данный момент восприятия текста, может быть продиктован

любым сегментом текста, «несущим лингвистически определяемые приметы выдвижения, актуализации»;

5) первичной и ведущей является аксиологическая оппозиция, особенно в текстах художественных, публицистических, рекламных, PR-текстах [Дымарский 2001, с. 58–60].

В качестве основной единицы концептуальной структуры текста М.Я. Дымарский предлагает **концептуально значимый смысл** как **«обобщенно-оценочное отображение некоторой (сигнификативной) ситуации, содержащее преобразованную путем индуктивных операций предметно-фактическую информацию в модальной оболочке, соотнесенной с одной из актуальных в пределах данного текста модальных оппозиций»** (выделено автором. – *Н.П.*) [Дымарский 2001, с. 62]. В этой единице М.Я. Дымарский пытается объединить две структуры, образующие семантическое пространство текста – денотативную и концептуальную, – тем самым зафиксировать динамическую сущность семантической организации текста. Границы концептуального значимого смысла определяются двумя факторами: 1) переменной модального значения, окрашивающего предметно-фактуальную информацию (то, что ван Дейк называет сменой возможных миров) и 2) сменой предметно-фактической основы (переход от одной макроситуации к другой).

Таким образом, семантическое пространство текста организуется взаимодействием двух типов структур – денотативной и концептуальной. Выделение концептуально значимого смысла базируется на

представлении о конкретной денотативной структуре текста, которая выявляется на основе обобщенных индуктивных операций и окружена модальной оболочкой. Однако концептуально значимый смысл не обладает жесткой закрепленностью за какой-либо единицей плана выражения. Такой смысл может быть выражен отдельным высказыванием и достаточно протяженным фрагментом текста.

3.4.

Коммуникативно-прагматическая организация текста

Фигура говорящего и фигура слушающего в структуре текста. Традиционно личность порождающего художественный текст рассматривается посредством категории образа автора, понимаемой как организационный центр композиции целого художественного текста, он мыслится и присутствует в стиле художественного текста: «Художественная действительность по приемам своей организации узнается как форма творчества того или иного писателя» [Виноградов 1959, с. 140]. Образ автора описывается через принципы группировки, отбора текстовых элементов, через способы изображения действующих лиц, через описание композиции текста. Подобный взгляд на автора как на образ реализован во многих исследованиях текста, особенно текста художественного, представляющих описание индивидуальных, языковых (и / или текстовых) средств, где системообразующим фактором является вышеназванная категория.

Однако описание *образа* автора в художественном тексте не приближает нас к описанию личности автора этого текста: «Так называемый образ автора – это, правда, образ особого типа, отличный от других образов произведения, но это *образ*, а он имеет своего автора, создавшего его», «носителя чистого изображающего начала» [Бахтин 1986, с. 304]. М.М. Бахтин говорит о следующем иерархическом звене в репрезентации личности говорящего в тексте – о *чистом* авторе, в отличие от автора частично изображенного: «Это не *natura creata* и не *natura natura et creans*, но чистая *natura creans et non creata*» [Бахтин 1986]. От чистой природы творящей и не сотворенной есть пути к автору-человеку, в самую сердцевину его, которая, по мысли М.М. Бахтина, никогда не может стать одним из образов самого произведения. Чистый автор ведет к личности автора текста, к совокупности его целей и мотивировок, к бессознательному в структуре его личности. Ю.Н. Караулов определил это как второй (а по счету третий) уровень языковой личности – коммуникативно-прагматический. Однако, говоря об авторе, прежде всего художественного текста, Ю.Н. Караулов выдвигает две причины, обуславливающие объективные трудности описания языковой личности автора художественного текста: 1) перед нами скорее языковые личности персонажей и повествователя и 2) поэтому описание языковой личности писателя сводится к гербарии языковых средств и приемов, которые использует автор при построении художественного мира произведения. Можно добавить также еще одну причину, не позволяющую через категорию языковой личности адекватно описать личность создающего текст. Текст как сложный объект исследования предполагает наличие

сложной иерархической организации структурных элементов и уровней.

Решение проблемы описания личности создающего художественный текст может быть усмотрено в описании текстовой личности автора (подробно см. 2.2.), которая, во-первых, является природой несотворенной и творящей (*natura creans et non creata*) в отличие от образа автора, природы порожденной и творящей (*natura natura et creans*) и, во-вторых, воплощается и выявляется во *всех тестовых* уровнях и их организации. В описании текстовой личности ведущая роль принадлежит композиции текста. При общей ограниченности художественных и языковых средств (средств языка, литературного и художественной литературы), эти средства приобретают различность и индивидуальность именно в своем соединении. Но при этом «и в индивидуальном многообразии творческих возможностей художника находится „однообразие“ его личности, самой по себе бесконечно богатой (человек – это одна из форм бесконечности), а затем в эстетическом богатстве настоящего (подлинного) художественного произведения есть его „организованность“ стилем» [Лихачев 1989, с. 174–175]. Одной из бесконечных репрезентаций человека является его текстовая личность. А то, что Д.С. Лихачев называет «организованностью» стилем», есть «организованность» текста композицией.

Проявления авторского присутствия в тексте осуществляется при помощи метазнаков (цитат, текстовых отсылок, самоотсылок, средств авторизации, авторских оценок, модусных показателей), которые составляют авторский узор [Шмелева 1998] и создают своеобразный «текст о тексте», метатекст [Вежбицка 1978]. Метатекст ориентируется на конкретную речевую

ситуацию создания и / или восприятия текста. В.А. Шаймиев выделил два типа метатекстовых знаков – иннективных (вплетенных) и сепаративных (отдельных) [Шаймиев 1996]. Первые создают переплетение метатекста и основного текста, а вторые включают в основной текст композиционно отдельные разновидности метатекстовых образований (предисловие, послесловие, высказывания автора о своих текстах, записки, заметки и т. д.) [Ходус 1999].

Автор текста может быть обозначен также и при помощи дейктических слов (*я, ты, здесь, сейчас*), которые служат для идентификации объектов, событий, отрезков пространства и времени через их отношение к акту речи. В канонической речевой ситуации дейктические элементы ориентированы на говорящего, в неканонической ориентированы на слушающего (*Буду через 15 минут*), в нарративе дейктические элементы интерпретируются в отношении лица, заменяющего говорящего (повествователя, персонажа) [Падучева 1996, с. 258–275]. Первые два типа речевых ситуаций характерны для нехудожественных текстов (официально-деловых, научных, разговорных) последний – для художественных текстов. Публицистические, рекламные и PR-тексты занимают промежуточное положение и могут реализовываться как каноническую речевую ситуацию, так и неканоническую и даже нарративную.

В текстах с канонической речевой ситуацией говорящим является реальный говорящий, он может выступать в одной из четырех ипостасей: 1) говорящий как субъект дейксиса («Говорящий является начатом то "системы координат", которая служит участникам речевой ситуации в качестве главного орудия

референции»); 2) говорящий как субъект речи проявляет себя в косвенных высказываниях, обращениях и др.; 3) говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в высказываниях, где субъект подразумевается ментально, эмоционально, волитивно; в неопределенно-личных, желательных и неопределенных высказываниях; 4) говорящий как субъект восприятия подразумевается при глаголах восприятия [Падучева 1996, с. 262–265].

В текстах с неканонической коммуникативной ситуацией говорящий либо проецируется на слушающего (плакаты, реклама), либо замещается персонажем и / или повествователем (в нарративных текстах).

Кроме дейктических элементов в прагматической структуре текста Е.В. Падучева выделяет эгоцентрические элементы, к которым относятся метатекстовые элементы, предикаты внутреннего состояния, предикаты со значением сходства и подобия, показатели идентификации эгоцентричности, слова со значением неожиданности, неопределенные местоимения и наречия, «обобщающие» врезки, слова с оценочным значением (подробную характеристику перечисленных эгоцентрических элементов см. [Падучева 1996]).

Дейктические и эгоцентрические элементы обеспечивают прежде всего локализацию автора в тексте и могут обозначать сдвиг авторской локализации в тексте: шпатель может составить представление об изображаемом мире, в частности о его важнейших параметрах – пространственно-временных, – только опираясь на данную текстом точку отсчета; а это и есть тот «аналог говорящего», в чьем ведении находятся все эгоцентрики и к кому они отсылают. От характера локализаций автора в тексте, ее стабильности или

нестабильности, зависит, сможет или нет читатель построить непротиворечивую модель изображаемого мира. В классическом нарративе создается так называемый «дейктический паритет» между автором и читателем за счет дейктической и эгоцентрической определенности структуры текста. В модернистском нарративе картина резко меняется: дейктический паритет утрачивается, появляется значение дейктической и эгоцентрической неопределенности [Дымарский 2001, с. 268–273].

Прагматическая организация текста касается не только вопросов, связанных с тем, кто отправляет сообщение, т. е. автором, но и тем, кто получает это сообщение, т. е. читателем. Текст может специально предусматривать определенное поведение читателя так, что это поведение входит в расчеты автора текста, как бы специально им программируется. Автор может специально рассчитывать на определенную динамику позиции читателя. Позиция читателя имеет принципиально внешний характер по отношению к тексту, позиция автора может меняться в этом отношении.

Ю .М . Лотман видит суть механизма взаимоотношений текста и адресата в том, что текст деформируется в процессе его дешифровки адресатом, и одновременно любой текст содержит в себе образ аудитории, который «активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [Лотман 2002, с. 169]. Подобный диалог между текстом и слушающим базируется на наличии общей памяти у адресата и адресанта сообщения и выстраивается согласно двум функциональным речевым моделям – официальной и интимной. С этой точки зрения

можно выделить два типа образа адресата, формируемые текстом: 1) абстрактный адресат, объем памяти которого реконструируется как свойственный любому носителю данного языка; 2) конкретный собеседник, с которым говорящий лично знаком и объем индивидуальной памяти которого говорящему хорошо известен. Соответственно первый тип образа адресата реализуется в официальных текстах, а второй – в текстах личного характера. Часто игра на ориентации одновременно на два типа адресата, либо использование образа личного адресата в официальных текстах и наоборот абстрактного адресата в интимных текстах становится специальным прагматическим приемом организации текста. В результате этого аудитория рассекается на две неравные части: одна малочисленная, которой текст понятен, и другая, которая чувствует в тексте намек, но расшифровать его не может. «В результате вторым действием текста было то, что он переносил *каждого* читателя в позицию интимного друга автора, обладающего особой уникальной общностью памяти с ним и способного поэтому изъясняться намеками», – такой комментарий получил пушкинский текст в работах Ю.М. Лотмана [Лотман 2002, с. 173]. Текст превращает слушающего на время восприятия текста в человека той степени знакомства с говорящим, которую автору будет угодно указать.

Адресант классического художественного сообщения, как правило, следует принципам текстопостроения, призванным обеспечить для читателя возможность более или менее эффективного понимания. В соответствии с этими принципами текст должен обладать признаками локальной и глобальной связности, предоставлять потенциальному адресату возможность

осуществлять непротиворечивую референцию и однозначное отождествление индивидов, строиться с учетом количественных и качественных характеристик фоновых знаний читателя и т. п. Прагматическая организация текста в постмодернистском тексте зачастую моделируется совершенно иным образом. Автор может либо резко расширять коммуникативные права читателя, предоставляя ему не только полную свободу интерпретации, но и возможность участия в порождении текста; либо вступать с ним в сложную прагматическую игру, умело расставляя в тексте ловушки, западни, замаскированные «ключи» и псевдо многозначительные намеки и т. п.; либо в той или иной степени игнорировать коммуникативные права читателя (например, «незаконным» образом пересекая границы текстового пространства, делая невозможной процедуру непротиворечивого отождествления персонажей) и т. п. Примером последнего служат тексты рассказов Т. Толстой, которым присущ признак неоднозначной референции (см. об этом подробнее в работе: [Панченко 2008]).

Проблема границ текста. Проблема рамок, или границ текста, поставленная в трудах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, представляет собой прежде всего проблему прагматики текста.

Определяя отграниченность как один из основных признаков любого текста, Ю.М. Лотман замечает: «Функция художественного произведения как конечной модели бесконечного по своей природе "речевого текста" реальных фактов делает момент отграниченности, конечности неизменным условием всякого художественного текста» [Лотман 2006, с. 429–430]. Одни и те же речевые факты, входящие в текст, могут

по-разному члениться на композиционные элементы в зависимости от решения проблемы разграничения текста и нетекста. То, что находится за чертой, отделяющей один элемент от другого, будет является либо нетекстом, либо другим текстом. Текст в силу своей моделирующей природы, проявляющейся в создании собственного текстового мира, требует обозначения основной рамки – позиции начала и конца текста.

Отграниченность текста становится значимой и для формирования всей системы культуры: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее ("свое") пространство и внешнее ("их")» [Лотман 2000а, с. 175]. Б.А. Успенский увязывает проблему рамок с проблемой соотношения внешней и внутренней точек зрения, «при этом чрезвычайную важность приобретает процесс перехода от мира реального к миру изображаемому, т. е. проблема специальной организации "рамок" художественного изображения» [Успенский 1995, с. 174]. В понятие рамок, вслед за В.А. Успенским, могут быть включены «условные приемы и формы, служащие для обозначения границ обозначаемой действительности» [Успенский 1995, с. 259]. Это может быть непосредственное обозначение границы (традиционные зачины и концовки в фольклоре) или же специальные композиционные приемы (например, кольцевая композиция в «Ревизоре»: в начале комедии – письмо, приезд мнимого ревизора, активная деятельность чиновников; в конце текста – письмо, приезд настоящего ревизора, парализация деятельности чиновников). Рамки обозначают рубеж между внешним миром (по отношению к изображаемому) и внутренним миром текста. При этом рамки принадлежат пространству внешнему, а не пространству, представленному в тексте. Следовательно,

специальные приемы, ориентированные на воспринимающего текст, и образуют рамки текста.

Всякий текст являет собой особый мир со своим пространством, временем, со своей системой ценностей, оценок, своими нормами поведения. И этот текстовый «индивидуальный» мир необходимо отграничить от других миров: реального – мира «речевого текста» и ирреального – мира других текстов.

Таким образом, проблема границ текста может быть рассмотрена с двух сторон. Во-первых, отграничение текста от других компонентов коммуникации: говорящего как порождающего текст, слушающего как воспринимающего текст, кода, контекста. Именно в этом смысле ставит проблему границ текста М.М. Бахтин, связывая ее с пониманием текста как высказывания [Бахтин 1986, с. 298]. Такие границы текста можно назвать *коммуникативными*. Во-вторых, отграничение текста от других текстов, что обусловлено существованием текста в некотором пространстве других текстов, в пространстве культуры. Такие границы текста можно назвать *пространственными*.

Коммуникативные и пространственные границы – это внешняя рамка текста, обеспечивающая его отдельность, индивидуальность и самобытность в коммуникации и культуре. Внешняя рамка отделяет текст от того, что по отношению к нему является нетекстом.

Кроме внешних границ, текст включает в свою структуру и внутренние рамки, обусловленные присутствием нескольких речевых субъектов (наличием нескольких точек зрения, как это называет Б.А. Успенский [Успенский 1995]).

Обозначение начала и конца текста – это наиболее очевидные текстовые границы. Начало и конец обеспечивают отдельность и отграниченность текста. С этой рамкой совпадают коммуникативные и пространственные границы. Например, традиционные зачины и концовки в фольклорных произведениях представляют собой прежде всего коммуникативные границы. *«И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало»* — этот переход от жизни сказки к повседневной жизни совершается как переход от текста к рассказчику (говорящему). Поэтому совершенно закономерным здесь является местоимение первого лица (я), которое не разрушает предшествующее повествование, а является способом *обозначения* рамки текста [Успенский 1995]. Это переход с внутренней на внешнюю по отношению к данному тексту позицию. Коммуникативные границы текста есть также в начале текстов со сказовой формой изложения. В этом смысле наличие рассказчика или системы рассказчиков – это тоже обозначение границ текста. Фатические высказывания в начале текста – это своеобразная начальная граница: *«Здравствуйтесь! Как дела?»* и т. д., обозначением границы в конце текста также являются этикетные формулы прощания. Все они представляют собой способы обозначения начала и конца разговора, беседы, встречи. Одновременно это есть способы войти в разговор и покинуть его.

Таким образом, коммуникативные границы – это, с одной стороны, обозначения непосредственного взаимодействия со слушающим, с другой стороны, они характеризуется «иллюзионистичностью» (термин Б.А. Успенского [Успенский 1995, с. 206]), что, безусловно, подчеркивает условность рамки текста и реальность,

«жизненность» центральной (основной) части текста. Иллюзионистичность коммуникативных границ усиливается в случае намеренного необозначения рамки текста. Так, начальная граница в рассказах В.М. Шукшина не обозначена, как правило, условным приемом (*«Его звали – Васека»*; *«И стало это у Константина Смородина как болезнь...»*; *«Его и звали-то – не Алеша...»* и др.).

Коммуникативная рамка может быть использована при отграничении текста и кода – выход на уровень метаязыка по отношению к непосредственному тексту (*«Читатель ждет уж рифмы розы; на, вот возьми ее скорей!»* (Пушкин) или: *«Я скажу кратко»*; *«Я не буду говорить красиво»*; *«честно говоря»* и т. д.).

Те же самые традиционные зачины и концовки служат и пространственной отграниченности фольклорного текста: обозначают принадлежность его к группе русских народных сказок как к единому культурному пласту.

Начальная пространственная граница может создаваться за счет использования в начале текста описания пространства, в котором будет происходить событие ирреального мира. Например, этому служит авторская ремарка в начале драматического действия, которая, кроме традиционного выполнения ремарочной функции, обозначает и границы текста. Исследуя средневековую живопись, Д.С. Лихачев отмечает роль изображенного слова: *«По своей природе произнесенное или прочитанное слово возникает и исчезает во времени. Будучи "изображенным" слово само как бы останавливается и останавливает изображение»* [Лихачев 1997, с. 291]. Такую же функцию – функцию

остановки времени – выделяет Б.А. Успенский у изобразительного текста, помещенного в текст вербальный [Успенский 1995]. Прием смены времен / остановки времени также может быть использован для обозначения границ текста. Например, «Ревизор» Гоголя заканчивается немой сценой, которая останавливает время и выступает в функции рамки: отделение мира данного текста, мира кукол, от других текстовых пространств. Таким образом, включение в текст другого текста (особенно принадлежащего иному виду искусства) останавливает время и служит переходом от временного к вневременному существованию и восприятию данного текста.

Однако ошибочно считать, что коммуникативные и пространственные границы совпадают только с началом и концом текста. Сам текст может включать фрагменты, отграниченные друг от друга пространственно и коммуникативно. Это может происходить за счет использования местоимения второго лица, фиксирующего обращение к слушающему; обобщенно-личных предложений, использование настоящего актуального времени и т. д.

В данных случаях фрагменты текста отграничены коммуникативными границами. Пространственные границы внутри текста образует интертекст, включенный в ткань общего повествования. Использование пространственных границ внутри текста может быть продемонстрировано введением в текст не только реминисценций, но и использованием фрагментов, относящихся к другим искусствам. Например, в композиционную организацию рассказа В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» входит фрагмент выступления Кольки Паратова, пространственное

описание которого превращает весь рассказ в сценическое произведение. Одновременно цитирование песни («Жена мужа в Париж провожала») организует границы между вербальным и музыкальным текстом. Проблема использования внешних (коммуникативных и пространственных) границ внутри текста не сводится только к чередованию и следованию фрагментов, отграниченных друг от друга различными приемами. Данная проблема видится как проблема глобальной композиционной организации целого текста. Речь может идти о маркированности одного типа границ и немаркированности или слабой отмеченности других.

Внутренние границы текста образуются разными речевыми слоями – речевой партией повествователя и речевой партией персонажа. Приемы обозначения внутренних границ текста совпадают с приемами введения различных элементов композиционно-речевой структуры – прямой речи, косвенной речи, внутренней речи и монологического слова повествователя. Каждая из этих речевых структур принадлежит одному из субъектов – повествователю или персонажу, с точки зрения которого подается то или иное событие. Например, в рассказе В.М. Шукшина «Дебил» оценка главного героя как дебила или интеллигента в шляпе разнесена по разным речевым партиям. Каждый речевой субъект в рассказе по-своему характеризует главного героя: односельчане оценивают его равнодушно-иронически, жена говорит о нем агрессивно, учитель – покровительственно-высокомерно, а сам герой пытается оправдаться и доказать всем свою состоятельность.

Организация внутренних границ текста также не сводится к линейному развертыванию различных

речевых элементов. Границы могут наслаиваться друг на друга, могут обозначаться четко (использование прямой речи) или же, напротив, могут быть ослаблены, подвержены редукции (например, дискретная форма существования монологического слова повествователя в рассказах В.М. Шукшина).

Описание приемов и способов обозначения всех типов рамок композиционной организации текста может стать предметом отдельного исследования.

Установление внутритекстовых и внешнетекстовых границ обусловлено рядом факторов.

Во-первых, поскольку проблема границ текста – это есть проблема перехода или перевода из одной реальности в другую, то и наличие границ обуславливается наличием двух (и / или) более кодов. Таким образом, граница маркируется сменой кода, который обусловлен изменением времени, пространства и речевого субъекта. Наиболее ярко это проступает в драматическом тексте с его делением на действия, картины, явления, реплики.

Во-вторых, необходимость границ обуславливается самой включенностью текста в два типа пространств – коммуникативное и культурное. Выделение текста из пространства других текстов, из контекста, отделение его от говорящего возможно лишь благодаря обозначенное™ границ текста как явления.

В-третьих, текст (особенно текст художественный) есть модель мира, являющийся *условным изображением* этой действительности. Для того, чтобы текст стал знаком, прежде всего нужно обозначить его границы. Таким образом, сама знаковость и модельность обуславливают наличие границ. Текст стремится

мифологизировать действительность, отображенную в нем. По мысли Ю.М. Лотмана, мифологизирующая функция текста обуславливает рамочность изображения, которая позволяет моделировать универсум в пределах отдельного текста.

Кроме факторов, устанавливающих границы текста, существуют и *факторы*, оказывающие противоположное действие – *разрушение границ текста*.

Во-первых, это воспринимающее сознание: «Текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [Бахтин 1986, с. 301]. Так называемый образ читателя, входящий в текст, необходимо разрушает текстовые границы: стирается грань между текстовым пространством и коммуникативным. Само наличие внутри текста внешних коммуникативных границ разрушает единство текста. Текст распадается на отдельные тексты и превращается в контекст. Например, реплики в сторону или обращение к зрителям в драматическом тексте выдвигают на первый план именно эти рамочные элементы, превращая их в самостоятельный текст, а собственно текст становится их фоном, контекстом. Другим примером может служить текст, функционирующий в сфере PR, где основным является контекст, а не сам текст. В данном случае границы отдельного текста – это лишь обозначение еще одного эпизода в цепи подобных при создании контекста, который и является сообщением.

Во-вторых, разрушающим фактором является диалог на всех уровнях. Диалогические тексты в этом смысле не являются «вполне» отдельными текстами. Речь идет о диалоге в широком смысле слова: диалог с читателем,

другими текстами, диалог повествователя и персонажа. По мысли М.М. Бахтина, двуголосие или многоголосие – это то, что разрушает границы текста и превращает его в часть другого текста. Поэтому присутствие в тексте несобственно-прямой речи, диалогического интерсубъектного компонента композиционно-речевой структуры текста, является приемом разрушения внутритекстовых границ. Несобственно-прямая речь уничтожает речевую партию повествователя и речевую партию персонажа как отдельные самостоятельные тексты. Включение же в текст интертекста – это способ разрушения внешнетекстовых границ.

В-третьих, изменение или разрушение границ обуславливается функцией. Например, вербальный драматический текст и театральная постановка этого текста, нарративный текст и его киносценарий являются отдельными текстами или частью другого текста. Сюда же относится проблема соотношения первичного и вторичного текстов. Например, текст напечатанного газетного интервью – с одной стороны, это самостоятельный текст, с другой стороны – часть целого процесса интервью, процесса преобразования устного текста в письменный и т. д.

В-четвертых, стремление разрушить границы текстового пространства обусловлено стремлением сблизить изображаемый мир и реальный мир. Это стремление перенести объясняющую модель мира в сам мир.

Наличие двух тенденций в организации текста говорит об относительности всех текстовых границ. Сосуществование одновременно двух противоположных тенденций позволяет говорить о текстопорождающей

функции организации / разрушения границ текста. Конфликт между этими двумя тенденциями создает особое *коммуникативное напряжение* между ними в структуре текста, которое приводит к тому, что обозначение границ текста есть одновременно и их разрушение. Так, при рассмотрении текста рассказа В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» как сценического действия («концерт» Кольки Паратова) разрушается пространство «рассказа» о жизни и смерти Кольки Паратова. Суть же коммуникативного напряжения в прагматической организации текста состоит в том, что границы текста есть переход от одного текста к другому и одновременное разрушение одного текста и создание другого текста. На границе возникает суммирование читательского восприятия [Успенский 1995], т. е. синтез двух или более впечатлений о тексте как вербальном и невербальном (изобразительном, музыкальном, сценическом и т. д.).

Границы текста, с одной стороны, характеризуются четкой очерченностью. С другой стороны, относительностью. Такая амбивалентность их композиционного оформления объясняется наличием двух сознаний в тексте – говорящего и слушающего, и следовательно, двух личностей – актуальной текстовой личности автора и потенциальной личности читателя (образа адресата). И таким образом, границы текста есть один из факторов, предполагающих множественность интерпретаций текста и множественность интерпретаций соотнесенности текста и контекста.

Границы текста создают возможность конструирования не только множества интерпретаций

данного текста, но и задают множество композиционных организаций.

Пресуппозиция как единица прагматического уровня текста. Текст устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен извлечь, пройдя через цепочку умозаключений. Другими словами, в тексте есть сведения, идеи, выраженные неэксплицитно, иногда эта неэксплицитность возводится в ранг приема (публицистический, художественный текст). Современная лингвистика пока не вполне может описать серию действий, которые без труда осуществляет слушающий [Падучева 1996], но некоторый аппарат на этот счет существует, и наибольший интерес в связи с этим вызывает понятие пресуппозиции. Пресуппозиция – это такой элемент текста, который не утверждается, а как бы предполагается известным заранее. Пресуппозиция основывается либо на фоновых знаниях слушающего, либо на информации, уже почерпнутой из текста. Следовательно, можно говорить о *дотекстовых* и *текстовых* пресуппозициях.

Пресуппозиции различаются по субъектной принадлежности: *а) авторские, б) читательские, в) персонажные*. В рамках одного языкового выражения могут совмещаться несколько субъектных пресуппозиций, а могут и расходиться. Это связано с проявлением относительного кругозора автора, читателя и персонажа, их относительной осведомленности и происходящих событиях. В одних случаях автор обладает абсолютным знанием о происходящих событиях, а от читателя до определенного времени какие-то обстоятельства могут быть скрыты, кругозор же персонажей еще более

ограничен. В других случаях автор сознательно налагает определенные ограничения на свои знания, при этом он может и не знать того, что известно отдельным персонажам. Может быть случай ограничения кругозора автора по отношению к кругозору читателя [Успенский 1995].

Пресуппозиции различаются в зависимости от их структурной значимости в тексте и носят соответственно *локальный* или *глобальный* характер. Локальные пресуппозиции затрагивают только одно высказывание текста, они значимы только для данного предложения или его части. Также к локальным пресуппозициям относятся те, которые значимы для фрагмента текста. Наконец глобальные пресуппозиции релевантны для всего текста – это либо обозначение общего фона к теме сообщения, либо структурно значимые пресуппозиции, на которых строится композиция текста.

Итак, прагматическая организация текста задается репрезентацией в нем (тексте) двух фигур – говорящего и слушающего – и тем напряжением, которое создается благодаря их взаимодействию. Также прагматическая структура текста реализуется в оформлении текстовых границ (пространственных и коммуникативных, внешних и внутренних) и самим процессом организации / разрушения текстовых границ.

Выводы

1. Текст как устройство знакового характера обладает рядом признаков: выраженностью, отграниченностью, структурностью. Как структура текст иерархически организован, при этом парадигматическая иерархичность состоит в вычленении единиц и уровней,

составляющих текст, а синтагматическая иерархичность устанавливает между уровнями текста отношения эквивалентности.

2. Текст как последовательность знаков представляет собой гетерогенное явление, что проявляется в использовании в тексте знаков разных типов (индексов, символов, икон и метазнаков) и в закодированное™ текста как минимум двумя языками. Гетерогенность текста становится его принципиальным качеством.

3. В тексте выделяются три типа организации – конструктивная, семантическая и коммуникативно-прагматическая. Основой конструктивной организации текста является свойство членимости, текст также обладает двумя взаимодействующими признаками – связностью и целостностью и строится в соответствии с двумя принципами – синтагматическим и парадигматическим. Семантическое пространство текста описывается двумя статическими моделями – денотативной и концептуальной структурой. Коммуникативно-прагматический уровень текста организуется фигурой говорящего и фигурой слушающего, проявляется в выстраивании внутренних и внешних границ текста, а также задается дейктическими, эгоцентрическими и пресуппозитивными текстовыми элементами.

4. Текст предстает как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман 2002, с.

162]. Адресат не дешифрует текст, а общается с текстом: «Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [Лотман 2002 с. 162]. Процесс дешифровки заменяется коммуникативным напряжением.

5. Коммуникативное напряжение в тексте создается не только благодаря взаимодействию разных статических моделей описания текста внутри одного из трех типов его организации, но и благодаря взаимному притяжению и отталкиванию трех основных структурных типов организации текста – конструктивной, семантической и прагматической. Коммуникативное напряжение обеспечивает динамику текста, создает гибкий смыслопорождающий механизм и в конечном счете обеспечивает жизнь текста.

Задания

1. Докажите факт гетерогенности текста (1): (В. Пелевин «Психическая атака (Сонет)» и (2): (Л. Улицкая «Счастливые»). Одинакова ли природа гетерогенности данных текстов?

2. Проанализируйте средства связности в текстах (2): (Козьма Прутков «Проект о внедрении единомыслия в России») и (3): (М. Цветаева «*** (Б. Пастернаку) Расстояние: версты, мили...»). Сопоставьте полученные результаты. Найдите в данных текстах средства, обеспечивающие цельность текста.

3. Опишите семантическое пространство текста (4): (А.П. Чехов «Необходимое предисловие»).

4. Проанализируйте внешние и внутренние границы текста (5): (Т. Толстая «Сирень»).

5. Определите средства локализации автора в тексте (6): (М. Зощенко «Аристократка»).

Глава 4

ТЕКСТ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ТЕКСТАМ

4.1. Основные понятия

В главе рассматриваются отношения текста к действительности и текстам. Рассмотрение их опирается на категорию эвокации, выступающей *ad hoc* реализацией коммуникативности текста.

Отношение текста к действительности (в узком смысле: без включения в нее текстов) традиционно оценивается как отражение текстом действительности. Истоком этой традиции является учение Аристотеля – о мимесисе (подражании) как сущности поэзии и о предмете ораторского выступления. В обоих случаях речь идет об отражении как соответствии текста действительному миру, устанавливаемом автором (ритором).

Современная коммуникативная практика с возросшей субъективацией коммуникативной деятельности и развивающейся интертекстуальностью, текстами деконструкции и фантастической литературой, «грязными» предвыборными технологиями с адекватными текстами и т. п. не позволяет видеть

отражение действительности во многих современных текстах или, во всяком случае, предполагает более осторожные суждения об отражении. Приведем (без комментариев) три показательных стихотворных текста из подборки стихов современного поэта И. Ахметьева, опубликованных в журнале «Новый мир» (2001. № 5):

* * *

режь

мажь

ешь

* * *

не здесь

то есть

не сейчас

и не сразу

но обязательно

* * *

жизнеприязненность

богобоязненность.

Имея в виду явления в сфере современной западной литературы, И.П. Ильин с сочувствием цитирует Брук-Роуз, которая не без основания полагает, что рухнула старая «миметическая вера в референциальный язык», т. е. в язык, способный правдиво, и достоверно передавать действительность и говорить истину о ней

[Ильин 1996, с. 231]. Эти факты могут быть объяснены, если отношение текста к действительности квалифицировать как *преобразование* ее текстом, осуществляемое говорящим и слушающим.

Более того, и само понятие действительности нуждается в корректировке. Если на базе постулатов отечественной философии недалекого прошлого действительность отождествлялась с объективной реальностью, или материей, то непредвзятое осмысление того, с чем связаны тексты, приводит к выводу, что действительность предстает как то из того, что есть, с чем связан текст. Ср. хотя бы конструкты, созданные в литературе социалистического реализма как отражение действительности, но в ее «революционном развитии» (см. романы, например, В. Кочетова, Г. Маркова и др.); ср. также отношения между текстами слухов и действительностью.

Действительность включает в себя и явления, предметы, процессы, отношения т. д., существующие независимо от человека и данные ему в опыте, и явления, предметы, процессы, отношения сознания человека как предпосылки его деятельности, как начала конструирования человеком «мира», создания смыслов, и созданные человеком мыслительные конструкты – схемы, структуры, концепты. Поэтому различается действительность физическая, психическая, социальная; логическая и историческая; объективная и субъективная; реальная и вымышленная и др. Каждый конкретный текст может соотноситься с различными видами действительности или разными их «наборами».

Отношение текста к другим текстам традиционно рассматривается как диалогическое (М.М. Бахтин), а в

последнее время как интертекстуальное. Н.А. Кузьмина, обобщившая большой объем литературы по проблеме интертекстуальности, отмечает, что «интертекстуальность – это маркированная определенными языковыми сигналами „перекличка“ текстов...». Судя по списку литературы, включающему 317 источников, основной текст цитированного научного сочинения перекликается по крайней мере с 317 научными текстами. Приведем (в контексте работы упомянутого автора) «закавыченную» цитату – один из наиболее распространенных интертекстуальных компонентов в научном тексте: «Процессы, происходящие в лингвистике, доказывают неизбежное перемещение фокуса общественного мнения с естественных наук на науки о человеке, среди которых на первом месте оказывается лингвистика, изучающая „средостение человеческой сути – язык“ [Кибрик 1995, с. 219]» [Кузьмина 1999, с. 19–20].

Отношения текстов к другим текстам, или межтекстовые отношения, богаче и сложнее, чем это «предусмотрено» теорией интертекстуальности. Во-первых, текст может быть описан в отношениях к другим текстам по линиям говорящего или слушающего (текст нового романа Л. Улицкой в отношении к опубликованному ранее; текст конкретного предвыборного плаката в его отношении к иным подобным, адресованным определенной категории слушающих и т. д.), темы, стиля, жанра и др., в плане эволюции (как история его порождения или история его понимания) и др. Во-вторых, это отношения текста языкового к текстам неязыковым (в лингвистическом смысле). В.В. Виноградов в работе о повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» рассматривает отношения

текста повести к символике карт, символике игры и др. неязыковым (но – семиотическим!) текстам [Виноградов 1980]. Еще одна иллюстрация: сочинения по картине как разновидность сочинений в практике развития речи учащихся.

Итак, текст находится в отношениях к текстам как семиотическим образованиям. Отношения текста к действительности и другим текстам – важнейшее условие его существования. В этом отношении проявляется его коммуникативная природа и сущность. Он перестает бытьместилищем «спящих смыслов» (Ж. Деррида). Он «просыпается», «оживает», становится равноправным компонентом среды, вплоть до игры с говорящим и слушающим. Смысл текста благодаря этим отношениям устанавливается говорящим и слушающим в результате поиска и сопряжения ответов на следующие вопросы: Что сказано в тексте? Что сказал говорящий? Каков смысл, усмотренный в тексте слушающим?

Итак, действительность и тексты, будучи преобразованными в данном тексте, становятся фактором существования данного текста, а он, в свою очередь, превращается в рычаг преобразования действительности и других текстов, в фактор, служащий порождению новых текстов. Таковы, например, цепочки текстов, преобразующих «один и тот же» фрагмент действительности: повесть для кино – киносценарий – рабочие материалы – кинофильм, повесть для театра – пьеса – рабочий материал – спектакль (цепочки из текстов творчества В.М. Шукшина).

Отношение текста к действительности и текстам выражается категорией эвокации, которая представляет собой реализацию коммуникативности текста.

Понятие эвокации, разработанное в [Чувакин 1995] на материале художественной речи, в данном случае распространяется на коммуникацию в целом. Эвокация как один из уровней коммуникативной деятельности говорящего и слушающего представляет собой специфическую деятельность Homo loquens, содержанием которой является реализация репрезентативной функции языка посредством текста в ситуациях коммуникативной деятельности. Она обеспечивает преобразовательный характер отношения текста к действительности и другим текстам. Иначе говоря, эвокация есть один из базовых механизмов коммуникации – внутренняя составляющая коммуникативной деятельности Homo Loquens (как единства человека говорящего и человека слушающего), отвечающая за задачу конструирования действительности (в том числе и выраженной в знаках) в тексте, в результате чего рождается текстовая действительность [Василенко, Ожмегова, Савочкина, Сим, Чувакин 2007, с. 84]

Эвокационная деятельность включает в себя следующие компоненты: 1) предметные: объект эвокации, средство эвокации, продукт эвокации; 2) процессуальный: процесс эвокации.

Раскроем содержание названных компонентов и приведем иллюстративный материал по результатам исследования С.И. Везнером речевого жанра «брачное объявлении» [Везнер 2008]. Текстовый пример: *Здравствуйте. Очень хочется верить, что в этом большом мире есть тот единственный, без вредных привычек, несудимый, добрый, опрятный, обеспеченный человек не старше 460 лет, который по каким-либо причинам сейчас одинок, но тоже имеет огромное желание строить с*

*достойным человеком свое семейное счастье на основе любви, добра, искренности и порядочности. Переезд возможен. Анна, г. Омск, тел. *** (Моя семья. 2007. № 7).*

Объектом эвокации является вся действительность, включая коммуникативную, семиотическую, текстовую, мыслительные конструкты, отношения сознания человека. Рассмотрение действительности в качестве объекта эвокации означает «перенесение» ее (Т.Г. Винокур) в текст и предполагает ее фрагментирование, селекционирование, оценку и последующее конструирование объекта эвокации. Объект эвокации в текстах брачных объявлений – неосложненная когнитивная оппозиция мужского и женского тендерных концептов.

Средством эвокации выступает естественный язык как «средство категоризации и интерпретации» (Э. Бенвенист) объекта эвокации в тексте. Центральные оппозиции, на которых базируется функционирование средств эвокации, проистекают из активной роли *Ното Лоуэпс* и естественного языка. В сфере художественной эвокации, например, это оппозиция *общезыковое: индивидуально-авторское*, определяющая источник, из которого говорящий и слушающий черпают средства эвокации и правила категоризации и интерпретации объекта эвокации; *свое: чужое*, детерминирующая способ представления, или «вИдения» (В. Гумбольдт), объекта эвокации: непосредственно от говорящего и / или слушающего – через категорию повествователя и-или рассказчика или опосредованно – через категорию персонажа. В текстах брачных объявлений средствами эвокации служат языковые средства концепта «брачное

взаимодействие» при возможном участии паравербальных средств.

Продукт эвокации – это результат процесса эвокации, т. е. катетеризированный и интерпретированный специальными приемами посредством языковых знаков (знаковых последовательностей) объект эвокации, включенный в текст.

Целостным продуктом эвокации выступает текст как составляющая совокупности текстов, частичным продуктом – эвокационный компонент текста (коммуникативный блок, рассматриваемый в эвокационном аспекте). Эвокационный компонент имеет двойную обращенность: во-первых, в прошлое – в эвокационную деятельность, и, во-вторых, в настоящее-будущее – в текст и, шире, в коммуникацию. В этом аспекте эвокационный компонент характеризуется дополнительными субстанциональными и функциональными преобразованиями, которые осуществляются специальными приемами как способами сведения объекта и средства эвокации в ее продукт, создаваемый под воздействием целого текста. Брачное объявление как продукт эвокации содержит четыре обязательных компонента: самопрезентативный, селективный, интерактивный, прогностический при факультативных: трансжанровом, прецедентном, иконическом.

Процесс эвокации – взаимодействие непроцессуальных компонентов эвокационной деятельности, связанное с реализацией говорящим / слушающим потребности-мотива. Процесс эвокации определяется некоторыми общими принципами и

факторами. В основе взаимодействия непроцессуальных компонентов лежат два принципа: адекватности и активности. Принцип адекватности устанавливает, что продукт эвокации, конструируемый из средств эвокации, соответствует объекту эвокации; принцип активности, раскрывая преобразовательный характер этого взаимодействия, устанавливает, что в процессе эвокации объект субстанционально и функционально преобразуется средствами эвокации. Ср.: «В языке... благодаря всей его структуре делается упор не на определенный вид материальной (или подражающей явлениям) верности, а на реляционную верность воспроизведения» [Бюлер 1993, с. 173]. В случае с брачным объявлением принцип адекватности предполагает, что осложнённая оппозиция по ключевым параметрам соответствует неосложнённой оппозиции. Активность языка проявляется в активности стандартных средств брачного объявления и контрарно-дифференцирующей активности лингвистических концептов брачного объявления; активность человека – в активности его индивидуальных концептуальных систем.

Процесс эвокации «застывает», «овеществляется» в продукте: готовность объекта эвокации, представленного в средстве эвокации, и самого средства эвокации к функционированию реализуется в их функционировании в целостном тексте – продукт несет часть нагрузки целого. Иначе говоря, процесс «умирает» в продукте. Но умирает, чтобы ожить как объект и жить в коммуникативной деятельности слушающего как множество объектов, возникающих на базе этого одного продукта. При этом решающее значение имеет «сочетание и соотнесение языковых значений с

внутренней моделью мира ("знаниями о мире"), составляющей содержание человеческого сознания» [Звегинцев 1996, с. 173].

На стыке «смерти» как однократного, одномоментного акта и «жизни» – актов бесконечных, многократных, возрождающихся по тому или иному поводу (а то и без повода!), во взаимодействии «жизни» и «смерти» и эвокация делает возможным существование текста в его отношении в действительности и текстам.

Взаимодействие принципов и факторов эвокации при активной роли говорящего и слушающего обеспечивает инобытие действительности (включая и тексты) в тексте. Яркой иллюстрацией инобытия действительности, в том числе и текстовой, служит эвокация ситуаций судебного разбирательства как фрагмента действительности (объект эвокации) и их эвокации в жанре юридического триллера (первое звено эвокационной цепочки) на языке оригинала (Grishem J. *The Runaway Jury*. ARROW. 1997) в переводном тексте (второе звено эвокационной цепочки) (Гришем Д. *Вердикт*. М., 2000). Как отмечает Е.А. Савочкина, исследовавшая этот материал [Савочкина 2007], ситуации судебного разбирательства передаются в обоих текстах стандартизованностью дискурса персонажей на фоне юридических терминов, эмотивности, аргументированности, оценочности; оба текста обладают признаками авантюрной литературы (напряжённость, динамичность); в тексте перевода сохраняются лингвистические и композиционные особенности текста оригинала, воспроизводящего первичные речевые жанры судебного разбирательства, однако способы репрезентации жанровых признаков юридического триллера в переводном тексте по сравнению с текстом

оригинала преобразуются (чаще всего действуют механизмы опущения и добавления), и это объясняется давлением норм языка перевода и межкультурной коммуникации, установками переводчика.

4.2. Текст и внетекстовая действительность

Процессы порождения и интерпретации, являясь взаимосвязанными и взаимообусловленными, формируют коммуникативно-речевой механизм взаимодействия говорящего и слушающего. Сущностью механизма является функционирование модели адаптации двух текстов или, по терминологии Е.В. Сидорова, модели коррекции первичной коммуникативной деятельности говорящего и вторичной коммуникативной деятельности слушающего: «Первичная коммуникативная деятельность создает предметно-знаковую программу для построения вторичной коммуникативной деятельности... Вторичная коммуникативная деятельность конструктивно участвует, еще в субъективной форме (как «внутренний образ»), в создании текста. Это значит, что вторичная коммуникативная деятельность в качестве внутреннего образа, идеальной модели в известной мере определяет не только функцию речевого произведения, но и его поэлементный состав, т. е. коммуникативный аспект текстовой системы, и соотношение между элементами высказывания, т. е. текстовую структуру. Следовательно, и поэлементный состав, и структура текста, и его функции определяются в процессе осуществления первичной коммуникативной деятельности соответствующими параметрами вторичной коммуникативной деятельности, точнее свойствами

идеальной модели этой деятельности, действующей через первичную коммуникативную деятельность и подчиненной ей. Через текст первична коммуникативная деятельность задает конкретный характер протекания вторичной коммуникативной деятельности и в этом смысле программирует последнюю, осуществляет управление ею» [Сидоров 1987, с. 15, 16].

Предварительные замечания. Текст, являясь достаточно молодым объектом лингвистических исследований, в последнее время стал полем изучения разного вида взаимодействий. Это вызвано необходимостью разного рода согласования деятельностей отправителя сообщения (говорящего) и получателя сообщения (слушающего). Данное согласование заключено в целостном сопряжении моделей деятельности участников коммуникации. Модели же, в свою очередь, образуют коммуникативное содержание текста. Соответственно, текст во внетекстовой деятельности функционирует и как результат порождения смысла (что обусловлено корректировкой порождающей интенции, прагматической установкой автора и коммуникативным намерением), и как способ и результат интерпретации смысла. Таким образом, текст полностью отражает сущность коммуникации, которая заключена в «построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, «моделей мира», которые определенным образом соотносятся с «моделями мира» говорящего, но не обязательно повторяют их... Тексты, которыми обмениваются участники, зачастую оказывают большее влияние на формирование у них моделей ситуации, чем на фактическое положение дел. Модели мира и знаний участников ситуации становятся не менее, а может быть,

более «вещественными», чем внешние, объективно определяемые обстоятельства» [Сергеев 1998, с. 3].

Категория коммуникативности, как отражение сущности включения текста во внетекстовое пространство, функционирует в виде результата действия механизма порождения и определяет основания интерпретации. Порождение, интерпретация, межтекст рассматриваются в аспектах механизма, условий, ситуации функционирования (что отражается в делении главы на параграфы).

Порождение текста как способ включения текста во внетекстовую действительность. Сущность процесса порождения текста. Порождение текста прежде всего связано с порождением смысла в широком значении. По мысли Ю.М. Лотмана, «можно себе представить некоторый смысл, который остается инвариантным при всех трансформациях текста. Этот смысл можно представить как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте. На такой презумпции построена модель «смысл-текст». При этом предполагается, что в идеальном случае информационное содержание не меняется ни качественно, ни в объеме: получатель декодирует текст и получает исходное сообщение. Опять текст выступает лишь как «техническая упаковка» сообщения, в котором заинтересован получатель... Но при таком подходе утрачиваются способности обслуживать другие функции, присущие тексту в естественном состоянии» [Лотман 1996, с. 13].

Если говорить о порождении как о способе включения текста во внетекстовое пространство, то наиболее значимыми функциями становятся творческая функция и функция памяти.

Творческая функция включает процесс порождения в область деятельности по «производству текстов или по производству и потреблению текстов (а по существу, коммуникантов как сложных языково-параязыково-неязыковых текстов)» [Основы общей риторики 2000, с. 7]. Таким образом, порождение затрагивает материал культуры. В данном аспекте главным становится соотношение текста и контекста, что трансформируется, в свою очередь, в соотношение:

1) текста и подтекста (при котором выявляются скрытые смыслы, заложенные в тексте);

2) текста и затекста (при котором выявляются совокупность психоязыковых факторов, предшествующих моменту порождения).

Данный аспект выявляет специфику социокультурологического погружения текста как репрезентанта отдельной социокультурной области.

В этой связи можно выделить два типа порождения смысла текста:

1) имплицитный, основанный на ассоциативной развертываемости текста;

2) эксплицитный, при котором развертывание происходит через грамматические, лексические, интонационные и прочие связи.

Кроме того, смыслопорождение является собой действие двух взаимонаправленных механизмов: контаминации (свертывания) и компрессии (развертывания) [Мурзин, 1976]. Сущность свертывания состоит в выявлении содержательной доминанты текста, а развертывание осуществляется через приемы содержательной компрессии (ассоциативные,

синонимические и т. д. связи), которые базируются на трех видах фоновых знаний:

1. социальных, т. е. известных всем участникам речевого акта еще до начала сообщения;

2. индивидуальных, т. е. известных только двум участникам до начала сообщения;

3. коллективных, т. е. известных членам определенного коллектива, связанным профессией, социальными отношениями и др. (например, специальные медицинские знания, политические и т. д.) [Валгина 2003, с. 16].

Реализация функции памяти текста связана, прежде всего, с идеей «языкового существования»: «Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности. Вот эта наша постоянная, никогда не прекращающаяся жизнь «с языком» и «в языке» и есть то, что называется языковым существованием» [Гаспаров 1996, с. 5].

По Б.М. Гасиарову, порождение текста связано и следует из способности памяти к континуальной, нерасчлененной переработке языковой и речевой информации. Все, что нужно продуцировать говорящему, уже содержится в его языковой памяти в виде готовых блоков информации. Данные блоки генетически восходят не только к языковому опыту говорящего, но и связаны с его предметно-коммуникативной деятельностью. Это деятельность связана и с особенностями ситуации, и со

способностью эвоцировать и трансформировать ранее уже известные тексты: «Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она заключает в себе в полу сплавленном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности: отдельные словоформы, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей; готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов, синтактико-интонационные фигуры, лишь частично заполненные отдельными опорными словами, в окружении целых полей словоформ и словосочетаний, пригодных для их полного воплощения; целые готовые реплики-высказывания (опять-таки с возможностями их модификации); различные риторические «жесты», за которыми проглядывают более крупные речевые блоки и даже целые тексты, ассоциируемые с такими «жестами», наконец, отдельные куски текстов, относящимся к различным сферам и жанрам языкового существования, которые говорящий помнит с разной степенью отчетливости – будь то точное знание наизусть, или приблизительное, размываемое лакунами воспоминаний, или смутный, едва просвечивающий в памяти образ» [Гаспаров 1996, с. 104]. Таким образом, вся наша языковая деятельность пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта. Говорящему не нужно каждый раз конструировать сообщение, все фрагменты текста уже существуют в памяти целиком (в виде эвоцированных или трансформированных

фрагментов ситуации), а языковая память выносит необходимые фрагменты на поверхность сознания. Необходимый фрагмент просто «узнается».

Механизм узнавания при порождении текста связан, прежде всего, с особенностями условий порождения текста.

Условия порождения текста. Под условиями порождения понимаются порождающая интенция (прагматическая установка автора), авторская модальность, способы ее реализации в текстовой модальности, целеустановка и коммуникативное намерение. «Текст как цельное речевое произведение имеет свои закономерности образования. Textoобразование осуществляется под влиянием целеустановки самого текста и целеустановки конкретного автора текста. Первое диктуется самим текстом, его типом, жанром, задачами, которые он реализует. Второе всецело связано с авторской модальностью, так как любое сообщение включает в себе не только информацию, но и отношение автора к сообщаемой информации. Последнее особенно важно в установлении прагматики текста, поскольку связано с интерпретационной стороной текста. Автор не только формирует собственно текст, но и направляет читателя в его интерпретации. Прагматическая установка текста исходит из самого текста – его назначения, вида, жанра... При начале работы над текстом известной бывает его общая целеустановка – информирование, обучение, инструктирование, декларирование и т. д. Таким образом, каждый текст имеет свою прагматическую установку. Она определяет и форму текста, и отбор материала, и общую стилистику и др. Однако автор как конкретный субъект, подчиняясь общим правилам

построения текста данной направленности, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, т. е. осуществляет свою, авторскую прагматическую установку. Обе установки совмещаются, могут накладываться друг на друга, но по каким-то причинам расходятся и даже вступать в противоречие» [Валгина 2003, с. 24].

Сущность **прагматической установки** заключена в осознанном намерении говорящего оказать определенное воздействие на слушающего. Иерархия прагматических установок формирует прагматическую направленность текста, что реализуется, в свою очередь, в **коммуникативно-прагматической структуре** содержания текста. Под коммуникативно-прагматической структурой понимается «определенным образом организованное и упорядоченное средствами языка содержание текста в соответствии с коммуникативной целеустановкой авторов и прагматической направленностью текста» [Крижановская 1997, с. 131]. Например, в научном тексте характер структуры содержания зависит от жанра. Так, структура эмпирической статьи (статьи, содержащей описание какого-либо эксперимента) создается последовательностью следующих коммуникативно-прагматических блоков: «введение темы», «формулировка проблемы», «постановка цели и задач исследования», «описание стадий эксперимента», «выдвижение гипотезы», «конечный императив», или «прогнозирование». Обязательными компонентами коммуникативно-прагматической структуры теоретической статьи являются компоненты «ведение темы», «постановка цели и задач исследования», «формулировка проблемы», «конечный императив». В

структуре же научно-методической статьи весьма условно можно выделить лишь коммуникативно-прагматические блоки «ведение темы», «конечный императив» и «прогнозирование» [Крижановская 1997, с. 132]. В рекламном тексте коммуникативно-прагматическая структура формируется как проекция аргументативной структуры на композиционно-прагматическую структуру (в виде совокупности таких блоков: кто продает, что продает, кому (имплицитно, в виде установки на целевую аудиторию), где).

Прагматическая установка, реализованная в коммуникативно-прагматической структуре текста, соотносится с видами информации и функционально-смысловыми типами речи. По мысли Н.С. Валгиной, функционально-смысловой тип речи – это своего рода модель коммуникации. И при определении механизмов текстообразования прежде всего избирается сама модель коммуникации, т. е. учитываются конструктивные признаки речевого акта, совокупность которых и формирует модель. К конструктивным признакам относятся:

- 1) коммуникативная целеустановка;
- 2) предмет (содержание) коммуникации;
- 3) признаки ситуации, в пределах которой осуществляется коммуникация;
- 4) социальная характеристика участников коммуникации.

Совокупность этих признаков и создает систему речевых ситуаций, а тип речевой ситуации определяет конкретную модель коммуникации и форму ее

осуществления: «В рамках каждого типа речевой ситуации формируются достаточно стандартные формы реализации их в тексте. Рождается стереотипичность речевого поведения, которая отражается на нормах (жестких или менее жестких) речевой организации текста. Текст соответственно приобретает ту форму, которая помогает ему выполнить данную коммуникативную задачу. При этом, чем более стандартен текст, тем ярче выявляются его признаки, тем более предсказуема оказывается его форма. Следовательно, цель, намерение (авторская интенция) определяют тип текста – функционально-смысловой тип речи, т. е. речевую форму» [Валгина 2003, с. 77].

Речевая форма так же зависит и от **авторской модальности** текста, которая проявляется в выборе автором производителя текста: собственно производителя речи, субъекте повествования, образе автора. На уровне **текстовой модальности** происходит соединение содержания текста с представлениями об авторе и адресате. Взаимодействие модальных планов говорящего и адресата позволяет выделить статический и динамический типы текстов. «Статическая разновидность текстовой модальности предполагает совпадающие модальные планы автора и адресата на всем пространстве текста. При этом важно отметить, что в тексте не происходит переключения с одного модального регистра на другой и что адресат понимает модальные смыслы текста точно так же, как и автор... Динамическая модальность предполагает отсутствие единой для повествователя, читателя и героя модальности. Каждый из носителей текстовой модальности обладает собственной «партией», и взаимодействие, переплетение этих партий рождает

движение, динамику модальностей всего текста» [Соболева 1997, с. 165].

Ситуация порождения текста. Под ситуацией порождения понимается осознанный и целенаправленный выбор говорящим определенного речевого жанра, в зависимости от условий, сопутствующих осуществлению акта коммуникации; корректировка речевого жанра, исходя из требований слушающего; выбор механизма порождения, адекватного данной ситуации. При определении ситуации порождения текста можно выделить два аспекта: во-первых, условия осуществления коммуникативного акта, во-вторых, выбор говорящим речевого жанра и коррекция речевого жанра, исходя из ситуации.

Под условиями коммуникативного акта понимается совокупность следующих признаков ситуации: обстоятельства коммуникативного акта (по Городецкому: «обстоятельства коммуникативного акта – это общий деятельностный контекст коммуникативного акта, включающий как непосредственный акт совместной деятельности, так и привходящие, фоновые обстоятельства» [Городецкий 1990, с. 14]), персуазивная программа, коммуникативная и практическая цели («практическая цель связана с типом социальной деятельности и представляет собой образ результата. Коммуникативная цель – намерение, установка, реализуемая говорящим при порождении текста» [Основы общей риторики 2000, с. 29]).

Вышеназванные компоненты содержательно характеризуют ситуацию порождения. Структурообразующими же компонентами ситуации порождения являются время и пространство: «Текст

создается в определенной единственной ситуации связи – субъективной ситуации, а воспринимается в зависимости от времени и места, в бесчисленном множестве объективных ситуаций» [Пятигорский 1996, с. 18)].

Описание проявлений категорий пространства и времени в текстах разной родовой и функциональной отнесенности в настоящее время можно представить в виде следующих положений:

1. дифференцированное описание (четкое разграничение и определение пространства и времени):

а) хронотопическое описание восходит к идеям М.М. Бахтина о «слиянии» в художественном тексте пространства и времени;

б) описание «точки зрения» в тексте (идеи Б.А. Успенского, В.Н. Волошинова, Г.А. Гуковского и др.), которая может рассматриваться в разных аспектах: идейно-ценностном, пространственно-временном, аспекте позиции наблюдателя, определения субъекта речи и т. д.

2. Континуальное (нерасчлененное) описание, при котором время и пространство не расчленены: время и пространство «теряют» свои грамматические и содержательные характеристики. Так, например, аргументативные тексты (пресс-релизы, реклама и т. д.) характеризуются временем универсальным, соединяющим характеристики прошлого, настоящего и будущего. Компонент настоящего обусловлен тем, что аргументация происходит в настоящий момент, сейчас. Компонент прошлого обусловлен наличием определенного опыта и объема информации у субъектов аргументирования до начала аргументации. Компонент

будущего представляет собой возможность моделирования аргументативного процесса и прогнозирования результатов. Пространство в аргументативных текстах включает в себя, кроме собственно физического пространства, еще и информационное, интеллектуальное, культурологическое и другие виды пространств.

Аспект выбора говорящим речевого жанра связан с определением речевого жанра «не как относительно устойчивого тематического, композиционного и стилистического типа высказывания, а текста» [Федосюк 1997, с. 26]. Речевой жанр, по Бахтину, характеризуется смысловой завершенностью и сменой субъектов речи. Но такой подход не квалифицирует как жанры такие тексты, как спор, дискуссия, беседа. Каждый из такого рода текстов обладает специфическими чертами, но представляет собой совокупность высказываний, принадлежащих разным говорящим. Определение речевого жанра как типа текста позволяет считать жанрами такие разновидности текстов, как предисловия, посвящения, эпилоги и т. п., так как границами этих текстов не является смена субъектов речи. Каждый из названных типов текстов обладает своими тематическими, композиционными и стилистическими особенностями, во многом аналогичными особенностям тех разновидностей текстов, которые принято считать жанрами. При таком подходе разграничиваются элементарные и комплексные речевые жанры. «Под элементарными речевыми жанрами понимаются такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. К числу элементарных

речевых жанров относятся, например, сообщение, похвала, приветствие или приказ. Что же касается комплексных речевых жанров, то эти типы текстов состоят из компонентов, которые, в свою очередь, представляют собой тексты определенных жанров. Комплексные речевые жанры могут быть монологическими, т. е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (например, утешение, убеждение, уговоры), и диалогическими, состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа дискуссия, спор или ссора)» [Федосюк 1997, с. 26].

Кроме условий осуществления коммуникативного акта и выбора говорящим речевого жанра, в описании ситуации порождения текста выделяются и сугубо языковые способы усиления смысла в ситуации порождения. К подобным способам относятся:

1) неординарная (оказиональная) сочетаемость элементов текста (как семантическая, так и формально-структурная);

2) так называемое «эмфатическое напряжение» – уровень эмоциональной насыщенности текста, соотносимое с категориями тональности текста и субъективной модальности;

3) «глубинное (батизматическое) напряжение», возникающее в результате наложения на лексическую семантику различных текстовых смыслов, влияния содержания композиционной структуры произведения, а также различных экстралингвистических (например, культурологических) факторов [Мухин, 1997, с. 164].

Понимание как способ включения текста во внетекстовую действительность. Сущность и

механизм интерпретации. В настоящее время в лингвистике сложились разные подходы к пониманию и интерпретации текста. Первый исходит из того, что «интерпретация представляет собой получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний (В.З. Демьянков); второй подход (А.В. Бондарко) сосредоточен на изучении интерпретационного компонента в содержании языковых единиц, дифференциации и взаимодействия мыслительной основы и ее языковой интерпретации (способе представления), которая реализуется в различных типах структурирования смысла. Можно также говорить об интерпретации своего/чужого поведения» [Трипольская 2001, с. 3]. Таким образом, текст, включаясь во внетекстовую деятельность, выступает и как результат интерпретации, и как средство интерпретации, и как внешние условия интерпретации.

Текст как результат интерпретации представляет собой итог освоения и адаптации слушающим содержания исходного, передаваемого говорящим, текста. Это принятие полученной информации и включение ее в картину мира слушающего: «Понять текст, освоить его содержательность – значит для меня обратить весь мой опыт на текст и при этом принять его содержательность так, чтобы она стала частью моей субъективности, затем разделить его содержательность как отражение чужого опыта в согласии с моим опытом, далее выбрать из этого деления (неявно протекающего анализа) то, что мне надо для моей деятельности» [Богин 1982, с. 3].

Текст как средство интерпретации рассматривается в том случае, когда речь идет о функционировании интерпретационного механизма. В качестве значимого компонента в интерпретационный механизм включается пресуппозиция: «пресуппозиция – это компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание можно назвать фоновым знанием. Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста. Фоновые знания – это знания реалий и культуры, которыми обладают говорящий и слушающий» [Валгина, 2003, с. 13]. Именно от пресуппозиции зависит «запуск» интерпретационного механизма: фоновые знания определяют, какой компонент содержания текста нуждается в дополнительном истолковании или в каком компоненте значения заключен имплицитный смысл. Механизм интерпретации субъективен. Качественный состав пресуппозиции определяет доминанту интерпретации: будь это категория образа автора, категория семантики структуры текста, лексические способы интерпретации или аргументация как способ интерпретации.

По мнению Ю.Н. Караулова, аргументация является достаточно типичным и частотным механизмом интерпретации, так как изначально индивидуальна-субъективна. «Аргументация всегда адресована – адресована определенной личности или группе людей. В этом отношении ее можно противопоставить доказательству, которое бывает безадресным, универсально приложимым к любому кругу оппонентов и универсально используемым любым кругом

оппонентов» [Караулов 2002, с. 245]. С точки зрения аргументации, механизм интерпретации представляет собой функционирование модели поискового поведения говорящего и слушающего.

Аргументативная деятельность имеет взаимонаправленный вектор воздействия: говорящий формирует модель аргументативного поискового поведения для слушающего, слушающий, в свою очередь, «работает» по программе аргументации, которая задана говорящим. Взаимонаправленность формирования аргументативной деятельности встраивается в риторическую модель речевой коммуникации: говорящий вербализует аргументативную модель, слушающий понимает аргументативное намерения говорящего. Адекватность способов вербализации и понимания обеспечивается «идеологическим монизмом, единством точек зрения, модальной установки» [Купина 1995, с. 53]. Поисковое поведение рассматривается как последовательность действий говорящего и слушающего, связанных с целенаправленным членением следующих компонентов поля аргументации: спорного положения, тезисов, аргументов, – и построением из этих компонентов аргументативной структуры текста. Причем в модусе поискового поведения аргументативная структура текста принципиально одготезисна, так как наличие тезиса, опровергающего спорное положение, является избыточным, поскольку снимает целенаправленность «поиска», дает возможность интерпретации (ср. идею Н.А. Купиной о «структурной определенности сверхтекста идеологем... текстовых образований неканонического типа, структурированных однотипно» [Купина 1995, с. 53]). Сущностью модели поискового поведения является

аргументативная программа, имеющая психологический и риторический уровни формирования.

Психологический уровень предполагает организацию говорящим этапов деятельности слушающего, последовательно реализуя которые, слушающий приходит к убеждению. Отправной точкой является анализ говорящим потребностей слушающего. Определяются иерархия потребностей, выделяются квазипотребности и псевдопотребности (ср.: «формирование специфических человеческих предметно-функциональных потребностей водит в круг потребностей невитальные потребности, необходимость которых никак не «контролируются» объективными условиями существования человека... особенно в сфере социальных и социально-психологических отношений» [Тарасов 1974, с. 45]), определяются смыслообразующий мотив деятельности, придающий личностный характер, и мотив-стимул, выполняющий роль дополнительного побуждающего фактора.

Вторым этапом является этап оперирования потребностями: либо смыслообразующий мотив ведущего типа деятельности делается основным мотивом деятельности, либо происходит переиерархизация мотива деятельности Аудитории. Таким образом, оперирование потребностями происходит либо при помощи перестройки иерархии потребностей, либо при помощи актуализации потребностей. Результатом актуализации потребности является появление квазипотребности (сверхпотребности), результатом переиерархизации появляется псевдопотребность (ложная потребность). Способами оперирования потребностями служат способы создания дополнительных психологических ценностей, способы создания имиджа и

т. д. Результатом является создание поискового поведения. Данный этап выделяется условно, так как оперирование потребностями уже закладывает модель поискового поведения, тем не менее, выделение данного этапа важно с точки зрения результативности. Модель поискового поведения предполагает организацию говорящим кода деятельности слушающего. Модель включает этапы деятельности слушающего, последовательно реализуя которые, достигается прогнозируемый говорящим результат. Данные этапы кратко сформулированы в известной формуле аida: а (attention) – означает внимание, і (interest) – интерес, d (desire) – формирование мотивации, а (action) – ответная реакция, действие слушающего.

Риторический уровень связан с построением аргументативной модели поискового поведения. Данная модель предполагает адекватность выбора аргументов в зависимости от проблемной ситуации, сформированной в ходе аргументации: «В силу того, что альтернативы выбора способов раскрытия конфликтных ситуаций не даны а priori, они конструируются ответственным за принятие решения лицом, и правила конструирования альтернатив оказываются важнейшим моментом в принятии решений. При конструировании альтернатив большое значение имеет аргументация в пользу включения тех или иных альтернатив в список значимых» [Сергеев 1998, с. 4–5].

Риторический способ конструирования альтернатив (или адекватного подбора аргументов в зависимости от сферы коммуникации) связан с построением «нормативной модели аналитико-аргументативного понимания, что должно выступать в качестве базы для обоснования... объяснительной концепции понимания

текста» [Залевская 2001, с. 38]. Риторическое понимание включает в себя собственно лингвистические, коммуникативные, семиотические характеристики.

Собственно лингвистической характеристикой является способность аргументативной композиции быть реализованной в аспекте горизонта ожидания и обманутого ожидания. Аргументативная композиция предполагает наличие следующих компонентов: начато (включает вступление, главную мысль, разделение), середина (включает изложение, обоснование, опровержение) и заключение (обобщение (вывод) и воззвание). Начато связано с формулированием спорного положения и предложением способов решения проблемы (выдвижением тезисов), что связано с реализацией функции представления говорящего и завоеванием слушающего. Данная функция имеет воплощение на этапе оперирования потребностями (attention, interest). Композиционная середина связана с аргументативной разработкой спорного положения, следовательно, реализуется функция изложения аргументативной структуры. Композиционное завершение выполняет функция разработки программы деятельности для слушающего, что соотносится с этапом desire.

Представленная композиция реализуется в зависимости от поля аргументации: композиция может иметь прямой и обратный характер (например, обратная композиция начинается с изложения аргументов и заканчивается формулировкой спорного положения; может быть пропуск системы аргументов или неявная формулировка тезиса). В случае представления инвариантной композиции слушающий «работает» в режиме прогнозирования появления последующего компонента (горизонт ожидания). Реализованная модель

композиции предполагает нарушение прогноза, что дает эффект неожиданности, привлекает внимание, возникает «синтагматическое напряжение (термин В.Г. Адмони), появляющееся в синтагматическом ряду в процессе развертывания этого ряда как соотношение между предшествующим и последующим компонентами композиции» [Мухин 1997, с. 354]. Данное напряжение имеет эффект обманутого ожидания.

Когнитивные характеристики заключены в способности формировать аргументативную модель понимания текста, что соответствует идее о «языке как эффективном средстве внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента. Язык, таким образом, выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов» [Сергеев 1998, с. 7]. В процессе порождения аргументативного текста (как и в процессе понимания) информация трансформируется. На первом этапе трансформации говорящий создает некоторый образ текста. Это этап появления аргументативного намерения. На втором этапе аргументативное намерение корректируется: образ текста приобретает аргументативные характеристики, задающиеся полем аргументации. Данный этап определяется как межтекст, так как его онтологическим свойством является принципиальная возможность качественного преобразования информации. В результате преобразования появляется квазитекст (третий этап преобразования информации): аргументативное намерение преобразуется в аргументативную уверенность. На четвертом этапе после отбора аргументов и языковых средств, реализующих эти аргументы, появляется собственно текст.

Этапы преобразований *образ текста – межтекст – квазитекст – текст* описывают формальную модель порождения и понимания аргументативного текста и представляют внешний когнитивно-деятельностный механизм аргументативной деятельности. Внутренний механизм определяется многоаспектной природой аргументации. Каждый из аспектов аргументации (логический, психоинтеллектуальный, композиционно-структурный, тактико-стратегический) формирует особое поле аргументации в зависимости от характера выполняемой им функции. Поля функций, сформировавшись автономно, образуют динамическую структуру гиперполя аргументативной функции. Ядерным компонентом гиперполя выступает доминирующая аргументативная функция. Периферийные компоненты – условия и способы реализации доминирующей функций. Основными характеристиками гиперполя аргументативной функции являются множественность полей функций, динамичность структуры, пересечение периферийных компонентов (подробнее о структуре гиперполя см. [Качесова 1999, с.80]). Таким образом, механизм порождения и понимания аргументативного текста имеет два уровня: внешний когнитивно-деятельностный механизм преобразования аргументативного намерения в аргументативную уверенность и внутренний, связанный с динамичностью гиперполя аргументативной функции.

Семиотические характеристики обусловлены описанными Ю.М. Лотманом особенностями порождения текста. По мнению Ю.М. Лотмана, неадекватность агентов коммуникации превращает сам факт несовпадения семиотических систем говорящего и слушающего из пассивной передачи информации в

конфликтную игру. В ходе игры каждая сторона стремится перестроить семиотический мир противоположно по своему образу и одновременно заинтересована в сохранении своеобразия своего контрагента [Лотман 1996, с. 13]. В аспекте аргументации «конфликтная игра» имеет вид проблемной ситуации, реализованной посредством выделения компонентов поля аргументации; «стремление переделать мир» репрезентирует сущность поискового поведения в аргументативной деятельности.

Таким образом, при формировании аргументативной структуры текста выделяются психологический и риторический способы репрезентации аргументативной программы, что связано с моделью поискового поведения. Данная модель описывает целенаправленность порождения текста говорящим и адекватность понимания текста слушающим. Психологический способ связан с оперированием потребностями, созданием психологического кода деятельности слушающего. Риторический способ связан с построением аргументативной модели поискового поведения, что, в свою очередь, основывается на собственно лингвистических, коммуникативных, семиотических характеристиках понимания.

Особенности формирования аргументативной структуры имеют многоплановый характер и связаны с многоплановостью композиционной реализации аргументативной структуры текста. Выделяются когнитивный, коммуникативный, семиотико-прагматический способ реализации. Предлагаемый анализ основан на идее конструирования аргументативных альтернатив, что находит отражение в порождении аргументативно-синтаксической структуры

текста. Под конструированием понимается способность аргументативной структуры текста к свертыванию и развертыванию. Когнитивный аспект предполагает рассмотрение композиции текста как предикатно-актантной структуры, в коммуникативном аспекте выдвигается описание зависимости компонентов аргументативной структуры текста от типа текста, семиотико – прагматический аспект выявляет соотношение смысловых зон текста и компонентов аргументативной структуры.

Рассмотрение текста в виде внешних условий интерпретации обусловлено складывающейся в настоящее время тенденцией описания текста как формальной единицы культуры, а культура составляет наивысший уровень языковой системы. «Такой взгляд на текст предполагает исследование его семиотической природы в непосредственной связи с изменчивостью его смысловой структуры, подвижностью и разнообразием возможностей его прагматической сущности» [Васильева 1997, с. 152]. Исходя из предложенной В.В. Васильевой трактовки, механизм преобразования любого текста в текст-интерпретацию служит основой для создания лингво-культурологической модели текста.

Межтекст как способ включения текста во внетекстовую действительность.

Сущность межтекста. Межтекст представляет собой модель взаимодействия механизмов порождения и интерпретации как способов включения текста во внетекстовую действительность. Текст во внетекстовой действительности может проявлять себя в двух ипостасях: как компонент, включенный в ситуацию, и как компонент, участвующий в различного рода

эвокационных и трансформационных процессах. В первом случае межтекст репрезентирует модель получения текстом ситуативных характеристик (в виде текста, адаптированного к ситуации), во втором – модель взаимоотношений между разными текстами в ситуации. Сущность межтекста фантомна (моделируема), хотя способы его реализации функциональны и ситуативны.

Межтекст – промежуточный коммуникативно-деятельностный этап межтекстовой трансформации. Он интегрирует как черты текстов, включенных в процессы эвокации и трансформации, так и характеристики самой ситуации. Это своего рода модель взаимоотношения и взаимовключения текстов, вовлеченных в коммуникативный акт. Межтекст – адаптивная единица, подстраивающая текст под ситуацию (ситуационная модель, по Т.А. ван Дейку). Адаптивный механизм функционирования межтекста позволяет любым текстам в коммуникативном акте получать (либо восстанавливать) характеристики ситуации, необходимые для успешного протекания коммуникативного акта: «В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции... Мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь. Использование моделей объясняет, почему слушающие прекрасно понимают имплицитные и неясные фрагменты текстов – в этом случае они активизируют соответствующие фрагменты ситуационной модели» [ван Дейк 1989, с. 59].

Механизм функционирования межтекста. Для описания процесса взаимодействия механизмов

порождения и интерпретации «необходимы «крупные» единицы, идет ли речь о моделях порождения и схемах их разворачивания, о номинативных блоках, превышающих по своей протяженности простое слово, или, наконец, о таких сложных структурах сознания, как фреймы, сцены или сценарии, которые во многом определяют рождающиеся речевые высказывания и выбор средств для их реализации» [Человеческий фактор в языке 1991, с. 7]. Межтекст – своеобразная инвариантная внутренняя форма механизма преобразования, содержащая знания о всех этапах трансформации в виде определенного набора схем и цепочек трансформаций. Межтекст – абстрактное понятие, находящееся в одном ряду с такими понятиями, как текстовый пакет информации (В.И. Герасимов, В.В. Петров), внутренняя форма текста (И.Д. Голев), ситуативно-речевой блок (А.А. Чувакин) и т. д. Для обозначения подобных явлений (своего рода «черных ящиков» – известного, что находится на входе и выходе, но не известного, что внутри) в лингвистической литературе употребляются самые различные термины, в зависимости от аспекта изучения: «в литературе используется ряд терминов для обозначения отраженной в человеческом сознании внеязыковой действительности: фреймы, сценарии, схемы, планы и т. п. Они представляют собой «пакеты» информации (хранятся в памяти), обеспечивая адекватную когнитивную обработку знаний о реальной же действительности» [Соколов 1993, с. 3].

Статус межтекста определяется его промежуточным положением. Являясь синтезирующим абстрактным мыслительным образованием, межтекст функционирует как инвариантная структура процесса взаимодействия:

межтекст «стягивает» начальный и конечный этапы преобразований, объединяя тексты разных типов и ситуацию. В процессе порождения стадия межтекста – это этап подготовки мысли к объективации, этап начинающейся речемыслительной деятельности, который связывается с поиском схемы процесса преобразования. Это относится к так называемым «предречевым стадиям речевой деятельности, которые фактически приходятся на фазы трансформации потока сознания в вербализованное или вербализуемое образование, когда носители личностных смыслов, имеющие вплоть до этого момента самые разные формы и субстраты, приобретают, наконец, квазивербализованную – в виде внутренних слов – или собственно вербализованную – в виде реальных языковых знаков, – но еще интериоризованную форму» [Человеческий фактор в языке 1991, с. 15]. Такое определение межтекста позволяет рассмотреть его статус как внутреннюю форму процессов преобразования. По Н.Д. Голеву, внутренняя форма текста – это тот изначальный элемент, из которого закономерно «вырастает» речевое произведение в единстве его формальной и содержательной сторон; в плане синхронного генезиса – это зародыш, предвосхищение формы, формирующегося содержания. Это источник разнообразия внешних форм и одновременного его преодоления, т. е. источник целостности. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о промежуточном статусе межтекста в процессе коммуникации и определить его как абстрактную структуру, в которой происходит «растворение» текстовых и ситуативных характеристик.

Введение в структуру коммуникативного акта межтекста объясняет функционирование процесса

преобразования: проходя через стадию промежуточного звена (своеобразного «черного ящика» – промежуточного этапа преобразований, где на входе содержится непреобразованный текст, на выходе – ситуационно адаптированный, а между ними – когнитивная структура – межтекст), механизм порождения адаптируется к механизму интерпретации. Межтекст не только сопрягает формальные и семантические характеристики преобразованного и непреобразованного текстов, но и именно в межтексте происходит подбор характеристик ситуации, необходимых для успешного осуществления коммуникации.

Усложнение коммуникативного акта происходит под влиянием интенции автора («завершенность/незавершенность описания объекта можно считать исчерпывающим с точки зрения тех целей и задач, которые ставят перед собой коммуниканты» [Мурзин, Штерн 1991, с. 43]). Межтекст появляется на фоне разности интенций автора. Так, например, у В. Шукшина при преобразовании текстов рассказов в тексты киносценариев разность интенций проявляется таким образом: в первом случае доминирует интенция создания эпического произведения, в другом случае – создания киносценарного произведения. Межтекст сталкивает разные свойства двух родов литературы. В межтексте же происходит и членение эпического текста на кадры; результатом функционирования межтекста является композиционно-синтаксическая аранжировка киносценарного текста. В процессе трансформации вторичные тексты приобретают качественно отличающиеся от эпического текста композиционно-синтаксические структуры.

Предложенную модель трансформационных преобразований синтаксической композиции эпического текста в синтаксическую композицию киносценарного текста (первичный текст – межтекст – вторичный текст) можно считать инвариантной моделью для подобного рода трансформаций текстов В. Шукшина, а наполнение этой модели происходит вариативно, в зависимости от композиционных особенностей первичных текстов.

Межтекст как модель взаимодействия разных типов текстов. Моделирование взаимодействия текстов разных типов является достаточно большой проблемой. Это связано, в первую очередь, именно с **разностью** (типологической, жанровой, родо-видовой и т. д.) текстовой онтологии. До настоящего времени не существует универсальной модели, описывающей случаи разнотекстового взаимодействия, так как невозможно унифицировать все способы текстовой жизнедеятельности такого рода. Межтекст является одним из вариантов, репрезентирующих взаимопроникновение текстов. Например, межтекст как модель, организующая взаимодействие разных типов текстов, работает при преобразовании текстов рассказов в киносценарные тексты.

В частности, текстовое взаимодействие такого рода присутствует в кинопрозе В. Шукшина, для которой характерно выстраивание трансформации текстов эпических (первичных) в тексты киносценариев (вторичных). В ходе преобразования эпического текста в киносценарный В. Шукшин подвергает наибольшим трансформациям синтаксическую композицию обоих типов текстов. Все изменения в синтаксической

композиции, происходящие в ходе преобразований, составляют три группы трансформаций:

1. Трансформации, содержанием которых является ввод новых компонентов в синтаксическую композицию вторичного текста. Такими компонентами являются часть абзаца, целый абзац, часть диалогического единства, часть сложного синтаксического целого.

2. Трансформации, связанные с внутрикомпонентными структурными изменениями (как ввод, так и опущение какой-либо части фрагмента синтаксической композиции). Такие преобразования вызываются вводом или опущением части абзаца, сложного синтаксического целого или диалогического единства.

3. Трансформации, имеющие межкомпонентный характер. В подобных трансформациях вводятся новые абзацы и диалогические единства. Структура одного абзаца преобразуется в несколько абзацев и т. д.

В первом типе трансформаций деления киносценарного (вторичного) текста на кадры не происходит, так как в процессе преобразований не образуется мизанкадр. Трансформации актуализируют фрагмент синтаксической композиции первичного текста для организации единого сюжетного повествования. Например, введение в текст киносценария «Ваш сын и брат» реплик: «Пишут ребята», «Ребята-то как?», «Да редко пишут. Ничего вроде. Игнат хвалится. А Максим – на стройке» – уточняет количество героев, организует тексты рассказов, обладающие изолированными сюжетными линиями, в текст киносценария с одним сюжетом.

Вторая группа трансформаций включает внутрикомпонентные преобразования синтаксической композиции и связана с необходимостью усилить, выделить какой-либо жест, позу, интонацию героя. Данный тип связан с введением режиссерской правки, с необходимостью расстановки героев в мизанкадре. Например, введение в текст киносценария «Ваш сын и брат» эмфатического «А мне – хоть бы хны!» актуализирует эмоциональный настрой сцены, усиливает сему волнения.

Третья группа трансформаций – межкомпонентные трансформации, они связаны с требованием покадровой передачи информации. Преобразования происходят вследствие необходимости будущего экранного воплощения текста. Имея в виду будущее звуко-зрительное, экранное воплощение текста, автор членит текст не на фрагменты текста, а на кадры, которые организует в мизанкадры – с расстановкой героев, выверенностью их жестов, поз. Возникает необходимость «изобразить картинку». Изменения в композиционно-синтаксической организации – это прежде всего те изменения, при помощи которых либо свертывается ненужный, излишний, «некинематографический» (т. е. не работающий на изображение и звучание) компонент структуры текста, либо текст развертывается за счет ввода кинематографических компонентов. Функция данной группы трансформаций – быть своеобразным «руководством к действию» для режиссера. Например, В. Шукшин вводит в текст киносценария «Странные люди» прямое режиссерское указание: «Домой Чудик пришел часу в шестом. Шел и ясно себе представил, как он сейчас весело расскажет, как он чуть было не стал

киноартистом. Как все будут от души смеяться (немое изображение: Чудик рассказывает брату, его жене, детям, показывает, как они репетировали с режиссером; все покатываются со смеху, даже маленький в разрисованной колясочке)».

Вышеназванные процессы моделируются в межтексте – абстрактном образовании, которое выполняет связующую функцию между эпическим и киносценарным текстами в процессе текстообразования. Межтекст сопрягает композиционно-синтаксические структуры первичного и вторичного текстов, в межтексте происходит членение эпического текста на кадры киносценария. В межтексте происходит изменение коммуникативного статуса компонентов синтаксической композиции первичного текста. Межтекст – инвариантная внутренняя форма механизма преобразований эпического текста в киносценарный, содержащая знания обо всех этапах трансформации в виде определенного набора схем и цепочек трансформации.

Модель образования синтаксической композиции (первичный текст – межтекст – вторичный текст) является инвариантной моделью усиления кинематографического потенциала и рассматривается в качестве инвариантной модели межродовой трансформации. Вариантные реализации модели в исследовании определяются в зависимости от коммуникативных особенностей Говорящего. Осуществляемая Говорящим форма коммуникативной деятельности (эпическая или киносценарная) определяет способы структурно-семантического переразложения синтаксической композиции.

Межтекст как модель включения текста в ситуацию. Одной из характеристик межтекста является его адаптивная потенция. Межтекст как внутренняя форма преобразований непосредственно связан с механизмом ситуативного приспособления текста. Так межтекст, например, задает способ включения текста в аргументативную деятельность, адаптирует текстовые механизмы к ситуативным характеристикам, создает базу появления аргументативных характеристик текста.

Аргументативные характеристики текста мало изучены; они уникальны. До сих пор в современной литературе открытыми остаются вопросы: любой ли текст можно считать аргументативным текстом; как определить сущностные характеристики текста в аспекте аргументации; можно ли считать текст компонентом аргументативного процесса и каковы его функции? (См. работы Х. Перельмана, Т.Г. Хазагерова, М.И. Панова и др.).

Появление аргументативного текста является, во-первых, результатом функционирования когнитивной модели аргументативной деятельности (далее будет именоваться К-модель аргументации), во-вторых, обусловлено существованием поля аргументации. Следовательно, условиями приобретения текстом аргументативных характеристик являются существование К-модели и действие К-модели в поле аргументации.

1. Когнитивная модель аргументативной деятельности.

В процессе порождения аргументативного текста информация проходит несколько этапов трансформаций. На первом этапе аргументатор (первый субъект аргументации S1) создает некоторый **образ текста**. Это

этап появления аргументативного намерения (далее А-намерение), которое формируется посредством модальностей «я хочу, мне необходимо, я должен говорить то-то». На втором этапе А-намерение корректируется: образ текста трансформируется в когнитивную модель, сущностью которой является приобретение образом текста аргументативных характеристик (аргументативные характеристики диктуются полем аргументации). Данный этап определяется как **межтекст**, так как его онтологическим свойством является принципиальная возможность качественного преобразования информации. В результате преобразований появляется **квазитекст** (третий этап трансформаций), его содержание определяется модальностью «я должен это сказать». А-намерение преобразуется в аргументативную уверенность (далее А-уверенность). На четвертом этапе после отбора языковых средств появляется собственно **текст**, который передается аргументируемому (второй субъект аргументации S2).

Этапы преобразований **образ текста – межтекст – квазитекст – текст** описывают формальную модель порождения аргументативного текста. Содержание модели определяется трансформацией А-намерения в А-уверенность посредством диктата полем аргументации аргументативных характеристик. Схематично модель выглядит следующим образом:

S1 —	Образ текста	— Межтекст	— Квазитекст	Текст — S2
	<i>А-намерение</i>	Диктат-А-характеристик	А-уверенность	

Р и с . 4 . 1 . К о г н и т и в н а я м о д е л ь а р г у м е н т а т и в н о й д е я т е л ь н о с т и

Модель преобразований **образ текста – межтекст – квазитекст – текст** рассматривается в качестве внешнего когнитивно-деятельностного механизма порождения аргументативного текста. Внутренний механизм связан с многоаспектностью явления аргументация и представляет собой сложно организованную полевую структуру. Каждый из аспектов аргументации (логический, психоинтеллектуальный, композиционно-структурный, тактико-стратегический) формирует особое поле по характеру выполняемой им функций. Поля функций, сформировавшись автономно, образуют динамическую структуру гиперполя аргументативной функции. Ядерным компонентом гиперполя выступает доминирующая функция. Периферийными компонентами являются условия и способы реализации доминирующей функции. Основными характеристиками гиперполя аргументативной функции являются множественность полей функций, динамичность структуры, пересечение периферийных компонентов. Таким образом, механизм порождения аргументативного текста имеет два уровня: внешний когнитивно-деятельностный механизм преобразования намерения в аргументативную уверенность и внутренний, реализующийся на этапе межтекста и связанный с динамичностью гиперполя аргументативной функции.

2. Поле аргументации и его характеристики.

Традиционно поле аргументации определялось как совокупность «спорного положения, множества аргументов с вытекающими из них тезисами, правилами приемлемости доводов» [Курбатов, 1996, с. 194]. Данное определение описывает поле аргументации как один из структурных компонентов аргументативного процесса и

не учитывает коммуникативной обусловленности аргументирования. Более продуктивным является представление поля аргументации в качестве коммуникативно-предметного пространства. Коммуникативно-деятельностный подход к аргументации позволяет рассматривать поле аргументации как область проявления аргументативной деятельности с позиций структуры аргументации, статуса и функций субъектов аргументирования, особенностей творческого моделирования аргументативного процесса, места и времени осуществления аргументации, учета предметного наполнения и т. д.

Поле аргументации – трехмерное пространство, которое характеризуется мерой формы, мерой содержания и мерой сопряженного функционирования.

Мерой формы поля аргументации является его структура. Поле аргументации включает в себя как минимум двух субъектов аргументирования (S_1 и S_2), спорное положение как предмет аргументирования (СП), тезисы (T), многоаспектно раскрывающие спорное положение, систему аргументов ($a_1...a_n$), ситуативный компонент (sit). Схематично это выглядит следующим образом:

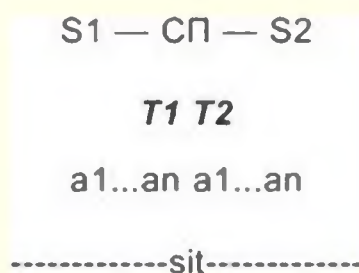

Рис. 4.2. Мера формы поля аргументации

Мера содержания поля аргументации определяется взаимодействием субъекта аргументирования с его коммуникативным и предметным окружением.

Коммуникативное взаимодействие определяют информационные потоки, которыми оперируют субъекты аргументирования, способы моделирования и структурирования информационного пространства, степень креативности каждого из субъектов. Предметное взаимодействие определяет материальное окружение субъектов аргументирования. Схематично это выглядит следующим образом:

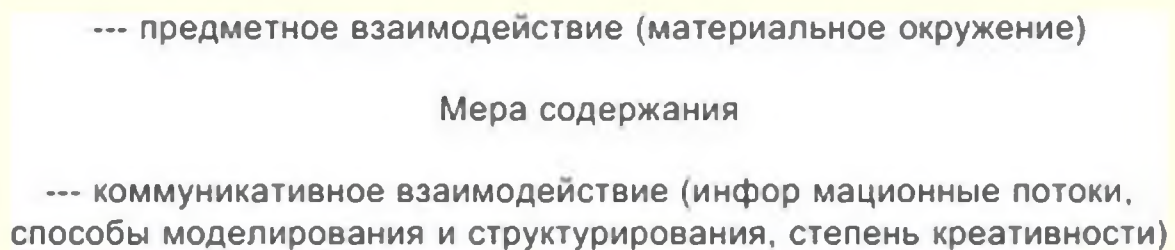

Рис. 4.3. Мера содержания поля аргументации

При сопряжении компонентов формы и содержания поле аргументации начинает функционировать как феномен времени и пространства, которые приобретают аргументативные характеристики. Время существования поля аргументации является временем универсальным, соединяющим прошлое, настоящее и будущее. Компонент настоящего обусловлен тем, что аргументация происходит сейчас (now). Компонент прошлого обусловлен наличием определенного опыта и объема информации у субъектов аргументирования до начала аргументации. Компонент будущего представляет собой возможность моделирования аргументативного процесса субъектами аргументации и прогнозирование результата. Аргументативное пространство включает в себя кроме собственно физического пространства еще и информационное, интеллектуальное, культурологическое и другие виды пространств.

Таким образом, поле аргументации характеризуется сложным составом. Поле включает субъектов, информацию, коммуникацию, материальные объекты, процессы, когнитивные модели и т. д. Наличие внешних и внутренних характеристик, динамическое развертывание пространственного и временного компонентов определяют поле аргументации в качестве сложного объемного образования и делают возможным представление поля как основу репрезентации когнитивной модели аргументации. Поле аргументации не только является базой проявления когнитивной модели, но и само, в свою очередь, диктует образу текста аргументативные характеристики. Развертывание аргументативной деятельности в поле аргументации осуществляется как процесс преобразования А-намерения в А-уверенность при учете требований аргументативных характеристик поля. Именно поле аргументации требует трансформировать информацию, которая содержится в образе текста, в аргументативную информацию (что осуществляется на этапе межтекста).

Этапы порождения аргументативного текста описываются следующим образом. На первом этапе формируется образ текста в качестве идеи «я буду/хочу говорить о чем-либо». Второй этап (межтекст) включает А-намерение в поле аргументации. Субъект1 производит анализ аудитории, определяет способы моделирования информации и способность аудитории к структурированию пространства, выбирает адекватные шаблоны бытового мышления. Второй этап преобразовывает модальность «я буду» в аргументативную модальность; образ текста приобретает аргументативные характеристики. Третий этап (квазитекст) трансформирует А-намерение в

А-уверенность (в тексте формируется модальность «Я знаю, что произошло то-то»). В результате всех преобразований после выбора адекватных языковых средств появляется собственно текст.

Итак, аргументативный текст появляется как завершающий этап деятельности когнитивной модели аргументации. Его появление осуществляется на базе функционирования поля аргументации.

4.3. Текст и другие тексты

Отношение текста (данного конкретного к другим) вошло в сферу интересов теории текста на современном этапе ее развития, хотя своими корнями эта проблема уходит в филологию как практическую деятельность: прежде всего переводческую, в область библиографических описаний произведений печати, обучения (традиционные виды работы по развитию речи: изложение, пересказ, сочинение др.).

В 70 —80-е годы XX в. фокус интересов теории текста переместился с отдельно взятого текста на текст в его связях с человеком, окружающими текстами, на совокупность текстов. Этому способствовали такие фундаментальные изменения современной науки последней четверти века, как развитие системного подхода, принципа деятельности, антропоцентрический поворот, которые стали своего рода визитной карточкой науки нашего времени, а также идеи о взаимодействии текстов, высказанные в предыдущие десятилетия. Имеется в виду, например, концепция чужой речи М.М. Вахтина и филологов его круга, функциональная по своей сути. В соответствии с этой концепцией чужая речь в тексте интерпретируется как переработка и передача

чужого высказывания [Волошинов 1929, с. 150 и след.]. В более широком плане мысль о взаимодействии текстов проведена в посмертной публикации М.М. Бахтина: «Текст как высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы. Текст как своеобразная монада, отражающая в себе тексты (в пределе) данной смысловой сферы. Взаимосвязь всех смыслов (поскольку они реализуются в высказываниях).

Диалогические отношения между текстами и внутри текста» [Бахтин 1997, с. 228].

Отношение текстов друг к другу нашло ряд интерпретаций. Преимущественно это суждения, которые высказываются при описании материала, представляющего собой ту или иную текстовую совокупность. Отношения между текстами осмыслены с позиций учения о синтагматике и парадигматике языка (В.А. Кухаренко, Е.А. Яковлева и др.), о порождении, понимании и образовании текстов (М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, Л.М. Майданова, Л.И. Мурзин, А.А. Чувакин и др.), об интерпретации текста (В.В. Васильева, В.А. Кухаренко, Н.А. Фатеева и др.), об эвокации (А.А. Чувакин, Т.А. Ашихмина, Т.Н. Василенко, С.И. Везнер, Н.А. Волкова, А.С. Гавенко, Т.Н. Никонова, О.В. Новиченко (Марьина), С.Н. Пешкова, Е.А. Савочкина, О.С. Саланина и др.) и др.

Приведенный перечень показывает следующее:

- фактически признается совокупность текстов как феномен;
- в составе текстовой совокупности между текстами выделяется несколько типов отношений, устанавливающихся в процессах:

- порождения и понимания текста;
- функционирования текста;
- образования текста.

Рассмотрим названные типы отношений.

О т н о ш е н и я м е ж д у т е к с т а м и , у с т а н а в л и в а ю щ и е с я в п р о ц е с с е п о р о ж д е н и я и п о н и м а н и я т е к с т а , включают отношения текстопорождения и отношения текстопонимания.

Отношения текстопорождения связывают друг с другом тексты, участвующие в процессе порождения данного текста как продукта, и с последним. Поэтому в совокупности текстов, связанных этим типом отношений, входят помимо текста как продукта еще и тексты, принадлежащие данному говорящему, а также чужие, но осваиваемые и используемые им в процессе порождения собственного, а иногда и включаемые в него (при эвокации). Это разного рода «заготовки» говорящего. Они могут быть зафиксированы на письме, в собственной памяти или памяти компьютера и т. д.

К такого рода текстам-«заготовкам» относятся тексты ряда жанров – планы, фрагменты, выписки, цитаты и др. – будущие коммуникативные блоки будущего текста как продукта. Как свидетельствуют исследователи творчества И. Ильфа и Е. Петрова, работая над «Золотым теленком», писатели составляли обширные списки «аттракционов» (сжато сформулированных сюжетов) и «отыгрышей» (черновых набросков будущих юмористических отступлений). Попадая в роман, например, отыгрыши приобретали на его страницах острое сатирическое звучание. Так, запись «Чем люди занимаются с голодухи – лотереи,

графология, живое фото, почерк с разных сторон, мелкие изобретения» переросла в главе «Снова кризис жанра» в рассуждение о маленьком и большом мирах (Ильф И., Петров Е. Соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 535–536).

Эти «заготовки» могут представлять собой и тексты сознания говорящего, которые актуализируются в процессе текстопорождения. Таковы, например, по данным А.В. Попова, развивающего идеи Ю.М. Лотмана, символы, трансформирующиеся в текст: многие тексты современной русской поэзии Горного Алтая представляют собой трансформации символов гора, кедр, река, конь [Попов 2006].

В *отношения текстопонимания* входят тексты, участвующие в процессе понимания данного конкретного текста, и последний как продукт понимания (в его фактически бесчисленных интерпретациях). По своей жанровой природе они напоминают тексты, составляющие совокупность текстов, связанных отношениями текстопорождения. В разных жанровых формах существует и текст как продукт понимания – в оценочных и квалификативных суждениях, суждениях здравого смысла, обзорах и рецензиях, тезисах, конспектах, лозунгах, призывах, цитатах, «заметках на полях» и др. Поэтому в текстовую совокупность входит широкий спектр текстов устных, письменных, электронных, текстов сознания, текстов поведения и пр. См., например, разные истолкования, данные студентами знаменитому тезису К. Маркса «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»: «Философ, по мнению Маркса, не должен объяснять мир, мир уже объяснен философами. Философ должен изменять мир» (студент А.Б.); «Все философы до Маркса объясняли мир

неправильно. Теперь его надо „дообъяснить“ и „переобъяснить“, после этого его можно изменять» (студент В.Г.).

О т н о ш е н и я м е ж д у т е к с т а м и , у с т а н а в л и в а ю щ и е с я в п р о ц е с с е ф у н к ц и о н и р о в а н и я т е к с т а , включают отношения парадигматические и синтагматические; интертекстуальные и гипертекстуальные; деривационные.

Парадигматические и синтагматические отношения. В.А. Кухаренко [Кухаренко 1988], исследуя художественные тексты в духе идей В.Я. Проппа о моделируемости волшебной сказки [Пропп 1928], пришла к выводу о том, что в основе *текстовой парадигмы*, как и парадигмы языковой, лежат ассоциативные отношения между объектами – в данном случае целостными текстами, самостоятельными, не зависящими друг от друга. Исследователем выделены три парадигмы текста: *ж а н р о в а я , ф у н к ц и о н а п ь н о - с т и л е в а я ,* индивидуально-авторская. Позднее этот список был пополнен тематической парадигмой.

В текстах каждой из парадигм присутствует свой набор парадигмообразующих признаков. Так, описывая рассказы-анекдоты В.М. Шукшина, Т.Н. Никонова показала, что они формируются на основе художественной эвокации таких особенностей анекдота, как смеховость, игровое начало, парадоксальность, краткость [Никонова 2002].

Принципы парадигматизирования, разработанные В.А. Кухаренко, существенны и за пределами материала художественной речи: признаки жанра, стиля, автора и темы суть атрибут любого текста. Отдельного замечания требуют основания индивидуально-авторской парадигмы:

если они значимы для текстов генеральной совокупности, то следует снять указание на индивидуальность автора. Дело в том, что существует большой массив текстов стандартных: аннотации, транспортные и магазинные диалоги, многие реактивные реплики (типа «Ах!») и др. Далее: наряду с индивидуальным автором в коммуникативной практике имеет место автор, например, коллективный, групповой и др. Так, по данным П.А. Маняшша [Манянин 2007], фигура автора текстов газетной рекламы недвижимости и риэлтерских услуг включает как минимум две составляющие: фирму, коммуникативная деятельность которой коррелирует с текстом как замыслом, и редактора, чья коммуникативная деятельность коррелирует с контекстом / средой реализации замысла в новом тексте-1.

В основе *синтагматических* связей между целыми (художественными) текстами В.А. Кухаренко указаны такие типы синтагматических объединений текстов, как цикл и эпопея. Но в синтагматическую цепочку могут входить и тексты нехудожественные: всякий текст в пространстве соседствует с другими. См., например: тексты газетного номера (составного текста, по терминологии Э.А. Лазаревой); текст телепередачи и прерывающий его текст рекламы; вопросно-ответный диалог; совокупность объявлений, помещенных под одной рубрикой или на одной доске объявлений, и др.

Текстовая синтагма и парадигма, в сравнении с языковой, в большей степени подвержена воздействию *Нотом Локуенс*. Прежде всего сам факт вхождения/невхождения текста в синтагму или парадигму зачастую устанавливает именно говорящий (пример: перечень документов, прилагаемых к заявлению о поступлении в учебное заведение высшего

или среднего профессионального образования). Он же активно влияет и на устройство парадигмы и синтагмы (изменение социальных условий в современной России не только вызвало к жизни жанровые парадигмы, например, PR-овских текстов, но и в течение 20–25 лет не раз меняло их состав и отношения).

Интертекстуальные и гипертекстуальные отношения. Тексты, входящие в интертекстуальные и гипертекстуальные совокупности, имеют следующую общую черту: они содержат отсылку к другому тексту. Посредством отсылки данный конкретный текст указывает другие тексты, с которыми он связан. Отсылки выполняют роль «эвокационного фокуса»: в них фокусируется – обычно! – смысловая сторона указываемого текста.

Рассматривая соотношение интертекстуальности и гипертекстуальности, О.В. Дедова отмечает, что если в первом случае связи «демонстративны и наглядны», то гипертекст – это «своего рода» *имплантированная* интертекстуальность – по контрасту с *естественной*, заключенной в самом тексте (курсив наш. – А. Ч.)» [Дедова 2001, с. 33–34].

Таким образом, интертекстуальные и гипертекстуальные совокупности текстов – такие объединения текстов, центром которых является данный конкретный текст, сопряженный с текстами, указываемыми отсылками (в теории гипертекста предпочтительно: ссылками) данного.

Интертекстуальные совокупности текстов как интертекстуальное пространство данного конкретного текста исследуется преимущественно на материале текстов художественной литературы. Это накладывает

свой отпечаток на типологию интертекстуальных элементов и межтекстовых связей (см., например: [Фатеева 2000]). Исследование других типов текста демонстрирует, что интертекстуальные отношения являются универсальными в мире текстов. Э.А. Лазарева показывает, например, интертекстуальные взаимодействия в текстах различных средств массовой коммуникации; это – взаимодействие текстов, составленных из знаков разных семиотических систем, в радио– и телевизионных текстах; сочетание вербальных и иконических произведений в целостном газетном тексте; сочетание вербальных и невербальных элементов при включении рекламного текста в радио-, телевизионный или газетный текст [Лазарева 2000].

Изучение *тшгертекстуальной* совокупности текстов, или гипертекста, связано с развитием электронных средств хранения и передачи информации. Этот факт и обусловил специфику средств гипертекстуальности. В работе [Дедова 2001] констатируется, что способы реализации гипертекстовых ссылок практически не ограничены: слово, часть текста; позиция таблицы или списка; схема, рисунок, фотография, или их часть.

В литературе вопроса предпринимаются попытки распространить понятие гипертекста на тексты, существующие на бумажных носителях. Считается, что тексты, например, Саши Соколова, Б. Акунина. В. Пелевина, Т. Толстой и др. авторов построены как гипертекст. Вот иллюстрация из «Лимпопо» Т. Толстой: «Над густою лебедою гуси-лебеди летят! То как зверь они завоют, то ногами застучат! Гуси-лебеди с усами, – страшно девице одной; это ты, Иван Сусанин? Проводи меня, родной!» [Панова 2001, с. 285–286]. Приведем противоположное суждение критика В. Губайловского: «в

Сети гипертекст – это способ существования любой, в том числе и нетекстовой, информации, и потому гипертекст никак не может быть литературным приемом, каковым он был на бумаге: смешно хвастаться перед рыбами умением нырять: они посмотрят на тебя как на идиота – они здесь живут» (Русский журнал. 2003).

О т н о ш е н и я м е ж д у т е к с т а м и , у с т а н а в л и в а ю щ и е с я в п р о ц е с с е о б р а з о в а н и я т е к с т а , и л и т е к с т о о б р а з о в а н и я . Вопрос о сущности и специфике текстообразования еще не нашел своего решения. Об этом свидетельствует неразличение или неразграничение / методически не строгое разграничение текстопорждения и текстообразования, текстообразования и строения текста, текстообразования как деятельности и как продукта деятельности, неразработанность вопроса о связи текстообразования и деривации, текстообразования и интерпретации и др. Приведем характерное суждение: «Под текстообразованием мы понимаем ту область лингвистики текста, которая исследует **собственно языковые закономерности организации текста** (выделено автором. А. Ч.) и которая традиционно именуется грамматикой текста» [Дымарский 1999, с. 21].

В потоке литературы выделяется работа Л.В. Сахарного [Сахарный 1989], который различает образование, порождение и построение текста, и Л.Н. Мурзина [Мурзин 1982] о деривационных механизмах текстообразования. В работе [Чувакин 1998, с. 23–24] вопрос о процессах текстообразовании связан с деривационными отношениями как типом межтекстовых отношений и высказана гипотеза о складывании в рамках теории текста текстодериватологии как научной дисциплины, задачей которой является исследование

текстообразования. В более поздних работах автора [Чувакин 1999], [Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова 2000], [Чувакин, Пешкова 2004], [Чувакин 2007] и в ряде кандидатских диссертаций, выполненных под его руководством: [Василенко 2008], [Гавенко 2002], [Савочкина 2007] и др., – на основе исследования конкретного материала разработаны некоторые категории и понятия, описывающие отношения между текстами, устанавливающиеся в процессах текстообразования.

Деривационные отношения. Главная задача деривационных процессов в сфере текстообразования состоит в образовании текстов на базе уже существующих в текстовой совокупности текстов.

Если в отношения текстопорождения – текстопонимания входят тексты, участвующие в процессе соответственно порождения и понимания текста, то деривационные отношения устанавливаются между текстами, один из которых является производным по отношению к другому, исходному: «в качестве деривационных следует рассматривать связи, которыми объединяются первичные и, основанные на них, вторичные языковые единицы и которые типичны для отношений между исходными и производными знаками языка» [Кубрякова, Панкрац 1982, с. 8–9]. Таким образом, в данном случае речь идет о текстообразовательной совокупности текстов, с одной стороны, и о совокупности «исходный – производный текст», функционирующей в пределах первой.

Возможность усмотрения деривационных отношений как типа межтекстовых подготовлена рядом факторов:

– всем ходом исследования текста: во многих случаях отношения между текстами по своей сути есть отношения исходного (первичного) и производного (вторичного). Ср.: первичные и вторичные речевые жанры у М.М. Бахтина; признание Р. Бартом каждого текста интер-текстом; исследование И. Смирновым явления интертекста, Вл. Скаличкой – эвокации и др.

Материалы, представленные в ряде монографий и статей, показывают, что отношения между двумя частично совпадающими текстами, легко интерпретируются как отношения между исходным и производным, т. е. как деривационные отношения. Приведем некоторые примеры: Л.М. Майданова рассматривает факты завершения первичного текста, продолжения завершенного первичного текста и др. [Майданова 1994]; Э.А. Лазарева изучает составной газетный текст [Лазарева 1993]; Д.И. Блюменау [Блюменау 1982] описывает процедуры свертывания научной информации, содержащейся в текстах. Рубежное значение как факт постановки проблемы имеют уже упомянутые статья Л.Н. Мурзина и книга Л.В. Сахарного;

– осознанием самими говорящими факта образования своего текста на основе чужого. В качестве иллюстраций служат материалы рубрики «По ходу текста» в журнале «Новый мир». Приведем из того же журнала два следующих суждения, в одном из которых представлена интерпретация чужого (исходного) текста, а в другом – базовая текстообразовательная операция и причина невозможности ею воспользоваться в той ситуации, которую излагает автор: «Но интересно понять, что происходит в произведениях тех, кто кровно и больно связан с теперешней жизнью слова.

Текст, скажем, может исчезнуть вообще, оставив после себя лишь примечания, которых, впрочем, набирается на огромный том, – примечания к когда-то, не здесь и не с нами, происшедшей жизни. Я говорю о книге Дмитрия Галковского "Бесконечный тупик".

Или из текста, при сохранении его грамматической структуры, исчезают значимые слова, слово разлагается в самой сердцевине – в корне, при сохранении видимости жизни в суффиксах и флексиях, как это происходит в текстах Л. Петрушевской...» (Т. Касаткина);

«Пересказать его (Д.С. Лихачева. – А. Ч.) слова я не берусь – слишком важна интонация, важен тон, который, по известному выражению, делает музыку» (С. Аверинцев);

– признанием деривационных отношений одним из типов универсальных отношений в языке. Эта их оценка присутствует, например, в следующих суждениях: «В качестве деривационных следует рассматривать такие связи, которыми объединяются первичные и, основанные на них, вторичные языковые единицы и которые типичны для отношений между исходными и производными знаками языка.

Отношения такого порядка обнаруживаются между единицами одного и того же уровня... и *между единицами разных уровней...* (курсив наш. – А. Ч.)» [Кубрякова, Панкрац 1982, с. 8–9].

Итак, деривационные отношения между текстами, как и между другими лингвистическими объектами, говоря словами Л.И. Мурзина, направлены «на функционально-семантическое преобразование исходной единицы» и ориентированы «либо на создание нового знака, либо на выражение исходным знаком новой

функции» [Мурзин 1976, с. 10]. Textoобразование обеспечивается процессами деривационными вместе с недеривационными процессами (лексическими, синтаксическими, интонационными трансформациями и др.). Деривационные отношения связывают *исходный (первичный)* и *производный (вторичный)* тексты.

Приведем *важнейшие понятия*, посредством которых описываются деривационные отношения между текстами, устанавливающиеся в процессе образования текста.

Производность текста. В отношениях производности могут находиться тексты, если они являются частично совпадающими, или, как писал Л.Н. Мурзин по поводу деривации предложения [Мурзин 1974, с. 48], частично тождественными. Дальнейшая оценка производного текста идет в терминах: «быть сложнее» [Мурзин 1974 с. 48], «быть объясненным с помощью первичного знака» [Кубрякова, Панкрац 1982, с. 8]. Внутренний смысл такого объяснения базируется на тезисах Г.О. Винокура. Рассуждая о производных словах, он писал: есть «слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов» [Винокур 1959, с. 421]. В паре *исходный текст – производный текст* первый признаётся соотносящимся с действительностью (денотативный аспект) и– или выражающим модусные, «собственно» коммуникативные смыслы (целеустановочный, актуальный и др.) непосредственно, а второй – через посредство первого. Данный критерий производности (или при терминологии

первичный – вторичный текст: вторичности), может быть применен при реконструкции отношений между текстами, различающимися / не различающимися и формально (субстанционально).

Приведем иллюстрации: 1) формально (субстанционально) различаются два следующих рекламных объявления: *Продаю муку. Тел.** и *Продаю муку. Высший сорт, 1 сорт. Низкие цены. Сертифицировано. Тел.**; 2) не различается формально текст – составной компонент цикла и «тот же текст» при его изъятии из цикла (автором, издателем, читателем и др.). Так, по данным Н.А. Волковой [Чувакин, Бровки па, Волкова, Никонова, 2000, с. 12–19], субъективно-оценочная модальность рассказа «Первое знакомство с городом», открывающего цикл В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова», при разъединении цикла, квалифицируется как «отрицательная»: доминирующей эмоцией в рассказе является грусть, горечь, связанная с отъездом из деревни; см.: *Как горько мне было уезжать! Мне стало совсем невмоготу; Эх, папка, папка! А вдруг да у него не так все хорошо пойдет в городе?* Однако при чтении рассказа в составе цикла значение «отрицательной» модальности не только нейтрализуется, но уступает место «положительной»: это происходит под влиянием семантики центрального рассказа цикла «Гоголь и Райка» – активного центра цикла с частотными лексемами *праздник, счастье, радость*, выражениями типа *Душа заходится от ликующего делового чувства; чуть не стонал от счастья*; рассуждениями уже взрослого персонажа: *«Я тут частенько восклицаю: счастье, радость, праздники! Но это – правда, так было. Может, оттого, что – детство (...)>>»*.

Таким образом, производный текст, сохраняя свои связи с исходным, отличается от последнего формально-семантически (большей сложностью / простотой) и-или в смысловом отношении. Тексты такого рода признаются *родственными*.

Деривационные процессы текстообразования.

В сфере текстообразования различаются [Чувакин 1998, с. 23] три основных деривационных процесса:

1) *развертывание*, при котором исходный текст получает формально-семантические прибавления. Так, при преобразовании текстов рассказов в текст киноповести, по данным И.Ю. Качесовой, В.М. Шукшин вводит значимые в кинематографическом плане компоненты – прямое «руководство к действию» для режиссера. Например: *Домой Чудик пришел часу в шестом. Шел и ясно себе представлял, как он чуть было не стал киноартистом. Как все будут от души смеяться (немое изображение: Чудик рассказывает брату, его жене, детям, показывает, как они репетировали с режиссером; все покатываются со смеху, даже маленький в разрисованной колясочке)* (курсив наш.

А. Ч.)» [Качесова 1998];

2) *свертывание*, при котором исходный текст получает формально-семантические опущения. Традиционный пример в этом случае – жанр аннотации, которая предполагает глубокое свертывание исходного текста – до ответа на два вопроса: *о чем говорится в исходном тексте? кому это адресовано?* (Предлагаем читателю, завершив знакомство с учебным пособием, обратиться к аннотации.);

3) *усложнение*, при котором исходный текст первично претерпевает не формально-семантические, а функциональные изменения. Пример: по данным А.С. Гавнеко [Гавенко 2002], рекламные тексты, воспроизводимые в романе В. Пелевина «*Generation "П"*» *без видимых внешних изменений, становятся средством пародии. Например: Когда «Парламент» кончился, Татарский захотел курить. Он обыскал всю квартиру в поисках курева и нашел старую пачку «Явы». Сделав две затяжки, он бросил сигарету в унитаз и бросился к столу. У него родился текст, который в первый момент показался ему решением:*

PARLAMENT THE – UNYABA

Но сразу же вспомнил, что слоган должен быть на русском. После долгих мучений он записал:

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

В процессе текстообразования данных конкретных текстов перечисленные процессы во многих случаях совмещаются, модифицируются и пр., а сами производные тексты имеют некое множество исходных текстов и свободно функционирующих текстовых фрагментов (клишированных выражений, прецедентных имен, имен исторических событий и др.), которые составляют *текстообразовательную базу* данного конкретного текста.

Единица и средства текстообразования.

Вопрос о единице текстообразования в научной литературе решается в зависимости от доминирующего представления о сущности самого текстообразования. Так, если М.Я. Дымарскому в текстообразовании видятся собственно языковые закономерности организации

текста, то это определяет понимание названным автором единиц текстообразования, или строевых единицах текста, как устоявшихся в данной культурно-письменной традиции форм языкового воплощения структурных компонентов авторского замысла — *концептуально значимых смыслов*, — закрепляющих относительную автономность (автосемантию) образуемых на их основе компонентов текста и обладающих признаками относительной синтаксической замкнутости, временной устойчивости регулярной воспроизводимости [Дымарский 1999, с. 80–81]. Рассмотрение текста на основе его коммуникативной природы и признания центральной роли категории *Номо loquens* [Чувакин 2004] предполагает нахождение такой единицы текстообразования, которая оказывается значимой и в деятельности говорящего по созданию текста, и в деятельности слушающего по восприятию и пониманию текста. Такая единица, по оценке В.А. Звегинцева [Звегинцев 1996, с. 281], не привязана жестко к ее материальному носителю (единице языка или комбинации единиц языка); упомянутый автор видит эту связь лишь *как правило*.

Этим требованиям отвечает *лексия* (фр. *lexie* от фр. *legere* читать). Лексия – это единица, выделенная Р. Бартом как единица чтения [Барт 1994, с. 424 и след.]. Она не привязана к определенному материальному оформлению; она обеспечивает смыслонесущую функцию. (Ср.: [Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова 2000, с. 10–11])

Лексия обеспечивает деятельность слушающего, т. е. в первую очередь имеет когнитивную значимость: деятельность слушающего является *КОГНИТИВНО*-коммуникативной по своей природе.

Существенна ли лексия в деятельности говорящего, который решает преимущественно коммуникативную задачу? Да, поскольку процесс создания текста имеет *коммуникативно-когнитивную* природу. (Просим читателя обратиться к приведенному в п. 1.2. суждению А.Н. Новикова).

Лексия представлена в тексте различными языковыми и неязыковыми средствами. В их число входят единицы и комбинации единиц разных уровней языка, речевые комплексы (слово, сочетание слов, предложение, более сложное синтаксическое объединение, текстовый блок различной природы, прецедентное имя и прецедентный текст, имя исторического и пр. события, обозначение важного для культуры символа и др.), а также неязыковые средства (пиктограммы, средства параязыка и др.). При использовании последних образуется смешанный (креолизованный) текст, компонентами которого являются языковой и неязыковой тексты (см. имя фирмы: *ПРО100Р*)

Гнездо родственных текстов. В работе [Чувакин 1999] высказана гипотеза о том, что удобным способом систематизации родственных текстов является гнездо родственных текстов, или, по предложению В.П. Даниленко в его выступлении по диссертации Т.Н. Василенко 18.11.2008 г., *текстообразовательное гнездо*. Как отмечает Т.Н. Василенко [Василенко 2008, с. 73] гнездо родственных текстов формируется на основе отношений производности между текстами и характеризуется деривационным взаимодействием текстов. Итак, в структуре текстовой совокупности родственные тексты объединяются в гнезда.

В текстообразовательном гнезде тексты объединяются в парадигмы и цепи. Textoобразовательную цепочку составляют тексты, находящиеся в отношениях последовательной производности [Василенко 2008, с. 107–118]. См. тексты приведенных выше рекламных объявлений: *Продаю муку и Продаю муку. Высший сорт...*

Производные тексты, входящие в гнездо родственных текстов, могут быть рассмотрены на двух уровнях: как новые тексты и как тексты-интерпретации. В первом случае в центре внимания находится факт производности текста, во втором – значимость производного текста в процессе понимания слушающим исходного. Приведем пример исходного текста и производного текста-интерпретации из сферы Интернет-коммуникации (приводимые ниже примеры извлечены из материалов сайта [http:// www.proza.ru/](http://www.proza.ru/)). В паре текст Интернет-миниатюры – текст Интернет-рецензии [Чувакин 2007] первый является производным в жанровом отношении от текста «традиционной» миниатюры, второй – производным опять-таки в жанровом отношении от текста «традиционной» рецензии и текстом-интерпретацией по отношению к исходному тексту Интернет-миниатюры.

Интернет-миниатюра: *Я не хочу взрослеть. Мне страшно. Реально страшно. Разговоры о взрослой жизни, ответственности и принятии решений выбивают меня из колеи. Я пытаюсь убежать, скрыться, лечь на дно, но все мои старания тщетны. Бремя взросления тенью ходит за мной по пятам. <...>* (Пингвинко Пингвинко. Я ищу. И я не хочу взрослеть).

Интернет-рецензия: *Занятно. Первый раз встречаю человека, который не хотел бы поскорей повзрослеть* (Чао Бомбино).

Интерпретационный уровень гнезда родственных текстов в значительной степени зависит от специфики исходных текстов. Так, фундаментальные коммуникативные особенности художественного текста (текучесть, бесконечность, неисчерпаемость) определяют следующие особенности интерпретационного уровня гнезда родственных текстов: различная степень вхождения отдельных текстов и звеньев цепи в систему текстов на данном языке (ср., например, авторская рефлексия по поводу текста; рецензия и научная интерпретация; устное и письменное изложение и сочинение изучающих тексты; отзывы «просто» читателей и «филологически образованных» читателей и др.); особая значимость ассоциативной природы парадигматических отношений между текстами, лабильность и открытость парадигматического ряда – вхождение гнезда родственных текстов в текстовые совокупности, создаваемые средствами других семиотических систем (например, театр, кино как семиотические системы), в текстовые совокупности, существующие на других языках (переводы), в межкультурном пространстве и др.

Выводы

1. Отношение текста к действительности и к текстам обеспечивает существование данного конкретного текста.

2. Отношения текста к внетекстовой действительности представляют собой отношения между

текстовыми мирами говорящего, слушающего и ситуацией. Текстовые миры структурируются взаимосвязанными процессами порождения и понимания. Корреляция миров говорящего и слушающего возможна только при выборе адаптационной модели адекватной ситуации. Осмысление всей совокупности отношений текста к действительности обеспечивает и организует изучение одной из важнейших составляющих «жизни» текста – его отношение к действительности.

3. Проблема отношения текста к текстам в ее целостности в лингвистике является новой и мало разработанной. Из краткого обзора типов отношений видно, что данный конкретный текст находится в многообразных отношениях с другими текстами, существует в сети отношений с ними. Осмысление всей совокупности отношений текста к другим текстам обеспечивает и организует изучение другой из важнейших составляющих «жизни» текста – его отношение к миру текстов.

Вопросы и задания

1. Проанализируйте признаки речевого акта (коммуникативная целеустановка, предмет коммуникации, признаки ситуации, в пределах которой осуществляется коммуникация, социальная характеристика участников коммуникации), реализованные в следующем тексте:

Встречаются две подруги:

– А что сейчас делает Машка?

– Учит литературу!

– Кошмар! Чему она может научить литературу?

2. Опишите способы оперирования потребностями (определяя смыслообразующий мотив деятельности и мотив-стимул) участников коммуникативного акта, отраженные в следующем тексте:

Истинное отношение к нашему системному администратору стало понятным, когда девочки из бухгалтерии приняли общее решение скормить ему тортик двухнедельной давности.

3. Измените систему потребностей (в тексте упражнения № 2) и создайте свой текст, не меняя структуру коммуникативного акта.

4. Определите типы текстов, включенных в текст стихотворения Т. Собакина. Опишите модель межтекстового взаимодействия.

**Как ловкий бегемот
Гонялся за нахальной мухой
В тесной комнате, где было
Много стеклянной посуды
(Немножко Необычное НЕстихотворение)**

Ж
Жжж
Жжжжжжжж
Жжжжж
Жжжжжжжжжжжжж
БАЦ!
Ж... ж...
Жжж
Жжжжжжжжжжжжжжжжж
БАЦ! БАЦ!
Жжжжжж
БАЦ! БУМ! ДЗИНЬ!...
Жжжжжж
ТОП.
Жжжж
ТОП-ТОП.
Жжжжжжжж
ТОП-ТОП-ТОП.
Жжжжжжжжжжжжжжжжжжжж
ШЛЕП!!!
.....
И стало тихо.

5. Исследуйте текстовые характеристики поля аргументации, отраженные в следующем тексте:

(реклама казино-клуба «Премьер»)

Удачной охоты!

В казино-клубе «Премьер» открыта «Охота на ягуара». Главный трофей – хит сезона, уже ставший классикой, автомобиль «JAGUAR S-Type». Дизайн автомобиля в стиле ретро-классики, внешний лоск и роскошь интерьера удовлетворяют самый изысканный

вкус, а его родословная выступает отличной рекомендацией стиля и вкуса своего хозяина.

Обладателем «охотничьей лицензии» может стать каждый гость казино, получивший определенное количество баллов.

Не надо мечтать о Ягуаре – прими участие в охоте и выиграй!

6. Измените характеристики поля аргументации, реализованные в приведенном выше тексте. Определите адаптивный потенциал данного текста. Исследуйте, каким образом изменятся его текстовые характеристики.

7. Изучив материал главы, предложите гипотезу о взаимодействии отношения текста к действительности и к текстам. Проанализируйте небольшой текст (короткий рассказ И. Бунина, А. Куприна, В. Астафьева и др.; рекламное объявление, текст социальной рекламы; высказывание коллеги / приятеля / случайного собеседника и др.) на основе выдвинутой Вами гипотезы.

8. Попробуйте продлить ряд оснований, по которым строится парадигма / синтагма текста. Какие факторы могут стать таковыми? Какие не могут? Предложите объяснения.

9. По вашей оценке, существуют непрямые тексты?

10. Почему в главе не использовано понятие производящего текста?

11. Как соотносятся текстопорождение / текстопонимание и текстообразование?

12. Выберите короткий по протяженности текст и реконструируйте гнездо родственных текстов

относительно избранного вами текста. Что дает эта реконструкция для обеспечения понимания и истолкования данного текста?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Операциональная ориентированность учения о тексте на интерпретативную деятельность слушающего (читающего)

Итак, основные разделы учебного пособия предлагают читателю общетеоретические знания относительно различных аспектов текста: его коммуникативной организации, знаковой природы и вытекающей из нее уровневой структуры, его свойства самоорганизации, а также его места в коммуникативном пространстве, его включенности в интертекстуальные связи и т. д.

Практический аспект общей теории текста предполагает использование этих знаний (конечно, при условии их присвоения) при различных видах работ с текстом, в широком смысле в процессе филологической рефлексии.

Рефлексия – родовое понятие по отношению к пониманию, понимание есть организованность

рефлексии, следовательно, доступна организации как вид деятельности. Рефлексивная деятельность определяется как «средство социального познания того, что для реципиента является новым» [Богин 1989, с. 53]. Следовательно, филологическая рефлексия – специфический, всегда осознанный процесс, в ходе которого реципиент, используя знания о тексте, его структуре, организации, свойствах, стилевой и жанровой природе и пр., извлекает новую информацию о смысловой организации текста – понимает его. Профессионал-интерпретатор в процессе понимания располагает набором ключей – знаний и навыками их использования, в этом смысле его интерпретация принципиальным образом отличается от обыденной читательской рефлексии, хотя последняя может быть объектом специального исследования.

Вопрос о сущности понимания текста – один из самых трудных в филологии. Пониманием текста называют [Там же, с. 53] обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности, и тогда говорят о герменевтической работе с текстом [Богин 1982, 1989, 1994; Арнольд 1974].

Понимание – феномен, в котором оказываются связанными социальное и индивидуальное бытие человека. В интерпретации текста это ведет к последовательному разграничению, с одной стороны, с другой, к установлению связей индивидуально и личностно значимого опыта субъекта с социально наиболее существенными для каждой данной герменевтической ситуации (ситуации, требующей мыслительных усилий) смыслами.

Понимание по своим сущностным характеристикам оказывается связанным, с одной стороны, с другой – отграниченным – с такими понятиями, знание, мышление, сознание. Эти различия согласно концепции Г.И. Богина заключаются в следующих положениях.

Понимание не тождественно знанию, хотя при переходе от процесса понимания к его результату возникает именно знание. Понимание и знание составляют единство. Знание отличается от понимания, как владение отличается от освоения. Кроме того, знание предполагает сохранение в памяти. Знание фиксирует (сокращает подвижность) отражения того, что находится в движении; понимание, наоборот берет объект в движении и целиком. Хранимое в памяти знание влияет на понимание, расширяет его горизонт [Богин 1982, с. 15].

Понимание не мышление. Отдельный человек, выступая в роли реципиента текста, теоретически мыслит редко, а понимает часто. В большинстве случаев люди приходят к мысли через понимание, но в каких-то случаях понимание достигается благодаря мышлению. Поэтому возможна интерпретация уже понятого текста, но возможно и обратное – преодоление непонимания посредством интерпретации. В рефлексивной деятельности оба способа сочетаются: от понимания человек идет к интерпретации, а от нее – к лучшему пониманию, взаимодействия понимания и интерпретации обеспечивают глубину понимания. Понимание не только рациональный процесс, оно является чувственно-рациональным процессом. В чувственную сферу понимания включаются воля, сенсорная сфера,

эмоции, переживания. Понимание – неотреченная форма освоения действительности [Там же, с. 16].

Понимание не сознание. Сознание, в отличие от понимания, конституируется не только отражением, но и целенаправленным, управлением и отношением. Сознание – осознанное бытие, т. е. отношение Я к не-Я. Понимание есть понимание сознания, т. е. освоение содержательности сознания в том виде, как эта содержательность дана в текстах. Вместе с тем понимание не осознание, т. е. не переход от не-сознания к сознанию. Понимание может быть осознанным в случае вербально выражаемой интерпретации [Там же, с. 17]. Во множестве случаев понимание как феномен коммуникативной деятельности даже и не нуждается в осознании. Например, в ситуации, когда человеку некогда, он набирает номер, берет трубку ребенок – дальнейший разговор может и не состояться, т. к. человек понимает, что родителей нет еще дома. Рефлексивный план: трубку взял Саша – значит, отца нет дома – значит, надо класть трубку – значит, надо перезвонить.

Понимание вообще и понимание текстов является одним из компонентов системной деятельности; в основе типологии понимания лежит способность пользоваться языком как знаковой системой. Понимание обеспечивается им и зависит от того, какое значение придается ее исходным знакам и формулам. В ведущем герменевтическом направлении – семиотической герменевтике – выделяется три области исследований:

- 1) синтаксический анализ (правила образования и преобразования выражений языка);

2) семантический: выражениям языка приписывается с одной стороны, десигнат (предмет), с другой – смысл, присущий этому десигнату;

3) прагматический анализ семиотической системы связан с использованием этой системы, или языка, на практике [Рузавин 1985, с. 166].

Понимание с семиотической точки зрения «сводится к раскрытию смысла или значения семиотической системы <...>, а это значение формируется человеком в результате его деятельности, таким образом, понимание относится к объектам, которые составляют продукт такой деятельности» [Там же, с. 168]. Понимание синонимично декодированию – составной части текстовой деятельности. Расшифровывающая деятельность отличается от процедурной тем, что в ней «производится изменение материала, начинают играть нормативы целенаправленных усилий и имеет место рефлексия над опытом» [Богин 1989, с. 12]. Таким образом, в системе действительность – человек – текст, последний закрепляет в знаковой форме понимание как освоение действительности, а тот, кто ставит целью понять текст, должен понять понятое, то есть воссоздать авторское понимание.

Необходимо подчеркнуть, что процесс понимания текста как декодирующая текстовая деятельность необходим в случае «преодоления действительных или возможных разрывов в коммуникации» [Богин 1982, с. 12] в ситуациях, где «требуется герменевтическое усилие (подч. автором)» [Там же], направленное на извлечение смысла, разрешающего непонимание. Разрыв в коммуникации в «естественном» процессе понимания (в повседневной коммуникативной деятельности) – это то

место, где требуется герменевтическое усилие, характеризуемое интенсификацией мыследеятельности.

Предметом герменевтической работы является текст (вспомним определение текста в 1.2.). Хотя истолкованию могут быть подвергнуты любые знаковые построения, художественный текст есть наиболее подходящий для истолкования объект. Тексты с точки зрения герменевтического потенциала делятся на жесткие и мягкие. Жесткие тексты обладают однозначностью и определенностью, и ограниченным числом интерпретаций (например тексты официально-делового и научного стилей). Мягкие – неопределенные и многозначные с возможностью большого количества интерпретаций [Мурзин, Штерн 1991, с. 20]. Поэтому чаще всего объектом истолкования в герменевтической ситуации выступает художественный текст. В герменевтической ситуации художественный текст можно трактовать как «монологическое выступление», а саму коммуникацию как неполностью вербализованную интеракцию.

Понимание как герменевтическая категория рассматривается в четырех аспектах: как процесс – ведущий аспект в изучении понимания; как стремление понять – мотивационная сфера понимания; как результат, и здесь говорят о знании чего-либо; как способность – индивидуально-типическая предрасположенность к пониманию [Богин 1982, с. 6].

Понимание целого произведения выступает как результат диалектического единства понимания частей и понимания целого. Одним из ведущих правил осуществления герменевтической деятельности является правило герменевтического круга, которое гласит, что

понять целое возможно только при опоре на понимание частей, которые в свою очередь понимаются на основе целого. Таким образом, процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача читателя состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство понятого смысла. Соответствие всех частных целому суть критерий правильности понимания. Отсутствие такого понимания означает его неверность [Богин 1982, с. 36].

Декодирование сообщения, содержащего в себе понимание другим человеком некоторой реальной ситуации, в герменевтической деятельности должно связываться с поиском причин того или иного впечатления от текста – приятного, неприятного, сложного, значимого отсутствия такового. Выяснение причин служит мотивом декодирующей текстовой деятельности, что ведет к осознанию существования *правил понимания*, читательского опыта и его роли как составляющей коммуникативной компетенции, особенностей текстов национальной культуры и далее к осознанию того факта, что и сам читатель имеет этот аспект – свое воплощение в тексте – аспект текстовой личности.

Декодирующая текстовая деятельность предполагает сознательное управление процессом понимания, *осознанную активность* при выполнении операций реконструирования информации текста, т. е. она противопоставлена «проявляемым вовне образцам и стереотипам действий, усвоенным либо на основе опыта собственной деятельности (осознанные навыки), либо в результате подражания общеизвестным или чужим образцам и стереотипам действий (неосознанные или малоосознанные навыки)» [Дридзе 1980, с. 25]. Это

означает, что филологическая работа с текстом должна характеризоваться деавтоматизацией мыслительных процессов, приводить к дифференциации и вскрытию факторов, неосознанно обуславливающих ход интерпретации, тем самым делая ее механической и малоценной с точки зрения новизны.

Процесс понимания означает движение понимания от исходной ситуации к конечной. Исходная ситуация создается мотивом, целью истолкования, выбором стратегии понимания, а также средств герменевтической деятельности истолкователя. Глубина и нормативность (правильность) понимания текста зависит и от сформированное™ герменевтической позиции и степени осознанности внутренней установки на выполнение герменевтической задачи.

Мотив – осознание герменевтической задачи, которая определяется как «вступить в-беседу-с текстом», как стремление «понять само дело» [Гадамер 1988, с. 124]. При филологическом подходе адекватным мотивом является мотив квалифицированно, т. е. оперируя и апеллируя к тексту, его различным аспектам, вывести его смысл и приложить этот смысл к конкретной ситуации, в которой находится истолкователь. Цель – достичь определенного уровня понимания, сформировать герменевтическую опытность, умелость в обращении с текстом, и, следовательно, развить свою способность к адаптации в самых разнообразных коммуникативных ситуациях.

Способ действия в интерпретативной работе с текстом осуществляется в виде постановки вопросов и перебора вероятностных ответов, решений и выбор из них наиболее адекватного: «вопрос решается в сипу

того, что основания в пользу одной возможности преобладают над основаниями в пользу другой, полным знанием это не является лишь после разбора контраргументов, лишь после того, как мы удостоверились в их несостоятельности – лишь тогда мы действительно знаем само дело» [Гадамер 1988, с. 156].

Средствами являются языковые знаки. «Знак – это квазиобъект (материализованная «фигура сознания»), который, выступая в качестве заместителя реального объекта, т. е. представляя (репрезентируя) другой объект, задает *программу деятельности* и поведения его истолкователю» [Дридзе 1980, с. 44]. Знаками в герменевтической деятельности выступают как слова, так и предложения, сверхфразовые единства, знаком может служить форма текста (его стилевая и жанровая принадлежность), различные элементы текста (эпиграфы, цитаты, его графическое представление).

Работа по интерпретации текста или герменевтический процесс содержит четыре основных этапа.

Первый этап соответствует «предварительному наброску» [Гадамер 1988, с. 318], входу в текст сообщения. Герменевтический контекст задает предпонимание, смысловое предвосхищение, антиципацию, реализуемые через совокупность установок истолкователя. Начинается создание герменевтического круга с предварительного наброска: «тот, кто хочет понять текст постоянно осуществляет набрасывание смысла как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок всего текста в целом» [Там же].

Здесь мы возвращаемся к проблеме существования мало- и неосознанных установок, которые определяют выбор решения в герменевтической проблемной ситуации. Установка, исследованная Д.Н. Узнадзе, есть «неизменная "промежуточная переменная" между стимулом и реакцией – представляет собой специфическое целостное отражение объекта в субъекте при воздействии первого на второе» (Цит. по [Гак 1973, с. 370]). Ей свойственны хроническое действие, бессознательность: «оставаясь вне сферы сознания, установка решающим образом влияет на содержание и ход осуществления сознания» [Там же]; константность, стабильность, генерализация: «она распространяется на разные объекты» [Там же]. Все перечисленные свойства установки ведут (если не делать сознательных усилий по их деавтоматизации) к однообразию и ограниченности интерпретаций и, в конце концов, к обесмысливанию рефлексивной деятельности, так как она должна служить получению нового знания.

Действие установки проявляется на первом этапе герменевтической работы с текстом в том, что первоначально текст отделен от нас исторически и/или социально, или чужд нам: «...предрассудки (Vorurteil) отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения (Urteil), составляют историческую действительность его бытия» [Гадамер 1988, с. 329]. К основным действующим установкам, определяющим ход понимания, относятся исторические, социальные, национальные установки, а также установки, возникшие на основе индивидуального жизненного опыта.

Исторический фактор требует от истолкователя осознания исторической установки (своей и авторской), определяющейся стадией развития общества (например,

каким образом и в чем мы можем усмотреть разницу установок читателя постиндустриального общества и общества эпохи ренессанса, и как это учитывать при истолковании текста, который также может быть нашим «современником», а может принадлежать и другой исторической эпохе?).

Социальный фактор требует от истолкователя учета роли социального статуса (интерпретатора и автора). Разница в социальном статусе и в том, какой ореол его окружает, может выразиться, например, в неосознанно приписываемой значимости или обесценивании текста в зависимости от известности / неизвестности, высокой или низкой авторитетности автора.

Этническая принадлежность автора текста и истолкователя составляет специфически организованную установку предпонимания. Осознанию и учету здесь подлежат факторы национальных черт авторского и читательского мировоззрения.

Наконец, истолкователь обладает определенным типом сознания, который до определенной степени обуславливает направление, согласно которому формируется жизненный опыт; тип сознания связан с процессом индивидуации личности. Тип сознания реализуется через установку в восприятии текста, а также в тексте в авторской установке. Выделяются четыре типа мышления и сознания: логический, эмоциональный, сенсорный и интуитивный. Первые два относятся к рациональному типу сознания и мышления, вторые два к иррациональному. Как работает этот механизм? Человек генетически установлен на определенные аспекты в восприятии ситуации действительности. Логический тип установлен на

восприятие материальных объектов, а также на выделение и построение систем материальных и идеальных объектов; эмоциональный тип установлен в восприятии на энергетический план объекта, на энергетические отношения, проявляемые в эмоциях, чувствах и отношениях притяжении, отталкивании, любви, ненависти, гнева, страха, досады и т. д. Сенсорный тип установлен на восприятие пространственного плана ситуации, интуитивный – временного. Адекватное действование с текстом предполагает совпадение архетипических установок автора текста и интерпретатора.

Таким образом, результатом стадии предпонимания является комплекс вопросов, стоящих перед читателем, а осознание каждой из установок определяет возможную линию интерпретации.

Второй этап протекает как истолкование, в форме ответов на вопросы, что отражает логическую структуру герменевтического процесса: «знание может быть лишь у того, у кого есть вопросы» [Гадамер 1988, с. 429].

На третьем этапе читатель, обобщая ответы, полученные на предыдущем этапе, определяет результаты истолкования. При филологической работе с текстом результаты истолкования представляются вербализованно, могут иметь форму аналитического отчета, рецензии, редакторского отзыва, предисловия к изданию, т. е. в тех жанровых формах, которые предполагают отклик, ответ на авторское понимание, опредмеченное в тексте.

На четвертом этапе осуществляется момент аппликации, или применения результатов, интеграции полученной информации в читательский опыт.

Выделяются следующие *типы понимания*: «1) семантизирующее понимание, т. е. „декодирование“ единиц текста, выступающих в знаковой функции; 2) когнитивное понимание, т. е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание; 3) смысловое (феноменологическое) понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста. Последние выступают не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода» [Богин 1982, с. 53].

Каждому типу соответствуют свои техники понимания: 1) семантизирующему типу соответствует техника декодирования, где знаку приписывается определенное значение; 2) когнитивному – техника интериоризации контекста ситуации (контекстная догадка), техника наращивания смыслов микроконтекстов и техника соединения актуализируемых знаний с усматриваемыми признаками отраженного в тексте объекта; 3) смысловому типу соответствует распредмечивание средств текста, коррелятивных со смыслами и неравных при этом средствам прямой номинации, реактивация прошлого опыта значащих переживаний и, наконец, переконцентрация – переключение личностной установки, сопровождаемое практическим абстрагированием от мыслей и чувств, не относящихся к содержательности понимаемого текста (эмпатия) [Богин 1982, с. 63–71].

Типология понимания, с другой стороны, отражает степень сложности процесса интерпретации, и, следовательно, уровень развитости языковой (текстовой)

личности. Проиллюстрируем основные моменты каждого типа понимания на следующем тексте:

В воздухе, напоенном запахом водорослей, радужно переливалась бабочка. Один лишь миг ощущал он прикосновение ее крыльев к пересохшим губам. Но пыльца крыльев, осевшая на его губах, радужно переливалась еще много лет спустя (Р. Акутагава. Эссе).

1. *Семантизирующее понимание* возникает как ответ на вопрос: «я понял, но что же я понял? И, в частности, если здесь о чем-то говорится, то о чем же?» [Богин 1989, с. 19]. Перед читателем разворачивается содержание, но пока еще не смысл. Мы понимаем, что эссе посвящено бабочке. Содержание текста сводится к следующему: один человек находился возле озера. В один момент на его губы села бабочка. Это произвело на него очень сильное впечатление, так как он помнил это много лет. При семантизирующем понимании производится рефлексия над опытом памяти, и здесь мы можем вспомнить любые эпизоды, связанные с бабочками: как их ловили в детстве, картинки с бабочками и т. д. Мы можем попытаться вспомнить, производило ли на нас прикосновение бабочки такое впечатление, и вообще, порефлексировать над тем, какое у нас отношение к бабочке.

Когнитивное понимание начинается с вопроса о том, что выражает данное содержание: «чему служат все эти субституенты по сравнению с вытесненными ими средствами выражения и изображения?» [Там же]. Поскольку при когнитивном понимании производится рефлексия над опытом знания, то возникает вопрос о том, знания из какой области мы должны актуализировать, чтобы понять смысл текста?

Использование автором жанровой формы (эссе) определяет принципы отбора языковых средств, так как стилистическая и жанровая системы представляют собой конвенциональные, выработанные и закреплённые литературной традицией формы текстов. Поэтому необходимо привлечение знаний из области литературоведения и стилистики. Жанр эссе предполагает тождество автора субъекту текста, что позволяет отнести этот жанр к публицистическому стилю. С другой стороны, эссе предполагает выражение личных впечатлений, мыслей, чувств, т. е. художественность в их передаче также является жанрообразующим признаком. При наблюдении над формой текста возникают следующие вопросы: почему эссе пишется не от первого лица? Чем отличается от избранных средств выражения, например, такое начало: «Я стоял на берегу озера. В воздухе пахло водорослями...»? Очевидно, что центральным «впечатляющим» объектом является бабочка, образ которой представлен через такие языковые средства, как «пыльца крыльев», «радужно переливалась». Жанрообразующее эссеистическое отношение «я – впечатление, мысль, чувство» здесь иерархично, изложение от третьего лица создает слишком большую, на наш взгляд, для жанра эссе дистанцию между автором и объектом впечатления, тем самым образ бабочки доминирует, и даже довлеет над автором. Тексту в целом свойственна нехарактерная для эссе отстраненность автора от того, о чем он пишет. Поэтому целостность образа ситуации подводит нас к более внимательному исследованию средств, представляющих автора. Его образ создается следующими средствами: «он» – «он с пересохшими губами» – «он с радужными губами много

лет». Когнитивное понимание характеризуется конкретностью, поэтому мы можем задать себе, например, такой вопрос: как в воздухе, пахнущем (автор выбирает слово «напоенный») водорослями, могут пересохнуть губы?

Поиск ответов выводит нас в область мифологической символики, и мы понимаем, что, по крайней мере три текстовых средства несут помимо прямого значения скрытый смысл: бабочка означает что-то еще, пересохшие губы не означают просто физиологическую жажду, радужная пыльца крыльев не может сохраняться в течение многих лет, поэтому она также символически представляет что-то. В мифологии образ бабочки связывался с процессами трансформации, с переходом из одной формы в другую, и, таким образом, со смертью, перевоплощением души. Тогда смысл эссе заключен в жажде человека, его желании перевоплотиться, преодолеть ограниченность формы? Но такая интерпретация противоречит смыслу последнего предложения. Следующая линия: если бабочка – душа, то чья? Если автора, то почему он соприкасается с ней как с объектом внешнего мира? И только при толковании бабочки как образного воплощения чьей-то души возникает целостность интерпретации, означающей непротиворечивость смысла частей и целого. Итак, мы выбираем такое толкование: автор воплотил в образе бабочки чью-то душу – многоцветную (радужную), легкую, крылатую. Душа эта недоступна и потому приобретает черты божества; соприкосновения с ней автор жаждет, он помнит его много лет. Пыльца – божественный след – остается в памяти автора, но утолила ли эта встреча его жажду?

3. Смысловое понимание характеризуется процессуальностью образа, оно руководствуется вопросом: «я понял, почему выбрана именно тема субституций, но каким образом в ее рамках развиваются (наращиваются и растягиваются) смыслы?» [Вогин 1989, с. 20]. При смысловом понимании производится рефлексия над опытом значащих переживаний. Мы определили, что темой эссе является бабочка, выбор языковых средств и построение текста заставляет сосредоточить внимание читателя именно на этом образе-символе, а центральным моментом в динамическом образе ситуации является миг встречи губ человека с крыльями бабочки. Если применить технику переконцентрации (попытаться поставить себя на место автора), то обнаруживает себя зависимость переживаний от культурной среды и ее многочисленных (религиозных, национальных, социальных, исторических) факторов. Эти факторы определяют и значимость этих переживаний, а также правильность, социальную нормативность процесса переживания. Соединив тему с этнической принадлежностью автора эссе, мы обнаруживаем связь его смысла с мировоззрением, характерным для японского буддизма, и таким образом приходим к следующему толкованию: в японской культуре бытие в природе неотделимо от бытия человека и питает его. Однако парадоксальность человеческого бытия (по дзен-буддизму) заключается в том, что он в то же время выделен из природы тем, что обречен на накопление и осознание своего опыта. В связи с этим моменты, в которые восстанавливается изначальная целостность, являются прорывом в подлинное бытие, эти моменты питают человеческий дух. Итак, бабочка – символ чистого и свободного бытия, а также это символ

идеального состояния, вхождение и пребывание в котором является для автора подлинной человеческой целью.

Постоянная герменевтическая практика ведет к формированию герменевтической позиции и герменевтического опыта. Позиция по отношению к самому процессу понимания называется исследовательской позицией, она – позиция внешняя, так как выясняет, что такое понимание. В связи с исследовательской позицией важны следующие вопросы: наличие разных стратегий понимания в разных герменевтических ситуациях и вытекающая из этих различий типология понимания; всесторонность понимания и вытекающая отсюда задача представить разные грани понимаемого; наличие разных техник (методик) понимания, выбор которых зависит от той или иной грани содержательности текста; характеристики рефлексии как основы понимания; характеристики процесса понимания [Богин 1982, с. 49].

Второй аспект герменевтической позиции – практический или внутренний: «внутренняя позиция варьируется в зависимости от ситуации и цели деятельности, варианты выступают как более частные позиции. При установке на выход к знаниям через понимание можно говорить о познавательной позиции, при понимании ради нахождения решения – об эвристической, при установке на отделение истинного понимания от ложного – об ориентационной и т. д.» [Там же, с. 51].

И наконец, позиция герменевта детерминирована его внутренним реальным герменевтическим опытом. Выделяются три его формы, каждая из них включает

предыдущую и соотносится с типом понимания, с одной стороны, с другой – с уровнем развития языковой (текстовой) личности. Первый опыт общения с текстом рассматривает его как средство: поняв, что типично для текста, тот, кто интерпретирует, получает доступ к манипулированию значениями языковых знаков с целью создания индивидуальной интерпретации. Это первая ступень опыта. Вторая форма опыта учитывает, что текст создан личностью, но он остается определенной формой соотнесенности с «я», интерпретатор центром и источником интерпретации считает себя. «Этот опыт свидетельствует об отношении иерархии – истолкователь господствует над текстом, так как путем рефлексии выводит себя из двусторонности отношений...разрушает истинный смысл этого предания» [Гадамер 1988, с. 424]. Третий, высший тип герменевтического опыта означает, что интерпретатор в отношении «текст-истолкователь» подчиняется тексту, он позволяет тексту «говорить» с собой, текст является центром коммуникации.

Выводы

1. Понимание текста как особая, с помощью филологических знаний организованная рефлексивная деятельность направлена на извлечение смысла из художественного произведения, на исследование вариантов его интерпретации. Само понимание является формой системомыследеятельности субъекта и может обозначать процесс, готовность к пониманию, результат понимания и способность как предрасположенность к данному виду деятельности.

2. Не всякая коммуникативная ситуация является герменевтической. Непонимание, очевидность дву-, многосмысленности текста ставит читателя в позицию

герменевта, усилия которого направлены на поиски и выстраивание вариантов интерпретации. Поскольку художественный текст по своей природе многозначен, то именно он чаще всего порождает герменевтическую ситуацию.

3. Понимание – процесс нормативный, т. е. осуществляется на основе определенных принципов и правил, например, с использованием правила герменевтического круга. Эпифеноменальное понимание – результат игнорирования процессуальной стороны понимания.

4. Процесс понимания, как и любая человеческая деятельность, предполагает наличие мотива, цели, способов действия и средств осуществления. Процесс понимания – декодирующая текстовая деятельность, мотивом которой выступает стремление разрешить непонимание, целью – найти наиболее «правильную», удовлетворяющую интерпретацию, способ действия определяется стратегией, избираемой герменевтом, средствами – знаки и знаковые комплексы различной длины и сложности, вычленяемые в тексте.

5. Герменевтическая работа с текстом распадается на четыре этапа: анализ установок (предпонимание), процесс истолкования, вербализация (фиксация) результатов интерпретации, интегрирование нового знания в герменевтический опыт.

6. Существующие типы понимания (семантизирующее, когнитивное, смысловое или распредмечивающее) образуют систему герменевтической практики; при восхождении от одного типа к другому предыдущая ступень встраивается, интегрируется в более высокую. Вершиной практики и

высшей формой герменевтического опыта является такое коммуникативное отношение, такая позиция в коммуникативном пространстве, при которой текст занимает позицию второго субъекта в коммуникативном акте, причем позицию центральную, главенствующую. Только таким образом смысл художественного произведения открывается читателю в полном объеме. Каждому типу понимания соответствует свой набор стратегий и техник интерпретаций.

Очевидно, что результаты и рост в герменевтической деятельности возможны при условии постоянной практики. Практикующий, активный читатель-филолог формирует герменевтическую позицию и опыт и таким образом развивает в себе тот аспект текстовой личности, который связан с пониманием самых разнообразных текстов в многочисленных коммуникативных ситуациях.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, каким способом можно измерить способность к пониманию текстов?

2. Классифицируйте и опишите коммуникативные ситуации, в которых у вас чаще всего возникает проблема непонимания (герменевтическая ситуация).

3. Составьте свой собственный список художественных текстов, «не поддающихся» интерпретированию. Каковы, по-вашему, причины трудностей?

4. Пронаблюдайте, какие специальные знания о тексте (в том числе из данного пособия) Вы используете в обыденном чтении – чтении текстов массовой

информации, рекламы и т. д. Чем отличаются Ваши интерпретации от интерпретаций окружающих?

5. Техника переконцентрации, используемая в распрямляющем понимании предполагает определение фокуса и иерархии эмпатии в тексте. «Эмпатия – идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение чего-либо с некоторой точки зрения. К примеру: *Тема и собака были привязаны друг к другу* – эмпатия равна нулю; *Тема любил свою собаку* – точка зрения говорящего совпадает с точкой зрения Темы; *Песик обожал своего хозяина* – говорящий рассматривает события с точки зрения собаки. Существуют ряды иерархии эмпатии: говорящий – слушающий – третье лицо; человек – живое существо – предмет; тема беседы – новый (неанафорический) объект» (Лингвистический энциклопедический словарь).

Определите фокус и иерархию эмпатии в предложенном ниже контексте. Перестройте иерархию эмпатии и перепишите текст: а) от имени «нарядной барышни»; б) от имени лодки; в) раскрывая одну из возможных тематических линий текста. Какой из уровней текста (морфологический, синтаксический, лексико-семантический) претерпел наибольшую модификацию?

Нарядные барышни тоже недурно выглядят в лодке. По-моему, нет ничего более приятного для глаза, чем сшитый со вкусом лодочный костюм. Но «лодочный костюм», – пусть меня правильно поймут дамы, – это костюм для катанья на лодке, а не для сиденья под стеклянным колпаком. Если вы возьмете в лодку особ, которые больше интересуются своим туалетом, чем предстоящей прогулкой, то можете не сомневаться, что

все удовольствие будет испорчено. Однажды я имел несчастье участвовать в прогулке по реке с двумя такими барышнями. Ну и веселая же прогулочка у нас получилась!

Обе расфуфырились в пух и прах – шелка, кружева, цветы и ленты, изящные туфельки и светлые перчатки. Они нарядились для фотографирования, а не для пикника. На них были «лодочные костюмы» с французской модной картинки. Смешно даже подумать, чтобы дама в таком платье могла войти в соприкосновение с реальной землей или водой или воздухом (Д.К. Джером. Трое в одной лодке, не считая собаки).

Интертекстуальный анализ – еще один вид герменевтической работы с текстом (особенно постмодернистским), используемый в распремечивающем понимании. Определите, к какому слою текстовой информации может быть отнесен эпиграф предложенного ниже стихотворения А. Ахматовой: к содержательно-фактуальному (указывает на какой-либо социальный, психологический, культурный факт); к содержательно-концептуальному (выявляет идею, концепцию произведения); содержательно-подтекстовому (требуется от читателя заполнения смоделированной автором лакуны в тексте). Найдите произведения, эпиграф к которым входит в другой вид текстовой информации.

ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади его и
стала соляным столпом

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

А. Ахматова. 1922–1924

БИБЛИОГРАФИЯ

Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5.

Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.

Антонова С.Г., Прудковский Б.А., Тюрина Л.Г. О проблеме создания «нехудожественного текста» // Филологические науки. 1999. № 1.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Итертекстуальность. СПб., 1999.

Арнольд И.В. Стилистика декодирования. Л., 1974.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.

Бабенко Л.Г., Васильев У.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.

Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика М., 1989; М., 1994.

Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.

Барт Р. С/Z. М., 1994.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках: опыт философского анализа // Русская словесность: Хрестоматия. М., 1997.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бенвенист Э. Семиология языка // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

Блюменау Д.И. Проблемы свертывания научной информации. Л., 1982.

Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб., 1993.

Богин Г. Г. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.

Богин Т.Н. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам. // Понимание и интерпретация текста. Тверь, 1994.

Богин Т.Н. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин, 1989.

Богин Т.Н. Типология понимания текста. Калинин, 1986.

Богин Т.Н. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М., 2007.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.

Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1975. Вып. VII. Социолингвистика.

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М., 2004.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998.

Бурдые П. Начала. М., 1994.

Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998.

Волгина Н.С. Теория текста. М., 2003.

Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов): автореф. дис. Барнаул, 2008.

Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов): дис. Барнаул, 2008.

Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А. Новые возможности

лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3.

Васильев Л.Г. Аргументирующий дискурс: условия удачи (по материалам зарубежной аргументологии) // Филология и человек. 2007. № 1.

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988.

Васильева В. В. Механизмы интерпретации текста в лингвокультурологическом аспекте // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.

Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. М., 2001.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII.

Вежбицка А. Речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.

Везнер С. И. Речевой жанр «брачное объявление»: эвокационное моделирование: Автореф. дис. Барнаул, 2008.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.

Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Винокур Г.О. Культура языка. М., 1925.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка (Основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1929; М., 1993.

Вопросы стилистики. Саратов, 1992. Вып. 24. Текст и его компоненты.

Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 28. Человек и текст.

Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М., 2005.

Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов и/Д, 1998.

Гавенко А. С. Вторичный текст как компонент художественного текста (на материале романа В. Пелевина «Generation "П"»): дис. Барнаул, 2002.

Гадамер Г.Г. Истина и метод. М., 1988.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики – 1972, М., 1973.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. М., 1996.

Гаузенблас К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.

Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. Тбилиси, 1986.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

Гиндин С. И. Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тез. конф. М., 1995. Т. 1.

Гиндин С. И. Советская лингвистика текста: некоторые проблемы и результаты (1948–1971) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1977. Т. 36. № 4.

Гиндин С. И. Что знала риторика об устройстве текста? // Риторика. 1995. № 1; 1996. № 1.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1966.

Голякова Л.А. Текст. Контекст. Подтекст. Пермь, 2002.

Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXIV.

Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М., 1990.

Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001.

Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Дедова О. В. К вопросу о терминологии лингвистического описания русского гипертекста (о соотношении понятий гипертекстуальности и интертекстуальности) // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001.

Дедова О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2001. № 4.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Диалектика текста. СПб., 1999. Т. 1; СПб., 2003. Т. 2.

Долинин К.А. Интерпретация текста: французский язык. М., 2005.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999; М., 2001.

Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.

Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов, 1997.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.

Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М., 1998.

Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. М., 1979.

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1978.

Земская Ю.Н., Панченко Н.В. Креативная функция личности в сфере языковой коммуникации // Очерки по лингвистической детеминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография. Барнаул, 1998.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.

Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

Исследования по теории текста: Реферативный сборник. М., 1979.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.

Карасев Л.В. Онтология и поэтика // Вопросы философии. 1996. № 7.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; М., 2002.

Категоризация мира: пространство и время. М., 1997.

Качесова И.Ю. Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Качесова И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов В.М. Шукшина: Трансформационный аспект: Дисс... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.

Качесова И.Ю. Текстовые реализации характеристик поля аргументации // Филология и человек. 2008 № 2.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Колшанский Г. В. Коммуникативная структура языка и структура текста. М., 1984.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М., 2004.

Кривоносое А. Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимосвязи языка и мышления // Вопросы языкознания. 1986. № 6.

Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста как результат реализации системы прагматических установок // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1995. № 1.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст. СПб., 1994. № 2.

Кубрякова Е.С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Докл. конф. М., 1999.

Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

Купина Н.А. Сверхтекст и его разновидности // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты: Тез. докл. Екатеринбург, 1992.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. Красноярск, 1983.

Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Курбатов В.А. Логика. Ростов-на-Дону, 1996.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.

Лазарева Э.А. Дискурс массовых коммуникаций: проблемы интертекстуальности // Человек – коммуникация – Текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.

Левицкий Ю.А. Лингвистика текста. М., 2006.

Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистики текста. Пермь, 2002.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1968.

Лингвистические средства текстообразования. Варнаул, 1985.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1997.

Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000 (а).

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

Лотман Ю.М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000 (б).

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб., 2000 (в).

Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2005.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.

Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.

Макаров М.Л. Дискурс: форма, функция, культура // Языки и литературы народов Горного Алтая. Междунар. ежегодник – 2002. Горно-Алтайск, 2002.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Манянин П. П. Аргументативно-синтаксическая структура газетного рекламного текста: коммуникативный аспект (на материале рекламы недвижимости и риэлторских услуг): Автореф. дис. Барнаул, 2007.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте тестовых категорий. Свердловск, 1990.

Мейзерский В.М. Философия и неориторика. Киев. 1992.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ=> ТЕКСТ». М., 1974.

Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста. Ростов н/Д, 2003.

Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М., 2006.

Моррис Ч.У. Из книги «Значение и означивание» // Семиотика. М., 2001.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М., 2001.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.

Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация (на материале производства предложений русского языка): Автореф. дис. Пермь, 1976.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

Мухин М.Ю. Категория синтагматического напряжения и лингвистический анализ художественного текста // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.

Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск, 1991.

Мышкина Н.Л. Внутренняя структура текста. Пермь, 1998.

Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.

Николаева Т.М. Текст; Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

Никонова Т.Н. Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В.М. Шукшина: Дис. Горно-Алтайск, 2002.

Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Новиков А.И. Семь дихотомических признаков смысла. [Электронный ресурс] // URL: [http: / /teneta. g inet. ru /rus](http://teneta.ginet.ru/rus).

Новиков А. И. Текст как объект исследования лингвопсихологии // *Методология современной психолингвистики*. Барнаул, 2003.

Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.

Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. IX. Лингвостилистика.

Новое в зарубежной лингвистике. М... 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.

Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.

Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка.

Ноздрина Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дис. М., 1997.

Ноздрина Л.А. Поэтика грамматических категорий. М., 2006.

Нурахметов Е.Н. Эмоциональный компонент в картине мира художественного текста // *Текст как отображение картины мира*. М., 1989.

Одинцов В.В. *Стилистика текста*. М., 1980.

Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // *Самосознание европейской культуры XX века*. М., 1991.

Основы общей риторики. Варнаул, 2000.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Панова И.И. Лингвистика русского гипертекста // Русский язык: история и современность. М., 2001.

Панченко Н.В. «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста (на материале современной художественной прозы) // Филология и человек. 2008. № 1.

Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007. № 1 (а).

Панченко Н.В. Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX – начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4 (б).

Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002.

Пешкова С.П. Смешанная, языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В.М. Шукшина: Дис. Горно-Алтайск, 1999.

Пешкова С.Н., Чувакин А.А. Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения. Улан-Удэ, 2004.

Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» // Семиотика. М., 2001.

Попов А.В. Символ как фактор текстопорождения (на материале текстов современной русской поэзии Горного Алтая): Автореф. дис. Варнаул, **2006**.

Попов Ю.В. Текст как эмпирический и теоретический объект языкознания // Весиш Беларускага ун-та. Минск, 1988. Кн. 1. Сер. 4.

Поповская (Лисоченко) Л. В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов н/Д, 2006.

Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М., 1990.

Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960.

Потебня А.А. Мысль и язык. Из лекций по теории словесности // Русская словесность. Хрестоматия. М., 1997.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Проблемы интерпретационной лингвистики: Автор – Текст – Адресат. Новосибирск, 2001.

Проблемы теории текста: Реферативный сборник. М., 1978.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.

Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996.

Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.

Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. М., 1983.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию
М., 1979.

Руднев В.П. Винни Пух и философия обыденного
языка. М., 2000.

Руднев В.П. Морфология реальности: Исследование
по «философии текста». М., 1996.

Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по
философии текста. П.; М., 2000.

Рузавин Г. И. Проблема понимания и герменевтика
// Герменевтика: история и современность (критические
очерки). М., 1985.

Русский язык. Текст как целое и компоненты текста.
М., 1982.

Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Савочкина Е.А. Лингвоэвокационное исследование
литературно-художественного жанра юридического
триллера (на материале романа J. Grisham «The Runaway
Jury» и его перевода на русский язык): Автореф. дис.
Барнаул, 2007.

Садовский В.Н. Смена парадигм системного
мышления // Системные исследования – 1992–1994. М.,
1996.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.,
1989.

Семиотика: Антология. М., 2001.

Сепир Э. Коммуникация // Э. Сепир. Избранные
труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Сергеев В. И. Когнитивные методы в социальных условиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М., 2008.

Сидоров Е.В. Основы современной концепции текста: Автореф. дис. М., 1987 (а).

Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987 (б).

Сидоров Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1987 (в).

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000.

Синтаксис текста. М., 1979.

Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.

Соболева Е.Г. Виды текстовой модальности // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.

Соколов О.М. Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. Барнаул, 1993.

Солганик Т.Я. Стилистика текста. М., 1997; М., 2000.

Степанов Ю. С. Введение // Семиотика. М., 2001.

Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.

Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.

Стриженко А.А., Кручинина Л.И. Об особенностях текстов, относящихся к разным функциональным стилям. Иркутск, 1985.

Структура и семантика художественного текста. М., 1999.

Тарасов Е. Ф. Психолингвистические особенности языка рекламы // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.

Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998.

Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

Тодоров Ц. Как читать? // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1998. № 6.

Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 2001.

Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика. М., 2001.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Трипольская Т.А. Предисловие // Проблемы интерпретационной лингвистики: человек – текст – адресат. Новосибирск, 2001.

Трошина Н.Н. Проблемы теории текста // Теоретические проблемы советского языкознания. 1977–1986: Сборник обзоров. М., 1987.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986.

- Тынянов Ю.Н.* Литературный факт. М., 1993.
- Тюпа В.И.* Анализ художественного текста. М., 2006.
- Успенский Б. А.* Поэтика композиции // В.А. Успенский. Семиотика искусства. М., 1995.
- Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2006.
- Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000.
- Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1995. № 5.
- Федосюк М.Ю.* Речевые жанры: тип высказывания или тип текста // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.
- Филиппов К.А.* Лингвистика текста. СПб., 2003.
- Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., **2000**.
- Фролова О.Е.* Мир, стоящий за текстом. М., 2007.
- Фрумкина Р.М.* «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Хартман П.* Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. М., 1978.
- Ход ус В. П.* Модель «антидрамы» А. П. Чехова по данным метатекста // Текст: Узоры ковра. Вып. 4. Ч. 2. СПб.; Ставрополь, 1999.
- Хомский Н.* Язык и проблемы знания // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1995. № 4.

Человек – Коммуникация – Текст: Сборник статей. Барнаул, 1998. Вып. 1 и след.

Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.

Человеческий фактор в языке. М., 1989.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. Барнаул, 2005.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М., 2005.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

Чувакин А.А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 1999. Вып. 4.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Чувакин А.А. Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8.

Чувакин А.А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2007.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.

Чувакин А.А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7.

Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Чувакин А.А., Пешкова С.Н. Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы теории текста: лингвистическая теория и практика обучения. Улан-Удэ, 2004.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

Шаймиев В.А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русский язык. СПб., 1996. № 4.

Шаховский В.П., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Шмелева Т. В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998.

Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998.

Шмидт З. Философские предпосылки перифрастического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.

Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст – 1989. М., 1989; Контекст – 1990. М., 1990; Контекст – 1991. М., 1991.

Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.; Воронеж, 1996.

Щедровицкий Г.П. Как возникла «лингвистика текста»: две программы исследований // Лингвистика текста: Матер, научи, конф. М., 1974. Ч. 1.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998; СПб., 2004.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.; М., 2005.

Юдин Э.Г. Деятельность и системность // Системные исследования – 1976; М., 1977.

Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 2001.

Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Якубинский Л.П. Язык него функционирование. М., 1986.

Skalicka V. Syntax promluvy (enunciace) // Slolo o slovesnost. XXI. 1960. № 4.